

Ценностно-нормативные ориентации старшеклассника

МОСКВА 1995

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

ЦЕНТР СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Ценностно-нормативные ориентации старшеклассника

ТРУДЫ ПО СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Том III. Выпуск IV.

МОСКВА 1995

Печатается по решению Ученого Совета Центра социологии образования РАО

Рецензенты:

Доктор психологических наук В.С.Лазарев

Кандидат педагогических наук П.С.Писарский

В выпуске представлены экспериментальные исследования по выявлению особенностей социализации современного старшеклассника. Настоящая публикация адресована социологам, психологам и педагогам.

Ценностно-нормативные ориентации старшеклассника. Труды по социологии образования. Том III. Выпуск IV. Под редакцией В.С.Собкина. М.: Центр Социологии образования РАО, 1994. -146с.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. СОЦИАЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.С.Собкин. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ЦЕН- НОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РУССКИХ И ЕВРЕЙСКИХ ПОДРОСТКОВ.	6
В.С.Собкин, Г.А.Емельянов. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ШКОЛЬ- НИКОВ ТУВЫ.	64
А.М.Грачева. ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ КАТЕГОРИЙ СОЗНАНИЯ РУССКИХ И ЕВРЕЙ- СКИХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ОБЛАСТИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВОС- ПРИЯТИЯ	99
А.М.Грачева. ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖНА- ЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ТУВИНСКИХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ	112

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.П.Авдуевская, С.А.Баклужинский. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКА В УСЛОВИЯХ БЫСТРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ.	118
В.М. Слуцкий. СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ ДЕТЕЙ	133

От редактора

В настоящем сборнике представлены результаты социологических исследований, которые были проведены сотрудниками Центра социологии образования РАО. Основная цель этих исследований состоит в попытке показать особенности социализации современного подростка в условиях ценностно-нормативной неопределенности и социальной нестабильности. Это ключевой сюжет объединяющий статьи, помещенные в сборник.

Предваряя сборник, выскажу лишь несколько общих соображений. В первом разделе объединены статьи социально-этнографического характера. Две первых из них (моя статья и моя совместная статья с Г.А. Емельяновым) написаны на основе материалов конкретных социологических исследований, выполненных по достаточно сходным программам.

Основная задача, которая ставилась при разработке данных программ, это попытаться показать особенности становления ценностных ориентаций при переходе от подросткового возраста к юношескому у учащихся разных национальных групп. Думается, что сопоставление русских, евреев и тувинцев здесь интересно не только в связи с разными национально-культурными традициями этих национальных групп, но и в связи с тем, что в каждой из них доминирует разная религия: православие, иудаизм, буддизм. Таким образом, различия в ценностных ориентациях, если они обнаружатся, могут быть объяснены не только современным социально-экономическим контекстом, но и достаточно фундаментальными культурными основаниями.

Итак, основная цель этих исследований - определить социокультурные типы и траектории развития, цель достаточно явно обозначенная в работах Л.С. Выготского.

Завершают этот раздел две статьи А.М. Грачевой об особенностях межэтнического восприятия школьников разных национальностей. Эти исследования выполнены в рамках выше обозначенных программ и позволяют, в определенной степени, прояснить особенности становления национальной идентичности как одного из основных содержательных новообразований подросткового возраста. Замечу, кстати, что само включение в программы социологических исследований особых подпрограмм, использующих психосемантические методы исследования, представляется достаточно перспективным. И здесь

важен не сам по себе часто весьма абстрактный разговор о необходимости комплексности в психолого-педагогических исследованиях, а решение проблемы по-существу. Использование достаточно мощных исследовательских процедур, наряду с традиционными социологическими методами, это та реальная перспектива, которой мы намерены придерживаться.

Во втором разделе объединены статьи ряда социально-психологических исследований. Они отличаются от статей первого раздела не только по методам исследования, но и по своему предмету.

Так, в статье Е.П. Авдуевской и С.А. Баклушкинского рассматривается вопрос о влиянии быстрых социальных изменений, происходящих в нашем обществе, на социальное окружение подростков и формирование их ценностно-нормативных ориентаций. Экспериментальное фундирование структурных и динамических аспектов социального окружения подростка крайне важно для понимания механизмов его социализации. Хотелось бы обратить внимание на выявленный исследователями, с моей точки зрения, фундаментальный факт, что в условиях быстрых изменений, когда эти изменения включены не отдельные социальные группы, а все общество, роль семьи в социализации подростка не только не уменьшается, но, напротив, семья выступает в роли особого социального демпфера.

Статья В.М. Слуцкого представляется достаточно оригинальной по самой постановке исследовательской задачи. Здесь не только отслеживается возрастная динамика профессиональных и жизненных планов детей и подростков, но и проводится их соотнесение с мнением родителей и, что может быть самое любопытное, с представлениями самих родителей об их ориентациях в соответствующем возрасте. В культурологическом отношении выявленный факт о сходстве ориентаций детей с ориентациями их родителей в возрасте самих детей представляется крайне существенным, поскольку позволяет говорить о своеобразном механизме трансляции жизненных планов и ожиданий внутри семьи.

Представляя сборник, считаю необходимым отметить, что материалы и статьи не столько решают проблемы социализации, сколько их ставят. Несмотря на традиционность самого вопроса, мы находимся в начале научного пути. Думаю, что это особая прелесть науки, всегда находиться в начале.

В. Собкин.

Раздел I

Социально-этнографические исследования

Сравнительный анализ особенностей ценностных ориентаций русских и еврейских подростков.

В.С.Собкин

"Междуд тем именно еврейский вопрос, в котором проблема русского национального самосознания ставится в чрезвычайно остром, но вместе с тем и замаскированном виде, требует особенно искреннего обсуждения. От этого обсуждения могли бы выиграть внутренние взаимные отношения той, по крайней мере, части русской и еврейской интеллигенции, которая ищет правдивого и ничем не замаскированного самоопределения"

(о. С.Булгаков "Размышления о национальности")

Предварительные замечания.

В статье излагаются результаты социологического опроса, который был проведен сотрудниками Центра социологии образования РАО и Московского Еврейского Университета в марте-апреле 1994 года. Этот опрос является частью исследовательского проекта, включающего в себя проведение цикла социологических, социально-психологических и психосемантических исследований старшеклассников различных национальностей, проживающих на территории России. В целом исследования, разворачиваемые в рамках данного проекта, ориентированы на изучение особенностей формирования этнического самосознания подростков разных национальностей, выявление их специфических этнокультурных и социальных ценностей, установок, ожиданий, идеалов. Поскольку ряд отдельных положений разрабатываемого под нашим руководством проекта уже изложен в публикации сотрудника Центра А.М.Грачевой [9], то здесь мы в большей степени коснемся возрастной проблематики.

Подростковый возраст выбран нами не случайно. Как известно, именно в этот возрастной период жизни наиболее остро психологически переживается проблематика личностного и жизненного самоопределения. В этой связи Л.С.Выготский отмечал, что "ключом ко всей проблеме психологического развития подростка является проблема интересов в переходном возрасте" [5,6]. Именно в этот период происходит существенная перестройка всей структуры потребностей и побуждений ребенка, переоценка ценностей, происходит весьма существенное "расширение его среды". "При этом меняется и среда, т.е. отношение ребенка к среде. Иное начинает интересовать ребенка, иная деятельность возникает у него, и перестраивается сознание ребенка, если со-

знатие понимать как отношение ребенка к среде" [6,385]. На этом этапе своего культурного развития перед ребенком встает задача овладения новым содержанием, "вместе с переходом к мышлению в понятиях перед подростком раскрывается мир объективного общественного сознания, мир общественной идеологии" [5,58].

С нашей точки зрения, совершенно особое место в этом процессе начинают играть сюжеты, связанные с национальным самоопределением и этнической идентификацией подростка. Сднако об этом сегодня можно говорить лишь в принципе, исходя,- либо из достаточно общих представлений о том, что расширение культурной среды неизбежно за-мыкает подростковое сознание на формирование отношения к национальной культуре и этническую идентификацию; либо, опираясь на опыт житейских представлений; либо, наконец, на опыт собственных переживаний, реконструируя те коллизии, которые возникали у самого исследователя в подростковом возрасте (да и позже) в связи со своей национальной принадлежностью. К сожалению, данная проблематика по понятным идеологическим причинам в отечественной психологии и социологии была долгие годы запретной. Пожалуй, наиболее емко с нескрываемой иронией логическую фигуру снятия еврейского вопроса в советской идеологии выразили И.Ильф и Е.Петров в "Золотом теленке":

" - Но ведь в России есть евреи? - сказал он осторожно.

- Есть, - ответил Паламидов.

- Значит, есть и вопрос?

- Нет. Евреи есть, а вопроса нету" [10,550].

В результате сегодня мы практически не имеем ни реальной научной фактологии, ни серьезного научного осмысливания вопроса об особенностях формирования национального

самосознания в России. В этой связи высажем ряд предварительных общих соображений, которые определяют содержательный контекст проведенного социологического исследования, которое, повторимся, является лишь частью исследовательского проекта.

Первое - это то, что проблематика национального самоопределения, как нам представляется, должна рассматриваться в логике развития тех общих социальных процессов, которые происходят сегодня в России. И здесь, если не касаться аспектов экономической нестабильности и общекультурных тенденций к децентрализации, в первую очередь следует отметить, что социализация современного подростка протекает сегодня в России в ситуации *ценостно-нормативной неопределенности*. Пожалуй, именно этот момент является центральным. Во многом он аналогичен той ситуации, которую обсуждала М.Мид при характеристике разных типов культур - постфигуративной (где дети учатся у своих предшественников), кофигуративной (где и дети и взрослые учатся у сверстников) и префигуративной (где взрослые учатся также у своих детей). Конечно, это только аналогия. Но вместе с тем именно ситуация ценостно-нормативной неопределенности актуализирует не только для подростков, но и для их родителей проблему поиска оснований собственных жизненных ценностей. И как реакция на подобную ценостно-нормативную неопределенность происходит обращение к собственной национальной культуре.

В этой связи нельзя не принимать во внимание и то обстоятельство, что подавляющее большинство взрослых европейской национальности, проживающих в России, потеряли фундаментальные основания собственной национальной культуры. В частности, показателем мощнейшей культурной ассимиляции может служить то, что по различным данным среди взрослого еврейского населения владеют ивритом (или идиш) не более 4-8%.

Второе - процесс социализации еврейского подростка протекает в контексте реалий русской культуры. Он живет именно в этой социокультурной реальности. Поэтому при исследовании особенностей формирования его ценностных ориентаций эту реальность необходимо не просто учитывать, а рассматривать как ключевую и определяющую. Между прочим, из этого следует, что в методическом плане содержанием социологического опроса должны выступать именно эти социокультур-

ные реалии, а не отвлеченные понятия о еврействе, о которых чаще всего ни ребенок, ни его родители не имеют каких-либо более или менее отчетливых представлений. Чаще всего еврейский подросток - это городской житель, родители которого оторваны от своей национальной культуры, не знают языка, в большинстве случаев (по меньшей мере хотя бы один из родителей) имеют высшее образование. В этом отношении вполне правомерно предположить, что в своих ценностных установках еврейские подростки будут в большей степени воспроизводить ориентации, характерные для данной социальной страты (дети из семей, чьи родители имеют высшее образование), нежели какие-либо особые характерные национальные моменты.

Правомерность подобного рассуждения отрицать бесмылено в силу его очевидности. Но тогда встает вопрос, а есть ли вообще проблема какой-либо национальной специфики формирования системы ценностных ориентаций у еврейского подростка в Москве? В чем, собственно говоря, может быть "сухой остаток"? В этой связи вернемся еще раз к проблематике ценностных ориентаций подростка в той ее постановке, как это было сделано Л.С.Выготским. Обратим внимание на то, что проблема подросткового возраста разворачивается и определяется им в контексте "отношения ребенка и среды". При этом ключевым понятием выступает понятие "социальной ситуации развития". Следуя этой логике, можно выдвинуть предположение, что действительно не только возможна, но и существует достаточно своеобразная социокультурная траектория "врастания в жизнь социального целого", "особая жизненная форма", которая оформляет в особый тип и структуру самосознания еврейского подростка. В этом плане принципиально, подчеркнем еще раз, положение Л.С.Выготского о необходимости рассмотрения проблемы именно в отношении среды и ребенка. "Можно наметить единицу и для изучения личности и среды. Эта единица в патопсихологии и психологии получила название переживания. Переживание ребенка и есть такая простейшая единица, относительно которой нельзя сказать, что она собой представляет - средовое влияние на ребенка или особенность самого ребенка" [6,382]. При этом важно, что переживание есть не только отношение к тому или иному моменту действительности, "переживание чего-нибудь", но это и особая "единица сознания". Причем в данной

логике возрастной кризис рассматривается как "смена основных переживаний".

Таким образом, проблема особенностей ценностных ориентаций еврейского подростка связана не столько с самим содержанием ценностей - в основном все они лежат в контексте реалий русской культуры, - сколько в особом типе переживания социокультурных коллизий. И здесь следует заметить, что тело русской культуры, действительно, организовано весьма своеобразно по отношению к еврейской культуре. Причем, это проявляется на самых различных уровнях организации: не только в отношении конфессиональных различий иудаизм-христианство, или многочисленных философских исследованиях, или публицистике (практически трудно найти крупного представителя русской культуры, который так или иначе не касался бы "еврейского вопроса") но и на уровне социальной организации (существовавшие в разное время гласные и негласные ограничения для лиц еврейской национальности в России), бытового поведения, этностереотипов восприятия и поведения. Отсюда можно сделать вывод, что "машина" русской культуры так организована, что она во многом предопределяет особый тип переживаний реалий русской жизни еврейским подростком. И это не может не найти отражения в определенном типе формирования ценностных ориентаций.

Наконец, в-третьих, необходимо остановится на ключевом для нас методологическом принципе организации исследования. Как мы уже отмечали, сегодня практически отсутствуют какие-либо научные данные об особенностях социализации еврейского подростка. Поэтому одна из главных задач проведенного исследования это попытка собрать эмпирический материал. Вместе с тем понятно, что сколько-нибудь корректно интерпретировать полученный материал мы не сможем вне соотнесения данных о еврейских подростках с ответами русских школьников. Именно в этом соотнесении мы сможем увидеть своеобразие ценностных ориентаций еврейского подростка. Как отмечал М.М. Бахтин "культура осознает себя на границе". В этом отношении для социологического исследования, ориентированного на изучение типа культурного развития, крайне необходимо сопоставление выборки русских и еврейских подростков. Причем подобное сопоставление важно в равной степени как для понимания специфики

ценостных ориентаций еврейских подростков, так и русских.

Несколько слов о самом опросе. Опрос проведен весной 1994 года. Всего в социологическом исследовании принимало участие 735 школьников (519 - русских и 216 - евреев). Респонденты являются учениками 8 - 11 классов (возраст 13-18 лет). Исследование проводилось в г.Москве. Все старшеклассники русской национальности являлись учащимися общеобразовательных школ. В связи с тем, что опыт проведения социологических опросов показывает трудность выделения репрезентативной выборки представителей той или иной нерусской национальности проводилось специальное анкетирование еврейских старшеклассников, которые посещают еврейские национальные школы разного типа (были опрошены ученики следующих еврейских школ г.Москвы: воскресные школы "ТАЛИ" и "Гахилийт", Московская национальная еврейская средняя общеобразовательная школа N 1311, религиозная национальная еврейская школа Менгалор, педучилище).

Специально разработанная анкета включала в себя ряд блоков, ориентированных на выявление особенностей отношения старшеклассников к различным сферам жизни - политике, религии, культуре, семье, образованию, профессиональной деятельности, а также их представления о ценностях, установках, сжиданиях, стремлениях. Каждый блок состоял приблизительно из 10 вопросов как закрытого, так и открытого типа.

В статье излагаются лишь предварительные данные проведенного исследования. Мы рассмотрим отношение подростков к политике, национальным конфликтам, религии, семейной жизни.

Социально-демографические характеристики выборки. Анализ подвыборок по половому и возрастному составу показывает, что среди русских старшеклассников девушки составляют 53.9%, среди евреев - 47.7%. Сходны также обе выборки и по своему возрастному составу (см. табл.1), по материальному положению семей (см. табл.2).

По своему составу семьи старшеклассников обеих национальностей практически тоже не отличаются. Так, среди русских старшеклассников 62% живет в полных семьях со своим собственным отцом; среди евреев - 71%. Среди русских школьников 30% являются единственным ребенком в семье; среди евреев - 34%. В двухдетных семьях проживают соот-

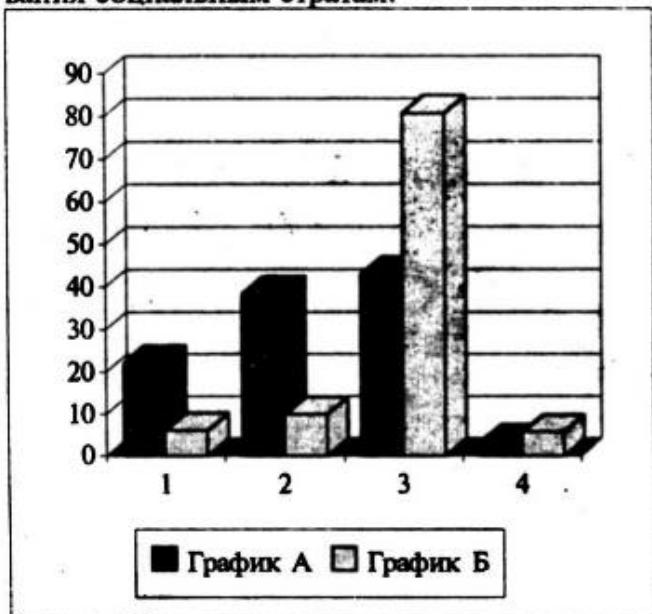
Таблица 1
Возрастной состав опрошенных старшеклассников (%).

	русские	евреи
13-14 лет	39.7	40.7
15-16 лет	43.3	41.7
17-18 лет	17.0	17.6

ветственно: 27% и 25%; в трехдетьных и более: 10% и 6%. Несколько больший процент еврейских школьников живет в трехпоколенных семьях (с дедушкой, бабушкой) - 19% (среди русских школьников таких 13%).

Наряду с отмеченным высоким сходством по целому ряду социально-демографических параметров следует отметить и весьма существенное расхождение между двумя выборками. Оно касается уровня образования родителей. Различия в уровне образования родителей представлены на рисунке 1.

Как видно из рисунка, среди еврейских школьников заметно выше доля тех, чьи родители имеют высшее образование. Исходя из этих данных, можно ожидать, что целый ряд обнаруженных различий между русскими и еврейскими школьниками будет определяться не столько их национальными различиями, сколько различиями связанными с тем, что они принадлежат к разным по уровню образования социальным стратам.

Рис. 1. Различия в уровне образования родителей у русских и еврейских подростков. Слева уровень образования матери, справа - уровень образования отца. График А - русские; График Б - евреи. 1 - средняя школа; 2 - ПТУ, техникум; 3 - институт, университет; 4 - кандидат (доктор) наук.

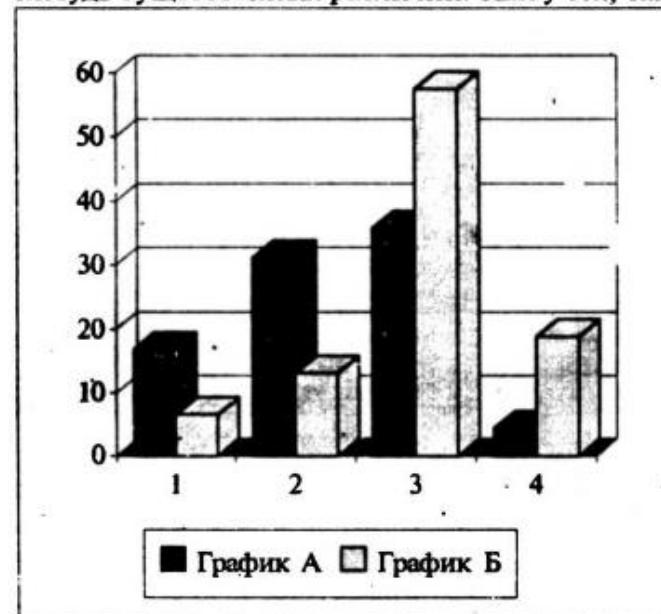
Таблица 2
Распределение школьников по уровню материального обеспечения семьи (по оценкам самих школьников)

уровень дохода	русские (%)	евреи (%)
минимальный	9,6	13,4
средний	53,4	51,4
двойной средний	27,2	22,2
выше, чем двойной средний	7,5	11,1

1. Политические ориентации.

В ходе опроса учащихся просили высказать свое мнение о тех принципах, на которых должна основываться государственная внешняя и внутренняя политика, выяснялись их ориентации на поддержку тех или иных политических течений, их оценка конкретных политических событий (октябрьские события 1993 года в Москве) и политических деятелей

В своей оценке значимости тех или иных принципов (взаимоотношения с другими государствами; суверенитет в политике, экономике, культуре; территориальная целостность), на которых должна строится внешняя политика государства, еврейские и русские подростки не обнаруживают никаких сколько-нибудь существенных различий. Как у тех, так

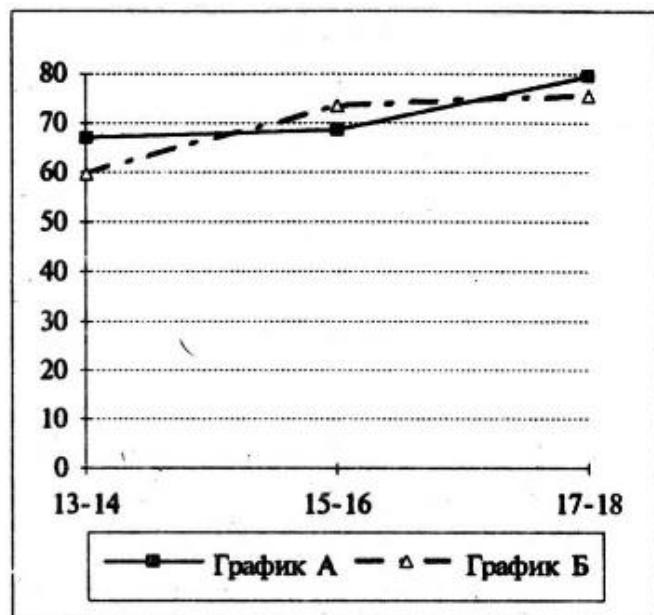
и у других большинство признает, что в основе внешней политики должно лежать "стремление к мирному сосуществованию с другими государствами любой ценой". Этой позиции придерживается 63,4% евреев и 60,7% русских. (Причем характерно, что с возрастом среди старшеклассников увеличивается число сторонников данного принципа. Так, например, среди русских подростков в возрасте 13-14 лет этот принцип отмечает 54.4%, в 15-16 лет - 62.4%, в 17-18 лет - 69.3%. Та же тенденция и у евреев, соответственно: 58.6%, 69.4%, 65.8%). Среди тех и других доминирует представление о важности политического, экономического и национально-культурного государственного суверенитета (68,1% евреев и 70,3% русских). С возрастом все большее число школьников считает этот момент крайне важным. Эта возрастная тенденция отражена на рисунке 1.1.

Вопрос о принципах территориальной целостности границ государства также не вызывает сколько-нибудь заметных расхождений в мнениях русских и еврейских школьников. Так, например, политику, ориентированную на "стремление к расширению своих границ за счет других государств", поддерживает всего 6.0% евреев и 10.6% русских школьников. Среди тех и других практически каждый третий из опрошенных считает, что внешняя политика должна быть ориентирована на "стремление сохранить существующие границы своего государства" (соответственно 29.2% и 28.5%).

Однако при конкретизации вопроса о территориальной целостности государства весьма заметные различия в ответах русских и еврейских подростков начинают обнаруживаться. Приведем один характерный пример.

Таблица 1.1.

Мнение русских и еврейских старшеклассников о том, как должны быть определены границы России (%)

Рис.1.1. Возрастная динамика изменения мнений старшеклассников о том, что государственная политика должна строится на принципе политического, экономического и национально-культурного суверенитета. График А - русские, График Б - евреи.

Поскольку вопрос о территориальной целостности имеет сегодня для России совершенно особое значение и достаточно обострен в связи с распадом СССР, то мы просили школьников более детально охарактеризовать свою точку зрения о том, как должны быть определены государственные границы России (см. табл.1.1.).

Как видно из представленных в таблице данных, в данном случае обнаруживаются весьма существенные различия между русскими и еврейскими подростками. Так, среди русских подростков в два раза больше тех, кто

	русские	евреи
по границам Российской империи до 1913 года	26.4	19.9
по границам СССР после Великой Отечественной Войны	28.3	14.8
по границам республик СССР, сделав каждую из них суверенным государством	16.2	30.1
по границам республик, входящих в состав РФ	13.3	17.6
по границам, определяющимся как территория той или иной нации или народности, исторически проживавшей на территории бывшего СССР	14.3	13.4

склонен определять территорию России по границам СССР, почти каждый третий из них считает, что она должна быть определена по границам Российской империи. В целом же можно сделать вывод, что так или иначе около 60% русских старшеклассников ориентированы на сохранение Российской империи (либо в классическом, либо в советском варианте). Данный факт, как нам кажется, имеет достаточно фундаментальное значение, поскольку он свидетельствует не столько об "имперских установках" обыденного сознания русского подростка, сколько об остроте переживания им распада СССР как национального поражения и унижения. В этой связи следует отметить, что среди еврейских подростков, проявляющих подобную установку, в два раза меньше. Они в целом более ориентированы на признание произошедших изменений, на трансформацию СССР в СНГ, на поддержку общих тенденций к децентрализации в государственном устройстве России.

Итак, как только мы отходим от оценки достаточно общих принципов и обращаемся к конкретным политическим реалиям, различия в оценках еврейских и русских подростков начинают достаточно отчетливо проявляться. Существенно они проступают при оценке внутренней политики. Например, оценивая значимость тех или иных принципов внутренней политики мы обнаруживаем, что относительно поддержки такого общего принципа как "принцип равноправия всех наций и народностей" между еврейскими и русскими школьниками нет каких-либо заметных расхождений. Считают, что именно на соблюдение этого принципа должна ориентироваться внутренняя государственная политика 56.3% русских и 56.9% еврейских подростков. Однако, подобное сходство лишь внешне. Более детальный анализ показывает, например, что в возрастном плане оценка значимости этого принципа у русских и евреев существенно отличается. Различие возрастных тенденций отчетливо выражено на рисунке 1.2.

Если у русских школьников с возрастом значимость этого идеологического принципа во внутренней политике государства продолжает увеличиваться, то среди еврейских подростков на рубеже перехода от 15-16 лет к 17-18 этот принцип резко теряет свою значимость. Значимым становится иной принцип: "отсутствие правового разграничения населения по национальному признаку". Его отмечает 64,7% еврейских подростков в возрасте

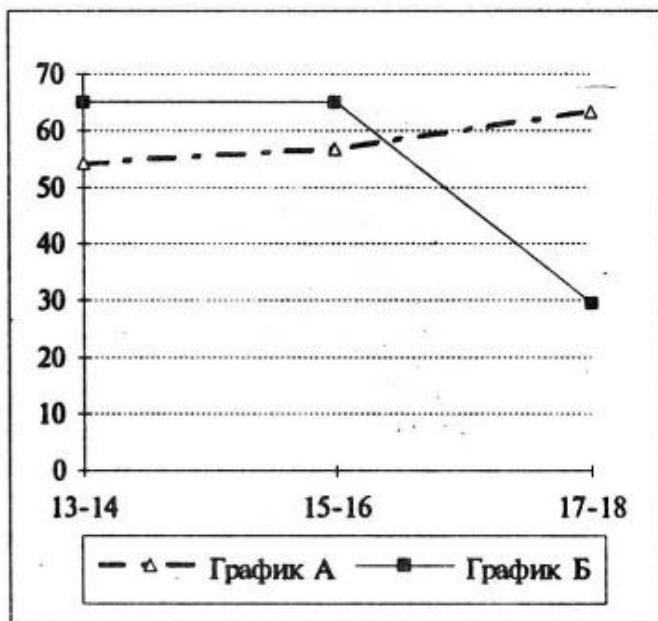

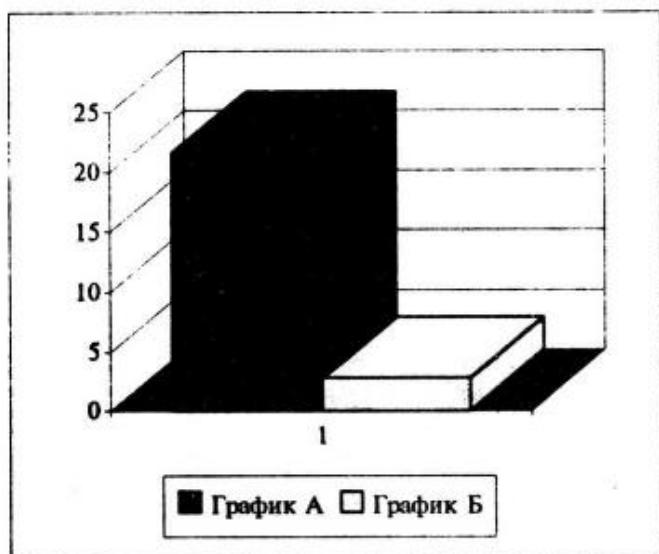
Рис. 1.2. Возрастная динамика изменения мнений русских и еврейских подростков о том, что внутренняя политика государства должна строится на "принципе равноправия всех наций и народностей" Русские - График А, евреи - График Б.

17-18 лет (у русских - 21.6%). Таким образом, для еврейских подростков все более значимым становится именно правовой аспект внутренней национальной политики.

Особенно же ярко различия между русскими и еврейскими подростками проявляются относительно такого принципа как соблюдение во внутренней политике "принципа примата интересов национального большинства". Здесь различия принципиальны (см. рис.1.3.).

Как видно из рисунка, различия различны: среди русских школьников на порядок больше тех (каждый пятый), кто склонен поддерживать данную точку зрения. Среди же еврейских подростков доминирует иная ориентация. По-видимому, считая достаточно декларативным общий принцип - "равноправие всех наций и народностей" (по сути эта идеологема официально была признана в СССР) - 37.5% из них считает, что во внутренней политике государства должен быть реализован более конкретный принцип: "принцип отсутствия правового разграничения населения по национальному признаку" (среди русских эту позицию поддерживает в два раза меньше - 20.8%).

Итак, полученные материалы показывают весьма существенные различия между русскими и еврейскими подростками в оценке

Рис.1.3. Мнение русских и еврейских подростков о том, что во внутренней политике государства должен соблюдаться принцип превенции интересов национального большинства (%). График А - русские, График Б - евреи.

значимости тех или иных принципов внутренней национальной политики. На полученные данные можно посмотреть и с другой стороны. Во-первых, можно с достаточной уверенностью сказать, что в подростковой среде примерно каждый пятый русский подросток потенциально склонен в межнациональных отношениях проявлять установку (как в оценке внутриполитических событий, так и в бытовом поведении по отношению к представителям других национальностей), ориентирующую его поведение на принадлежность к национальному большинству. Во-вторых, примерно для 40% еврейских подростков, живущих в России, актуализирована установка на идентификацию себя с национальным меньшинством.

В исследовании особенностей отношения школьников к принципам внутренней государственной политики нас, помимо непосредственно национальной политики, интересовало еще и то, на какие социальные группы и слои должна по мнению подростков быть ориентирована внутренняя политика государства. Подобный интерес понятен, поскольку именно в подростковом возрасте актуализируется не только процесс этнической идентификации, но и происходит активное самоопределение себя как принадлежащего к определенному социальному слою и группе. Именно в этот период происходит процесс своего соци-

ального самоопределения, формируются первые профессиональные планы подростка.

Первый аспект, который мы здесь исследовали, был связан с выявлением взглядов подростков относительно того, на какие группы населения по уровню их материального положения должна ориентироваться внутренняя политика государства. Следует предварительно заметить, что распределение сценок школьниками материального положения своей семьи практически не отличается в выборках еврейских и русских подростков (см. раздел социально-демографические характеристики). Половина опрошенных считает, что они принадлежат к семьям со средним доходом. Приблизительно треть учащихся считает, что их родители имеют двойной средний или выше, чем двойной средний, доход. Относят же себя к малообеспеченным лишь 10-13%. Полученные данные показывают, что в целом мнения в группе еврейских и русских подростков практически схожи. Так, половина (50.9% среди русских и 56.5 % среди евреев) считает, что власть в стране должна ориентироваться на людей со средним доходом; около трети (34.1% среди русских и 31.0% среди евреев) считают, что власть должна ориентироваться на людей с минимальным уровнем дохода; и, наконец, лишь незначительная часть (8.7% среди русских и 6.9% среди евреев) считает, что политика должна быть ориентирована на богатых людей. Таким образом, характерным моментом взглядов наших респондентов, независимо от их национальности, является то, что среди трети из них существует установка на необходимость осуществления внутренней протекционистской политики по отношению к слабообеспеченным социальным группам.

Второй аспект касался выяснения мнений подростков обеих национальностей относительно того, на интересы каких социально-профессиональных слоев должна ориентироваться власть в стране. И здесь в отличии от предыдущего вопроса различия весьма и весьма существенны (см. табл.1.2.).

Как видно из приведенных в таблице данных, среди русских старшеклассников по сравнению с евреями в два раза больше, тех кто считает, что власть в стране должна ориентироваться на интересы рабочего класса и сельского населения. Среди евреев же заметно сильнее выражена позиция, что государство в своей внутренней политике должно ориентироваться на интересы интеллигенции. Несколько чаще по сравнению со своими русски-

Таблица 1.2.

Мнение еврейских и русских подростков о том, на интересы каких социально-профессиональных групп должна ориентироваться власть в стране (%%).

	русские	евреи
рабочий класс	42,8	21,8
сельское население	23,1	10,6
интеллигенция	22,7	39,4
деятели науки и искусства	25,8	30,1
государственные служащие	9,1	3,7
частное предпринимательство	25,4	32,9
другое	7,3	8,4

ми сверстниками они также считают, что государство должно ориентироваться на деятелей науки и искусства и предпринимателей.

Представляется интересным проследить, как уровень образования родителей влияет на мнение школьников о том, на какие слои населения должна ориентироваться власть в стране (см. табл.1.3.).

Приведенные в таблице данные позволяют фиксировать явную зависимость ориентаций школьников на принцип поддержки интересов рабочего класса со стороны государства в зависимости от уровня образования их родителей. Так, чем ниже уровень образования родителей, тем выше процент школьников, ориентирующихся на этот принцип. Причем эта тенденция с незначительными нюан-

сами прослеживается как среди русских, так и среди еврейских подростков.

Ориентации школьников на поддержку государством других социальных слоев имеют более сложный характер. Так, например, в русской выборке мнение относительно поддержки государством интересов интеллигенции в принципе повторяет ту же закономерность, что и по отношению к рабочему классу: школьники склонны поддерживать ту государственную политику, которая ориентирована на интересы того социального слоя к которому принадлежат их родители. Так, среди школьников, чьи родители имеют высшее образование иличеную степень выше доля тех, кто считает, что государство должно ориентироваться на интересы интеллигенции. Среди евреев же ориентация на принцип поддержки интеллигенции практически не зависит от уровня образования родителей.

Ориентация на поддержку государством деятелей науки и искусства явно выражена лишь у еврейских школьников, чьи матери имеют высшее образование. Сам по себе этот момент весьма интересен и дает повод для более детального исследования проблемы влияния уровня образования матери (или отца) на идентификацию подростка с тем или иным социальным слоем.

Мнение школьников о необходимости ориентации государственной политики на поддержку частных предпринимателей практически не зависит от уровня образования их родителей.

Таким образом, результаты исследования довольно убедительно показывают, что в подвыборке русских подростков четко прослеживается тенденция в отношении двух соци-

Таблица 1.3.

Распределение мнений старшеклассников о том, на какие слои населения должна ориентироваться власть в стране, в зависимости от уровня образования родителей (%%).*

	русские								евреи							
	мать				отец				мать				отец			
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
рабочий класс	50	46	34	27	58	50	34	35	61	19	21	17	57	18	20	15
интеллигенция	19	16	26	28	18	16	29	40	23	33	42	33	43	50	42	40
деятели науки и искусства	18	29	26	28	23	25	26	30	8	33	29	58	21	18	36	27
бизнесмены	21	20	27	23	22	24	31	20	31	48	33	17	36	39	33	32

* Уровни образования родителей: 1-средняя школа 2-ПТУ, техникум 3-институт, университет 4-степень кандидата или доктора наук

альных групп - рабочих и интеллигенции - поддержки такой государственной политики, которая ориентирована на тот социальный слой к которому принадлежат их родители. В этом отношении можно сделать вывод, что в подростковом возрасте среди значительной части русских школьников происходит четкая идентификация себя с определенным социальным слоем. В отношении еврейских подростков картина более сложная. Здесь лишь дети из семей с низким уровнем образования родителей (окончивших только школу и не имеющих даже начального профессионального или среднего специального образования) в большинстве своем идентифицируют себя с данным социальным слоем. В основном же вне зависимости от уровня образования родителей еврейские школьники склонны идентифицировать себя с интеллигенцией.

Итак, мы рассмотрели мнение русских и еврейских подростков относительно принципов внешней и внутренней государственной политики. Нетрудно заметить, что в том случае, когда вопрос касается оценки общих идеологических аспектов различий между этими двумя группами практически не обнаруживается. Но когда дело касается социокультурных реалий, то различия проступают весьма существенные. Выделим три: 1) еврейские школьники более склонны поддерживать тенденции к децентрализации в Российской государственности (чаще оправдывают распад СССР, более склонны поддерживать статус независимости республик в составе России); 2) они осознают себя национальным меньшинством и считают, что политика государства ни в коем случае не должна ориентироваться на превалентные интересы национального большинства; 3) еврейские подростки в своем большинстве склонны идентифицировать себя с такой социальной группой как интеллигенция.

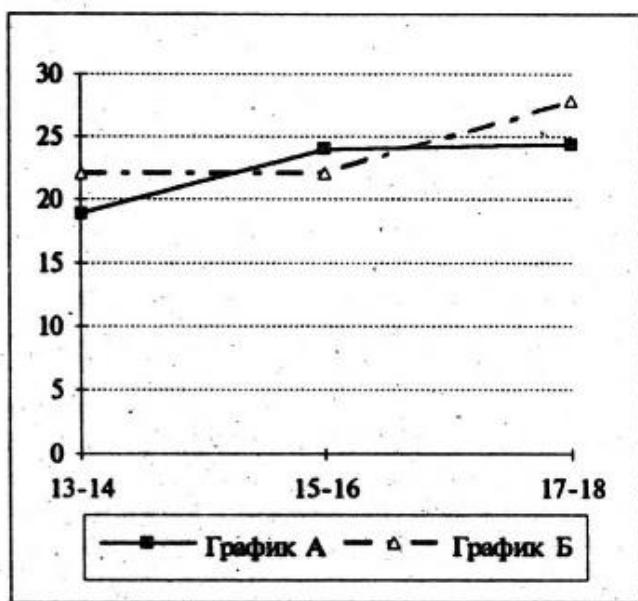
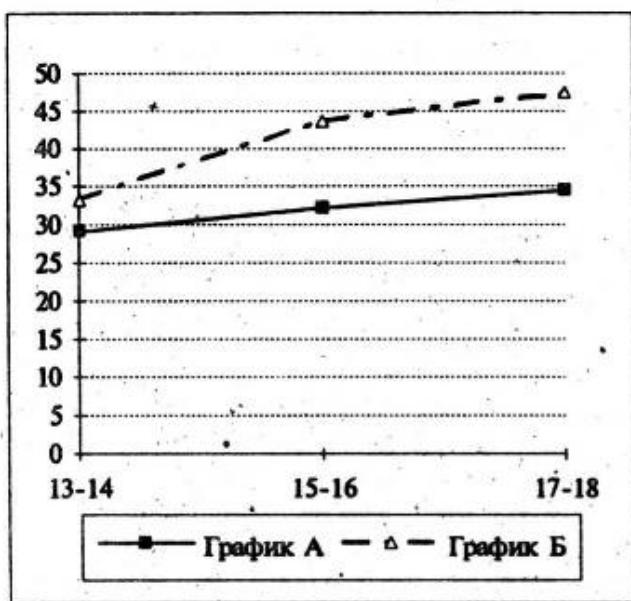
Теперь рассмотрим какое место занимает обсуждение политических событий московскими подростками в их ближайшем социальном окружении - дома и с друзьями. Отмечают, что они никогда не говорят о политике дома 13.9% русских и 5.6% еврейских подростков. Никогда не обсуждают политические события со своими друзьями 27.9% русских и 13.4% еврейских старшеклассников. Сравнивая эти данные, весьма правомерно сделать вывод о том, что политические сюжеты заметно чаще являются предметами общения в кругу ближайшего социального окружения ев-

рейского подростка, чем у его русских сверстников. Это подтверждает и то, что среди еврейских подростков выше доля тех, кто "часто" обсуждает политические события либо дома, либо со своими друзьями. Так, среди русских часто обсуждают политические проблемы в кругу семьи 12.3%, среди евреев 18.6% (соответственно с друзьями: 5.6% и 9.3%). Таким образом, можно сделать вывод, что политическая социализация у еврейских подростков происходит более активно в их ближайшем социальном окружении, чем у русских. Само это окружение более чувствительно и активно реагирует на политическую ситуацию.

Более детальный анализ материала показывает, что с возрастом все большее число как русских, так и еврейских подростков начинает втягиваться в обсуждение политики со своими родными (обсуждать политические проблемы "время от времени"). Эта же тенденция проявляется и в общении со сверстниками (см.рис.1.4.)

Рисунок интересен, с нашей точки зрения, по меньшей мере в двух отношениях. Во-первых, нетрудно заметить, что как у русских, так и у еврейских подростков обсуждение политических проблем с родственниками происходит более активно, чем со сверстниками. Причем актуальность обсуждения политической проблематики в среде друзей как русского, так и еврейского подростка практически одинакова. Этого нельзя сказать о семейном общении. Здесь, как можно заметить, различия весьма существенны. Среди еврейских подростков значительно больше таких, где в семьях с ребенком обсуждаются политические проблемы. Причем, заметный сдвиг происходит при переходе от 13-14 лет к 15-16 годам, на границе старшего подросткового возраста и младшей юности.

В ходе исследования, с целью получения более конкретных и содержательных представлений о политических ориентациях подростков, мы попытались выяснить их отношение к тому или иному конкретному политическому событию. Безусловно, наиболее важным политическим событием во внутренней жизни России в 1993 году были октябрьские события в Москве - события, поляризовавшие различные общественные силы. В этой связи особенно интересно, как оценивают еврейские и русские подростки произошедшие в Москве события 3-4 октября 1993 года. Напомним, что опрос проводился в начале 1994 года, и эти

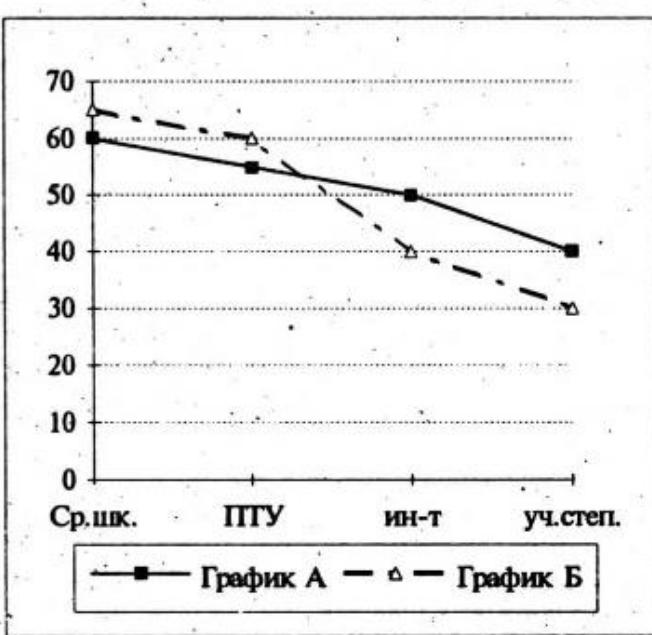
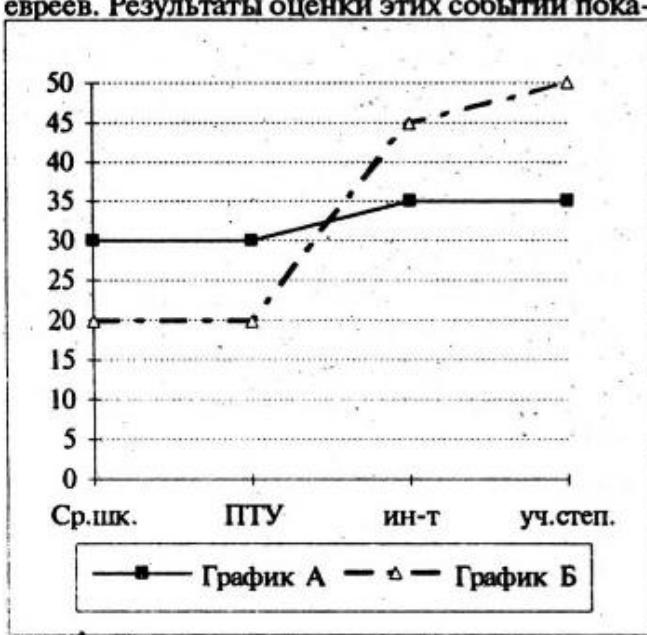

Рис.1.4. Возрастная динамика периодического ("время от времени") обсуждения политических проблем еврейскими и русскими подростками со своими родными (слева) и друзьями (справа). График А - русские, График Б - евреи.

события были достаточно свежи и актуальны. Сторонников, поддерживающих Верховный Совет оказалось немного как среди русских (6.2%), так и среди еврейских (1.9%) подростков. Основные мнения разделились относительно двух вариантов. Считают, что "обе стороны одинаково виновны в кровавых событиях и должны делить ответственность поровну" 52.4% русских и 40.3% еврейских подростков. На другой вариант, который предполагает безусловную поддержку президента, ориентированы в своих ответах 32.0% русских и 43.5% евреев. Результаты оценки этих событий пока-

зывают, что среди еврейских подростков (можно думать, что и в их ближайшем окружении, в семье) более выражена поддержка не только действий президента в данной конкретной ситуации, но и общего курса проводимых реформ и социал-демократического движения в целом, с которым в то время Ельцин не утерял связи.

Вообще же следует отметить, что поддержка действий президента в той конкретной ситуации имеет четкую корреляцию с уровнем образования отца. Эта зависимость проявля-

Рис.1.5. Оценка октябрьских событий 1993 года в Москве еврейскими и русскими школьниками в зависимости от уровня образования отца. График А - русские; График Б - евреи

ется одинакова как среди евреев, так и русских (см. рис. 1.5.).

Зато позволяет сделать вывод, что в основе оценок подростками действий президента в ситуации октябрьских событий лежат не национальные причины. Определяет характер этих оценок принадлежность подростков к определенному социальному слою. Идентификация с интеллигенцией (со слоем, имеющим высшее образование) детерминирует поддержку президентского курса.

Помимо оценки конкретного политического события в ходе опроса выяснялось какой политической партии или политическому течению старшеклассники склонны оказать поддержку. Эти данные особенно интересны, поскольку мы имеем возможность их соотнести с результатами опроса 1991 года [В.Собкин, П.Писарский, 1992].

Результаты опроса показали, что большинство старшеклассников обеих национальностей не склонны поддерживать какое-либо политическое течение. Об этом заявило 60.3% русских и 56,0% евреев. Для сравнения заметим, что по нашим данным в 1991 году в Москве таких было 48.9%. Таким образом, в целом, можно констатировать, что за последние три года заметно увеличился процент школьников, не склонных проявлять сочувствие какому-либо политическому течению. В то же время три течения вызывают определенное сочувствие и поддержку. Это: социал-демократы, коммунисты и зеленые. Если в отношении поддержки движения зеленых между учащимися обеих национальностей нет заметных различий (это движение поддерживает 11.4% русских и 10.6% евреев), то в поддержке социал-демократов и коммунистов различия проявляются весьма существенно. Русские подростки более склонны поддерживать коммунистов - 13.7% (среди евреев 6.0%), а евреи социал-демократов - 16.7% (у русских 9.8%). Кстати, эти данные подтверждаются и различным рейтингом в этих группах тех или иных

политических лидеров. Например, в еврейской выборке никто из подростков не назвал Анпилова, Баркашова, Макашова, Невзорова, Зюганова, заметно ниже среди них рейтинг Руцкого, Хасбулатова. Сравнение с данными опроса 1991 года показывает, что за прошедшее время в подростковой среде явно наметилась тенденция возрастания симпатий к коммунистическому движению и падение популярности социал-демократов. Так, в целом, среди старшеклассников в 1991 году (май месяц) коммунистов поддерживало в три раза меньше старшеклассников (если сравнивать с русской выборкой) - всего лишь 4.3%, а социал-демократов - 12.1%. Можно думать, что проводимая социально-экономическая политика, которая ведет к резкому социальному расслоению, усиливает прокоммунистические настроения в среде старшеклассников.

Более детальный анализ полученных данных показывает, что уровень поддержки коммунистов среди русских подростков заметно снижается только в том случае, если их родители имеют учченую степень. Особенно в том случае, когда эту степень имеет мать (см. табл.1.4)

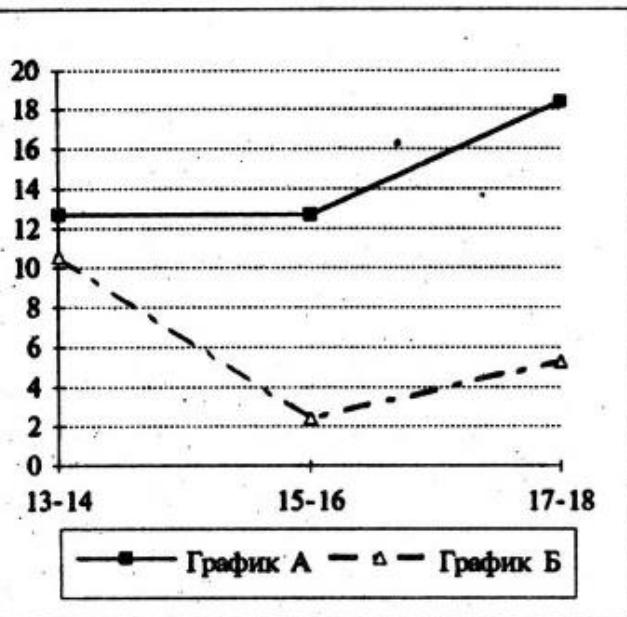
Более показательна в этом отношении возрастная динамика политических ориентаций подростков по отношению к интересующим нас двум основным политическим течениям. Здесь можно выделить целый ряд достаточно интересных, с нашей точки зрения, моментов. Первый - поддержка коммунистов среди русских и еврейских подростков обнаруживает противоположную тенденцию. Так, начиная, со старшего подросткового возраста (13-14 лет) среди русских школьников с возрастом увеличивается ориентация на коммунистов, а среди евреев падает. Как мы видим, линии поддержки коммунистов расходятся (см.рис 7).

Итак, к выпускным классам школы, в возрасте 17-18 лет (заметим, кстати, что с 18 лет юноши и девушки обретают полные права

Таблица 1.4.

Зависимость приверженности русских подростков к коммунистической партии от уровня образования их родителей (%)

	матер					отец			
	ср.шк.	ПТУ	ин-т	степень	ср.шк.	ПТУ	ин-т	степень	
сторонники коммунистической партии	13	13	13	4	14	14	12	10	

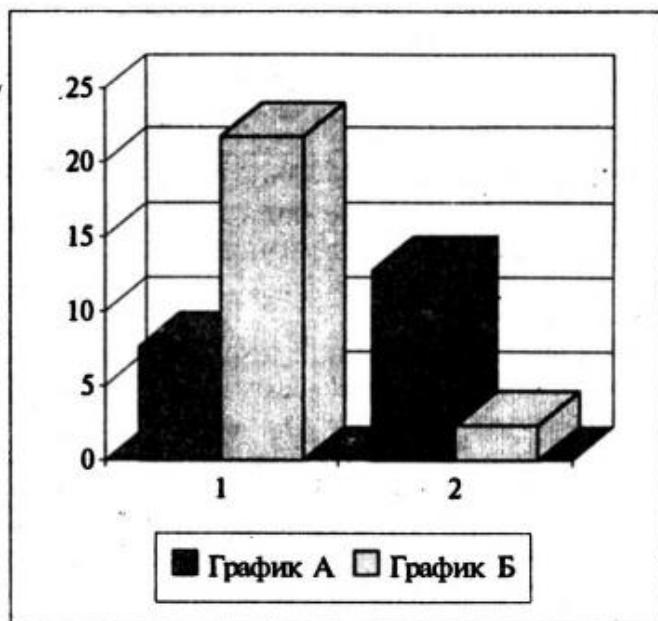

Рис. 1.6. Возрастная динамика поддержки коммунистов среди русских и еврейских старшеклассников. График А - русские; График Б - евреи.

гражданства и могут принимать участие в выборах в представительные органы власти) практически каждый пятый выпускник школы русской национальности склонен поддержать коммунистов (среди евреев таких лишь 5.3%).

Второй момент связан с поддержкой социал-демократов. Здесь картина иная. Как в старшем подростковом (13-14 лет), так и в юношеском возрасте доля школьников с этой политической ориентацией остается практически постоянной. Среди русских школьников в 13-14 лет социал-демократов поддерживает 11.8%, а в 17-18 лет 10.3% (среди евреев, соответственно: 14.9% и 13.2%). Кстати, не трудно заметить, что доля поддерживающих социал-демократов в этих возрастных группах мало отличается у еврейских и русских школьников. В этом отношении можно сделать вывод о том, что коммунистическая идеология сегодня (и это доказывают полученные материалы) опирается на поддержку национального большинства в молодежной среде.

Наконец, третий, и самый интересный, как нам представляется, момент связан с особенностями политических ориентаций подростков в период ранней юности, в возрасте 15-16 лет. Именно здесь наблюдаются наибольшие расхождения в политических ориентациях школьников обоих национальностей (см.рис.1.7.).

Рис.1.7. Поддержка социал-демократов и коммунистов русскими и еврейскими подростками в возрасте 15-16 лет. 1 - поддержка социал-демократов, 2 - поддержка коммунистов. График А - русские, График Б - евреи.

Можно думать, что поляризация политических ориентаций именно в этом возрасте тесно связана с актуализацией и поиском не только идеологических политических ориентиров, но и с актуализацией проблем национальной идентификации.

2. Отношение к религии.

Наряду с вопросом о политических ориентациях старшеклассников особый интерес приобретает вопрос об изучении их отношения к религии. В последние годы в контексте происходящих в России социокультурных изменений эта проблема становится одной из наиболее существенных. В наших предыдущих исследованиях [В.С.Собкин, П.С.Писарский, 1992, 1994] была частично предпринята попытка социологического изучения особенностей отношения школьников к религии. Так, материалы социологического опроса 1991 года показали, что 21.1% старшеклассников не исповедуют никакой религии, еще столько же (21.0%) не могут определить своего отношения к религии и, наконец, 4.9% считают себя атеистами. В том же исследовании было показано, что с возрастом заметно увеличивается число школьников, исповедующих православие. Наконец, был проведен специальный анализ, направленный на выявление зависимостей между ценностными ориентациями

старшеклассников и их отношением к религии. В целом результаты исследования показали, что для учащихся с разными религиозными ориентациями характерны и разные жизненные ценности. Так, в частности, для школьников, исповедующих иудаизм, характерны меньшая ориентация на достижение материального благополучия и большая значимость таких ценностей как развитие своих способностей и полноценное приобщение к культуре по сравнению с теми, кто исповедует православие. В то же время следует подчеркнуть, что по результатам проведенного опроса, школьники, исповедующие православие и не исповедующие никакой религии, оказались весьма близки по своим ценностным ориентациям. Это дало нам основание сделать вывод, что ответы школьников в массовом социологическом исследовании о своем вероисповедании скорее подменяются ответом на вопрос о своей национальной принадлежности. Однако, упомянутое исследование не давало возможности более детально изучить особенности религиозных ориентаций старшеклассников, поскольку в выборке доля, исповедующих иудаизм (и другие религии, за исключением православия), была весьма незначительна. В данном же исследовании мы имеем возможность провести сопоставительный анализ особенностей религиозных ориентаций еврейских и русских старшеклассников на достаточно репрезентативных массивах опрошенных.

Материалы проведенного опроса показывают, что среди русских школьников считают себя религиозными 31.4%, среди евреев - 22.2%. Достаточно определенно заявляют о том, что они не религиозны, соответственно: 27.4% и 36.1%. Наконец, затруднилось ответить на этот вопрос как среди русских, так евреев одинаковое число - 40.3%

Среди юношей обеих национальностей доля, считающих себя религиозными, практически одинакова (среди русских - 25.1%; среди евреев - 24.3%). Между девушками же различия весьма существенны. Среди русских школьниц считают себя религиозными 35.3%; среди евреек верующих в два раза меньше - 18.4%.

Рассмотрение данных в возрастном аспекте показывает, что с возрастом как среди русских, так и среди еврейских школьников не происходит сколько-нибудь значимых изменений. Число, считающих себя верующими на всем возрастном этапе от 13 до 18 лет остается одним и тем же. Это позволяет сделать вывод

о том, что реально религиозное самоопределение школьников обеих национальностей проходит раньше - до подросткового возраста.

Помимо выяснения вопроса о принадлежности школьников к религии, мы ставили перед ними ряд вопросов, позволяющих в первом приближении оценить особенности их религиозного поведения. Например, мы выясняли проходили ли они через определенный обряд приобщения к религии. Так, среди русских школьников отметили, что они крещены 67.8%, а среди евреев через соответствующие обряды прошло 38.9%. Нетрудно заметить, что количество школьников, осуществивших соответствующий религиозный обряд в обоих группах (и у русских, и у евреев), значительно выше по сравнению с той группой, которая считает себя религиозными. Это позволяет сделать вывод, что примерно для половины, прошедших через религиозные обряды, сам этот акт остается достаточно формальным.

Практически одинаково распределяются учащиеся и относительно частоты посещения ими церкви или синагоги. Не ходят в храм примерно одна треть (32.4% среди русских и 29.2% среди евреев), редко посещает его около половины (соответственно: 59.0% и 52.8%). В то же время, среди еврейских школьников заметно выше доля тех, кто часто ходит в синагогу - 17.6% (среди русских 6.4%). Возрастной анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что поддержание форм и стиля религиозного поведения в основном складываются у школьников до подросткового возраста.

Таким образом, общий вывод, вытекающий из сопоставления различных данных, сводится к тому, что в современных социокультурных реалиях России религиозное самоопределение как еврейских, так и русских школьников и формирование стиля религиозного поведения осуществляются у подростков обеих национальностей в основном до наступления тридцатилетнего возраста. Практически это свидетельствует о том, что действительное приобщение школьников к своей религии происходит в рамках семейного воспитания. По-видимому, именно здесь происходит и самоопределение подростка относительно своей религиозности и здесь, в семейном кругу, формируется тип религиозного поведения.

Помимо выше перечисленных вопросов, мы выясняли отношение школьников к религии, пытаясь прояснить, что она для них

значит. Следует оговориться, что, конечно, в рамках социологического опроса достаточно сложно исследовать содержательно глубинные основания их религиозности или нерелигиозности. Такие сюжеты, как религиозная совесть, религиозная свобода и другие, весьма сложно формулировать в языке респондентов. Да и сам характер анкетного опроса не предполагает глубокого осмыслиения опрашиваемыми оснований собственной религиозности. Поэтому в ходе опроса задавались достаточно простые варианты ответов, распространенные в массовом сознании.

Вообще поражает достаточно высокое сходство мнений русских и еврейских школьников. Например, считают необходимым религиозное воспитание 38.5% русских и 34.7% евреев. Придерживаются противоположного мнения соответственно: 27.6% и 31.0%.

Вместе с тем, есть и заметные различия. Среди русских школьников отмечают, что религия для них ничего не значит 18.7%, среди евреев таких в два раза меньше 9.3%. Говорят о том, что религия дает им возможность найти ответы на вопросы бытия 18.7% русских и 26.4% евреев. Считают религию источником морально-нравственного воспитания, соответственно: 29.7% и 44.9%. Рассматривают религию как обращение к высшему судье 23.5% русских и 24.5% евреев. Наконец, для каждого пятого русского школьника (19.8%) религия - это жизненная необходимость. У евреев подобного взгляда на религию придерживается 12.0%. Это средние данные по двум выборкам. Гораздо рельефнее различия просматриваются, если мы сравним мнения о значении для

них религии у тех школьников, кто считает себя религиозным человеком с теми, кто себя таковыми не считает (см.табл.2.1).

Приведенные в таблице данные интересны в нескольких отношениях. Здесь, во-первых, характерно не только то, что для верующих школьников религия имеет тот или иной смысл (среди них естественно практически нет тех, для кого "религия ничего не значит"), но и то, что среди тех еврейских школьников, кто не считает себя религиозным, значительно меньше, по сравнению с русскими (в два раза), доля не видящих в религии какого-то особого смысла. Если среди нерелигиозных русских школьников такой точки зрения придерживается каждый второй (47.2%), то среди евреев каждый четвертый (23.1%). Таким образом, в целом среди еврейских школьников заметно больше тех, для кого религия имеет тот или иной смысл. Иначе говоря, среди них меньше равнодушных к религиозному вопросу. Во-вторых, можно заметить, что воспитательная функция религии ("источник морально-нравственного воспитания") выделяется не только большим числом верующих школьников обеих национальностей, но и многими из тех, кто не считает себя религиозными людьми. Таким образом, это вообще наиболее распространенный взгляд на религию в массовом сознании подростков. В-третьих, как можно заметить, верующие школьники обеих национальностей в отличии от своих нерелигиозных сверстников значительно чаще отмечают, что религия означает для них возможность обращения к высшему судье. По-видимому, именно в этом моменте

Таблица 2.1.

Мнения религиозных и нерелигиозных еврейских и русских старшеклассников о том, что означает для них религия. (%)

религия для меня	русские		евреи	
	религиозные	не религиозные	религиозные	не религиозные
возможность найти ответы на вопросы бытия	19.6	11.3	35.4	12.8
обращение к высшему судье	33.7	9.9	43.8	19.2
источник морально-нравственного воспитания	35.0	20.4	52.1	37.2
жизненная необходимость	29.4	6.3	18.8	5.1
другое	1.2	0.7	0.0	5.1
религия для меня ничего не значит	4.3	47.2	0.0	23.1

и проявляется общая фундаментальная черта религиозности подростков, основу которой составляет вера во Всевышнего. Наконец, в четвертых, и это, на наш взгляд, достаточно важный момент - религиозные еврейские школьники намного чаще по сравнению со своими православными сверстниками отмечают, что религия дает им "возможность найти ответы на вопросы бытия". Возможно именно в этом и проявляется различие установок массового религиозного сознания в иудаизме и православии: в первом случае поиск ответов на вопросы бытия, во втором большая ориентация на религию, как жизненную необходимость.

С нашей точки зрения, одним из существенных моментов, характеризующим особенность обыденного сознания, это отношение к другим религиям. В этой связи следует отметить, что старшеклассники обеих национальностей достаточно толерантно относятся к другим религиям. Как среди русских, так и среди еврейских школьников большинство считает, что "все религии имеют право на существование". Подобной точки зрения придерживается 70.7% русских и 73.6% еврейских старшеклассников. Для сравнения: не признают другие религии - 6.4% русских и 10.2% евреев. Сходная тенденция проявляется и в оценке представителей других вероисповеданий. Так, считают, что человек, исповедующий другую религию, обычный человек, такой же как и они сами - 83.6% русских и 83.3% еврейских старшеклассников. Считают его "чуждым для себя человеком", соответственно: 7.3% и 13.9%. Считают его "врагом" единицы - 1.5% и 0.9%. Сопоставление данных показывает, что у еврейских школьников несколько чаще проявляется установка к неприятию других религий и представителей других вероисповеданий. В этой связи, интересно сравнить как относятся к другим религиям школьники, которые считают себя верующими.

Следует отметить, что вопрос о признании или не признании той или иной религии естественно гораздо менее актуален для неверующих школьников по сравнению с теми, кто считает себя религиозными. Так, среди нерелигиозных школьников эта проблема значима для 5.1% евреев и 3.5% русских. Для религиозных же подобная проблема существует. Причем иудаисты более остро реагируют на этот вопрос и более непримеримы. Например, каждый пятый из них (20.8%) не признает

другие религии (среди православных таких 9.2%), каждый четвертый (25.0%) готов отставивать и бороться за свою веру (среди православных - 9.8%). Та же тенденция проявляется в принципе и по отношению к представителям других вероисповеданий. Так, человек, исповедующий другую религию, среди 27.1% подростков-иудеев воспринимается как "чуждый человек", среди православных таких 9.8%. Эта тенденция наглядно выражена на рисунке 2.1.

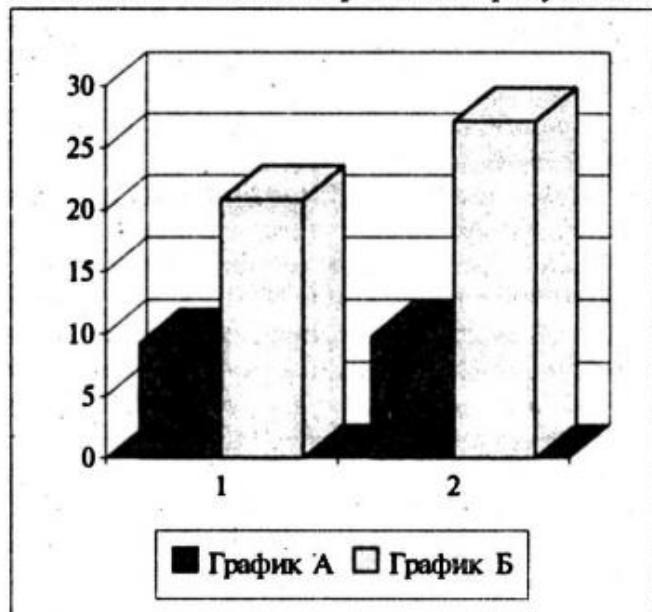

Рис. 2.1. Доля среди религиозных подростков "не признающих другую религию" (1) и воспринимающих представителей других вероисповеданий как "чуждых людей" (2). График А - русские, График Б - евреи.

Таким образом, результаты опроса показывают, что для подростков, не считающих себя религиозными, вопрос о принятии или не принятии той или иной религии не является вообще актуальным; также, впрочем, как и отношение к представителям разных вероисповеданий. В то же время, для религиозных школьников подобные проблемы существуют. Причем, следует отметить, что иудаисты менее толерантны в своем отношении к другим религиям по сравнению с православными школьниками. Среди них гораздо больше тех, кто негативно относится к другим религиям и воспринимает представителей других религий как чуждых себе людей. Таким образом, они в большей степени склонны "обозначать границу" между собой и представителями других вероисповеданий. Следует отметить, что в культурологическом плане подобное обозна-

чение границы по религиозной принадлежности характерно для иудеев. Не вдаваясь здесь в специальные соображения, укажем, в частности, что это достаточно отчетливо проявляется на целом ряде семиотических примеров. Наиболее простым из них является обозначение и подчеркивание религиозной границы с помощью специальных атрибутов в одежде, выделяющих религиозного еврея.

Итак, материалы социологического опроса позволили выделить целый ряд моментов, характеризующих русских и еврейских подростков по их отношению к религии. К наиболее важным из них мы бы отнесли следующие:

1. В принципе, полученные результаты дают весьма веские основания к выводу о том, что формирование религиозных установок складывается как у русских, так и у еврейских школьников в доподростковый период. Формируются они именно в семье, и здесь складывается осознание себя как религиозного человека, формируется тип и стиль религиозного поведения.

2. Принципиальное отличие в отношении к религии в массовом религиозном сознании как у православных, так и у иудеев в подростковом возрасте фиксируется в признании ими именно за религией возможности обращения к высшему судье. Таким образом, ключевым отличием массового религиозного сознания от нерелигиозного выступает основание веры во Всевышнего.

3. Характерным отличием подростково-иудеев от православных является их большая ориентация в религии на поиск ответов на вопросы бытия и установка на неприятие других религий, обозначение культурологической границы по религиозному основанию.

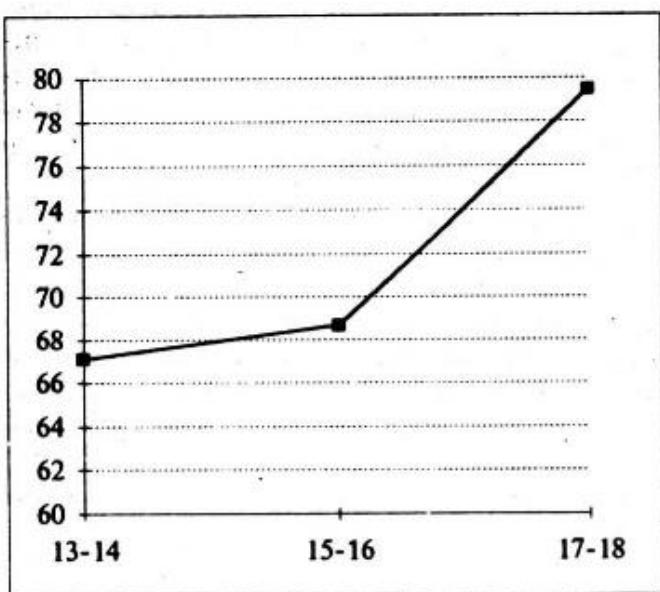
3. Оценка межнациональных отношений.

Представленный выше материал показывает, что по целому ряду аспектов политические ориентации русских и еврейских старшеклассников имеют весьма заметные различия. Причем, эти различия все более отчетливо проявляются, когда мы начинаем исследовать не просто мнение подростков о достаточно общих принципах государственной политики, а затрагиваем более конкретные и реальные сюжеты, связанные с действительными "переживаниями" подростками тех или иных политических коллизий. Понятно, что круг политических сюжетов, сама политическая ре-

альность затрагивает не только (или не столько) аспекты, связанные с национальной принадлежностью подростка, сколько с его принадлежностью к тому или иному социальному слою. Но и несмотря на это, особенности национальной принадлежности, повторимся, пропускают в оценках политики весьма отчетливо. Проявляется здесь и разная возрастная динамика политической социализации еврейского и русского подростка. Достаточно своеобразно проявляется и особенность отношения старшеклассников обеих национальностей к религии. Здесь важно, в частности, выделить меньшую толерантность еврейских школьников к представителям других вероисповеданий.

В этой связи можно предположить, что особенности переживаний еврейскими и русскими школьниками социокультурных реалий современной России еще более отчетливо проявятся, как только мы обратимся непосредственно к национальному вопросу. Как показали наши предыдущие исследования [В.С. Собкин, П.С. Писарский, 1992], по оценкам опрошенных нами учителей, например, пик конфликтов между школьниками, происходящих на национальной почве, приходится на возраст 14-15 лет. Так, например, 5.6% школьных учителей отмечают, что конфликты на национальной почве обнаруживаются между детьми уже в возрасте 6-10 лет, на возраст 11-13 лет указывает 19.2% учителей, на возраст 14-15 лет - 32.6%. После этого наблюдается падение фиксации подобного рода конфликтов - 29.7%. Ту же тенденцию - падения после подросткового возраста конфликтов на национальной почве в своей среде - отмечают и сами школьники (см. рис. 3.1).

В том же исследовании, кстати, было установлено, что еврейские школьники чаще указывают на наличие эпизодически возникающих на национальной почве конфликтов в их школе по сравнению со своими русскими сверстниками (соответственно: 20.0% и 13.7%). Таким образом, конфликты на национальной почве - это не отвлеченная для подростков тема, а реальность, относительно которой у значительной части из них есть опыт собственных переживаний. Причем пик подобных конфликтов (а вместе с ними и осязаемых переживаний) приходится на возрастной рубеж около 14 лет. Заметим, что сам по себе этот факт достаточно любопытен, поскольку он совпадает с пубертатным периодом. Мы не склонны углубляться сейчас в психоаналити-

Рис.3.1. Фиксация эпизодически возникающих в своей среде конфликтов на национальной почве учащимися различных возрастных групп (по опросам московских школьников 1991 года).

ческую проблематику, это сюжет совершенно особый: пубертатный период, связанный с первой влюбленностью подростка и наложением первых социокультурных запретов и границ при выборе "партнера"; трансляция и соблюдение в подростковой среде подобных границ и ограничений на установление близких интимных отношений с представителями другой национальности; актуализация в этой связи своей национальной идентичности в социокультурных реалиях России - темы не одного исследования.

Таблица 3.1

Оценка значимости источников национальных конфликтов еврейскими и русскими старшеклассниками (%)

Источники национальных конфликтов	русские	евреи
несовпадение взглядов на собственность территории	52,8	38,0
распад социалистических государств	44,3	15,7
неравномерность темпов экономического развития наций	32,2	18,5
различие в вероисповедании	23,1	36,6
исторически обусловленные предрассудки и стереотипы	18,5	35,2
несовпадение этических и культурных ценностей	15,8	20,8
различие в темпераменте и образе жизни	12,3	15,3
различие в образовании	10,4	10,2
негативные стереотипы, возникшие в ходе обыденного взаимодействия	12,3	16,2
другое	5,8	9,5

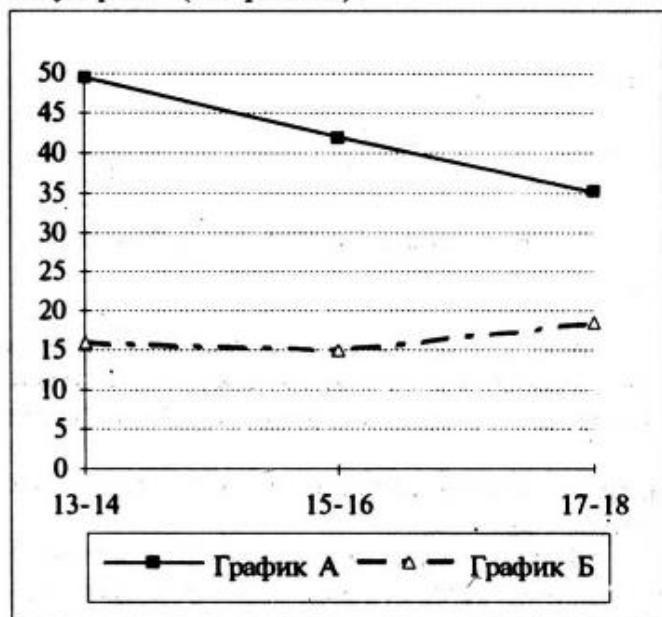
В данной же работе мы затрагиваем лишь несколько достаточно общих аспектов. К ним относятся мнения школьников: о причинах национальных конфликтов; политических способах разрешения этих конфликтов; распространенности национальных конфликтов в ближайшем социальном окружении подростка; позитивное или негативное отношение школьников к тем или иным национальностям. В ходе опроса, мы просили школьников отметить, что, по их мнению, может служить причиной национальных конфликтов. Результаты ответов старшеклассников обеих национальностей приведены в таблице 3.1.

Как видно из представленных в таблице данных, русские и еврейские подростки весьма по-разному оценивают те основания, которые обуславливают возникновение национальных конфликтов. Если для первых в качестве наиболее вероятных причин национальных конфликтов выступают: несовпадение взглядов различных национальностей на собственность территорий, распад социалистических государств (здесь различия наиболее существенны) и неравномерность темпов экономического развития наций, то для вторых - различия в вероисповедании, исторически обусловленные предрассудки и стереотипы, несовпадение ценностей, негативные стереотипы в обыденном поведении. Различия, как мы видим, весьма существенны и их стоит обсудить более подробно. Так, нетрудно заметить, что русские старшеклассники больше ориентированы в объяснении причин национальных конфликтов на макротенденции: в

первую очередь на территориальные проблемы, разрушение целостности социалистической системы (и территориальный, и идеологический, и экономический распад единого государства). Для еврейских же школьников более характерна ориентация на культурные различия (религиозные, систему культурных ценностей) и стереотипы обыденного сознания. Следует заметить, что во мнениях школьников относительно причин национальных конфликтов проявляются во многом те же установки, которые мы выявили при анализе их политических ориентаций. Нетрудно заметить, что для весьма значительной части русских школьников, повторимся, территориальный распад СССР переживается как национальное поражение. Поскольку фиксация этой проблемы происходит у них именно на этапе формирования политического мировоззрения и национального самосознания, то это может иметь в дальнейшем самые негативные последствия. Будь это фиксация на поиске виновных в этом инородцев или политических течений, способствовавших разрушению той идеологии, которая скрепляла ранее целостное государство. В этой связи поразительно то равнодушие и, мягко говоря, недальновидность властей, которые не предпринимают никаких сколько-нибудь осмысленных действий по развитию мировоззрения учащихся, процесс социализации которых, действительно, протекает в весьма сложной социокультурной ситуации.

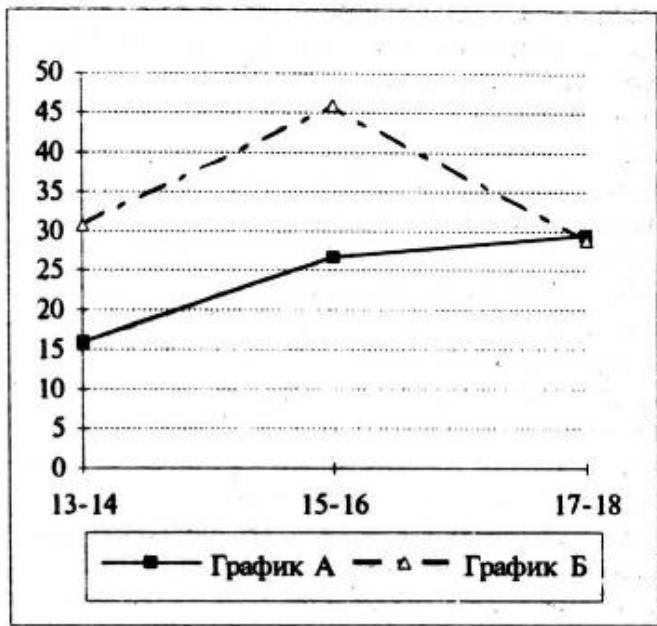
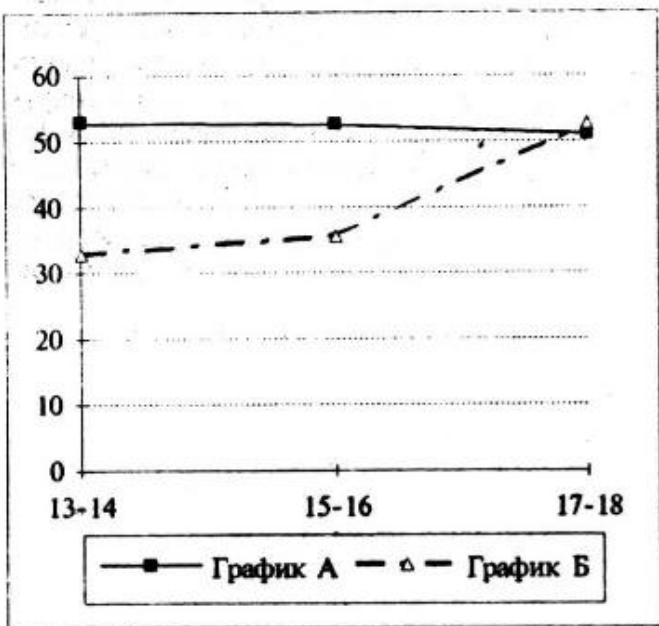
Программа исследования позволяет провести более детальный анализ, направленный на выявление возрастных изменений в оценке еврейскими и русскими подростками значимости тех или иных причин как факторов, обуславливающих возникновение межнациональных конфликтов. Действительно, как меняется траектория взглядов старшеклассников обеих национальностей на содержательную природу межнациональных конфликтов в процессе перехода от подросткового этапа к юности. Полученная картина имеет достаточно сложный характер и дает возможность выявить на эмпирическом материале проведенного исследования по меньшей мере три линии. Для их определения воспользуемся следующей схемой анализа. Рассмотрим, насколько сходятся (или расходятся) взгляды русских и еврейских старшеклассников относительно тех или иных причин национальных конфликтов в подростковом (13-14 лет) и юношеском (17-18 лет) возрастах.

Итак, первая линия характеризуется высоким отличием между еврейскими и русскими старшеклассниками в понимании причин национальных конфликтов, которая обнаруживается уже в подростковом возрасте и сохраняется на протяжении всего возрастного этапа, вплоть до окончания школы. Наиболее четко она может быть проиллюстрирована на таком факторе как "распад социалистических государств" (см. рис.3.2).

Рис.3.2. Возрастная динамика изменения мнений русских и еврейских старшеклассников о том, что в основе национальных конфликтов лежит "распад социалистических государств". График А - русские, График Б - евреи.

Как видно из рисунка, уже к подростковому возрасту (13-14 лет) в среде еврейских и русских подростков складывается принципиальное отличие в понимании важности данного фактора как причины национальных конфликтов. По-видимому, и в ближайшем социальном окружении подростков проявляются весьма разные оценки в отношении распада системы социалистических государств. Следует также отметить, что, несмотря на достаточно заметное снижение числа школьников русской национальности среди 17-18 летних юношей и девушек, придерживающихся мнения о важности этого фактора, разрыв между ними и еврейскими школьниками и на пороге выхода из школы остается высоким. Таким образом, позитивное или негативное отношение к идеологии единой социалистической системы государств, существенно отличает содержательный контекст в котором присходит по-

Рис.3.3. Возрастная динамика изменения мнений русских и еврейских старшеклассников о том, что в основе национальных конфликтов лежит "несовпадение взглядов на собственность территорий" (слева) и "различия в вероисповедании" (справа). График А - русские, График Б - евреи.

литическая социализация русских и еврейских старшеклассников.

Вторая линия, это линия "сближения" в понимании роли тех или иных факторов, как причин национальных конфликтов. Эта тенденция достаточно хорошо может быть прослежена на оценке значимости таких моментов как "несовпадение взглядов на собственность территорий" и "различия в вероисповедании" (см. рис.3.3).

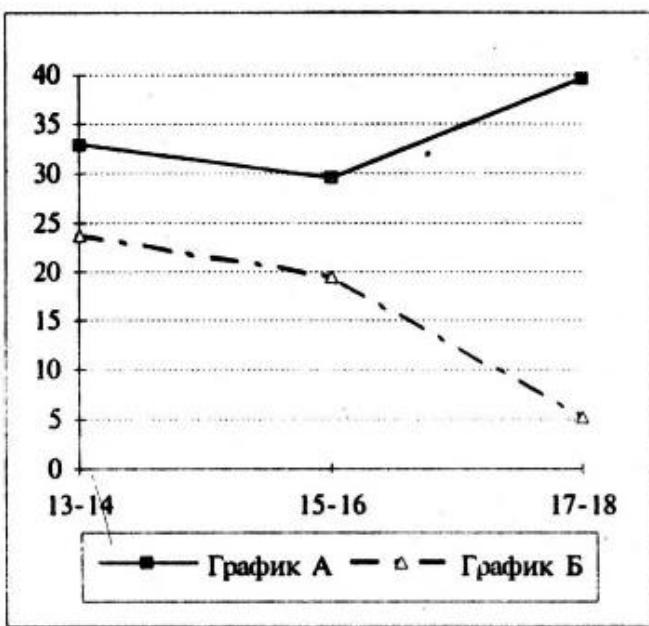
На рисунке видно, что в 13-14 лет мнения еврейских и русских подростков о роли этих факторов как причин национальных конфликтов заметно отличаются. Так, в среде русских подростков более распространена точка зрения о важности территориальных проблем, а среди еврейских - религиозных различий. По мере же взросления, особенно при переходе от ранней юности к старшей (рубеж 16-17 лет), происходит резкая переоценка. В среде еврейских и русских подростков формируется практически одинаковая точка зрения на значимость территориальных притязаний и религиозных различий при возникновении межнациональных конфликтов. При этом у евреев повышается значимость территориальных проблем, а у русских - религиозных различий.

Наконец, третья линия - это линия все большего "расхождения" позиций еврейских и русских школьников по мере их взросления. Проиллюстрирована она может быть на оцен-

ке значимости ими таких аспектов как "неравномерность темпов экономического развития разных наций" и "исторически обусловленные предрассудки и стереотипы" (см. рис. 3.4).

Как видно из рисунка, в подростковом возрасте значимость темпов экономического развития разных наций и исторически обусловленных стереотипов и предрассудков русскими и еврейскими школьниками оценивается сходным образом. По мере же взросления среди русских мнение о роли этих факторов практически не меняется. Среди евреев происходит существенная их переоценка. При этом они все больше начинают отличаться от своих русских сверстников. Роль уровня экономического развития разных наций, как причины межнациональных конфликтов, сводится на нет и возрастает (почти в два раза) роль социокультурных факторов ("исторически обусловленных предрассудков и стереотипов"). Именно факторы сознания и социального поведения для еврейских школьников с возрастом становятся все более и более значимыми факторами, способствующими к возбуждению национальных конфликтов. Можно думать, что по мере их взросления именно этот реальный опыт межнационального общения (на уровне бытового антисемитизма) они и приобрели при переходе от подростничества к юности.

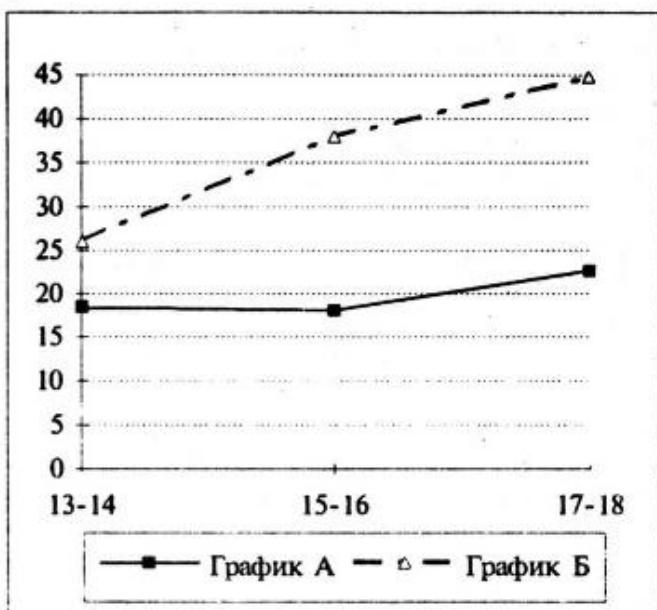
Итак, как показывают материалы исследования, процесс социализации еврейских и

Рис.4.4. Возрастная динамика изменения мнений русских и еврейских старшеклассников о том, что в основе национальных конфликтов лежит "неравномерность темпов экономического развития разных наций" (слева) и "исторически обусловленные предрассудки и стереотипы" (справа). График А - русские, График Б - евреи.

русских старшеклассников в понимании ими причин национальных конфликтов на этапе перехода от подросткового возраста к юности протекает по трем различным содержательным траекториям: сохранение различий, сложившихся к подростковому возрасту (разная оценка распада социалистической системы); сближение в понимании значимости тех или иных аспектов (территориальные притязания и религиозные различия) и расхождение (экономический уровень развития и сложившиеся предрассудки и стереотипы). В целом же можно сделать вывод, что тенденция социального развития русских школьников в понимании причин национальных конфликтов идет в логике "государственников", отождествляющих себя с целостным государством и все более остро реагирующих на факторы разрушения его единства; еврейские же старшеклассники все более отождествляют себя с национальным меньшинством и вследствие этого все более остро реагируют на межкультурные национальные различия, различия в стереотипах поведения и обыденного сознания.

Наряду с оценкой значимости тех или иных причин, которые могут служить поводом для возникновения национальных конфликтов, в ходе опроса мы просили школьников обеих национальностей высказать свое мнение о наиболее приемлемых, с их точки зрения, способах разрешения национальных конфликтов. В ответе на этот вопрос проявилось

как сходство, так и определенное различие. Так, силовой способ разрешения национальных конфликтов ("национальные конфликты разрешимы только путем войны") поддерживает практически незначительная часть в обеих выборках (3.9% среди русских и 3.2% среди евреев). Число считающих, что "национальные конфликты нужно решать только мирным путем переговоров" также практически одинаково (соответственно: 41.2% и 43.5%). В то же время относительно такого способа решения национальной проблемы в России как установление "твёрдой власти" различия между русскими и еврейскими старшеклассниками обозначаются достаточно отчетливо. Если среди русских школьников это мнение разделяет 39.9%, то среди евреев 27.3%.

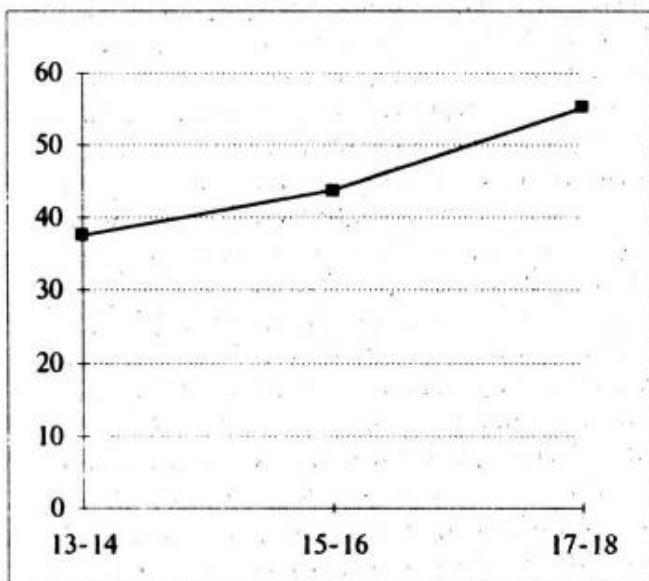
Рассмотрим более детально, как влияют различные факторы на мнения школьников относительно необходимости установления твердой власти для предотвращения межнациональных конфликтов. Например, юноши чаще считают этот способ более эффективным, чем девушки. Причем эта тенденция в равной степени характерна как для евреев, так и для русских. Так, среди мальчиков поддерживают необходимость твердой власти у евреев 32%, среди русских - 46% (соответственно, среди девушек 22% и 32%). Характерно, что среди еврейских школьников с возрастом несколько увеличивается число тех, кто считает необходимым введение твердой власти - с 28.9% в 13-14 летнем возрасте до 36.8% к 17-18

годам. Однако более интересно выяснить то, как соотносятся мнения школьников о способах разрешения национальных конфликтов с их ориентацией на те или иные принципы государственной политики. Здесь, в частности, прослеживается целый ряд весьма любопытных тенденций. Например, каждый второй школьник (47.1%), считающий, что национальные конфликты разрешимы только путем войны, склонен поддерживать во внешней политике такой принцип как "стремление к расширению границ за счет других государств" (среди других групп, ориентированных на иные принципы национальной политики эта доля не превышает 14%). Показательно, что поддержка такого принципа решения межнациональных конфликтов как установления "твердой власти в стране" в целом более связана с охранительной ориентацией во внешней политике - "стремлением сохранить существующие границы своего государства".

Представленный выше материал касается общего взгляда школьников на национальные конфликты. Между тем, особый интерес представляет анализ ситуации межнационального общения в реальном социальном окружении подростка. С этой целью в ходе опроса мы специально исследовали вопрос о том, испытывали ли наши респонденты конкретно "притеснения, оскорблении, унижения по поводу своей национальности". Подавляющее число русских школьников - около 70% - отметило, что у них никогда не было подобного "опыта" негативных переживаний. Среди еврейских старшеклассников ситуация принципиально иная. Для того, чтобы ее охарактеризовать более детально, следует оценить, где и со стороны кого школьники получают негативные реакции относительно своей национальной принадлежности. Так, например, данные исследования показывают, что 68.5% еврейских подростков и 69.0% русских отмечают, что в их школах никогда не возникают конфликты на национальной почве. Со стороны своих одноклассников часто или иногда испытывают национальное унижение 11.1% еврейских школьников (среди русских подобное отмечает 6.0%); со стороны учителей - 8.8% (у русских 5.4%). Таким образом, в целом школьный микроклимат относительно благополучен. Это же относится и к ближайшему социальному окружению. Здесь на дискриминационные национальные проявления по отношению к себе указали 15.2% еврейских и 6.4% русских школьников. Но как только подрост-

ки и юноши начинают оценивать характер взаимодействия с другими социальными группами, ситуация начинает резко меняться. Причем, чем дальше социальные группы, тем чаще возможны проявления антисемитизма. Так, каждый четвертый еврейский подросток (25.0%) отмечает, что ему приходится "часто" или "иногда" испытывать притеснения, оскорблении и унижения по поводу своей национальности со стороны сверстников не из школы (среди русских - 3.8%). Со стороны же вообще посторонних эта ситуация еще более распространена: ее отмечает уже 44% еврейских школьников (среди русских - 4.9%). Итак, чем менее интимен круг взаимодействия, чем в более широкие социальные связи вступает еврейский подросток, тем все более увеличивается его возможность подвергнуться национальной дискриминации.

Следует так же добавить, что чем старше становится еврейский школьник, тем больше у него вероятность подвергнуться бытовым оскорблением своего национального достоинства со стороны посторонних. Эта тенденция отражена на рисунке 3.5.

Рис. 3.5. Возрастная динамика изменения доли еврейских школьников (%), отмечающих, что они подвергаются оскорблению по поводу своей национальности со стороны посторонних.

Как мы видим, по мере взросления все большее число еврейских подростков отмечают, что они испытывают притеснения, оскорблении, унижения со стороны посторонних по поводу своей национальности. Таким образом, естественный процесс социализации,

связанный с расширением круга социальных контактов при переходе от подросткового возраста к юношескому, параллельно сопровождается приобретением негативных реакций окружения по поводу своей национальности.

Помимо выяснения вопроса о том, испытывают ли школьники со стороны социального окружения те или иные реакции по поводу их национальной принадлежности, мы выясняли, есть ли какие-либо национальности, которые вызывают у них самих особую симпатию или антипатию. Относительно первого момента 57.0% русских и 53.7% еврейских школьников отметили, что "да", такие национальности есть. По поводу же второго момента ответы существенно расходятся. Среди русских 58.6% признают, что существуют национальности, вызывающие особую антипатию; среди евреев таких много меньше - 30.1%. Таким образом, по отношению к другим национальностям еврейские подростки проявляют большую толерантность.

В ходе опроса мы просили наших респондентов конкретно назвать те национальности, которые вызывают у них особую симпатию и антипатию. Обработка этого открытого вопроса позволила получить достаточно любопытную дополнительную информацию. Поскольку школьники реально называли самые разные национальности (причем, часто подменяли национальность гражданством, например - американцы), возникла возможность оценить, какова из них в целом доля тех, кто проживает на территории России или в бывшем СССР. Ответы респондентов показывают, что при ответе на вопрос о национальностях, вызывающих особую симпатию, среди русских школьников доля представителей бывшего СССР составляет 36.9%, у евреев - 52.3%. Как видим, в своих ответах о симпатиях русские больше ориентированы на иностранцев. Наиболее же отчетливо эта тенденция проступает при ответе на вопрос о национальностях, вызывающих особую антипатию. У русских доля иностранцев составляет 10.2%, у евреев - 50.4%. Подобные различия объясняются тем, что весьма существенный процент в ответах русских школьников занимает некоторое обобщенное житейское понятие "кавказцы", а у еврейских школьников - арабы. Таким образом, в первом приближении можно считать, что, если первые локализуют свои негативные национальные чувства относительно той наиболее нестабильной ситуации, которая существует на окраинах и южных границах

России, то вторые часто склонны идентифицировать себя с представителями Израиля.

Важно здесь и другое. Как показывают материалы исследования, уровень неприятия (антипатии) русских подростков представителей тех или иных национальностей достаточно высок. Причем именно к представителям тех национальностей, которые проживают на территории России или в Ближнем Зарубежье. Подобная тенденция, подчеркнем, пока лишь тенденция - неприятия своего ближайшего этнического окружения, свидетельствует о том, что среди русских подростков не формируется действительно полноценное и незакомплексованное представление о принципиальной роли русской нации как нации, способной объединить различные национально-этнические группы. И это не удивительно, поскольку "деидеологизация" воспитательного процесса в школе привела просто к самоустраниению педагогов от проблематики национального самоопределения подростков.

В целом же следует отметить, что проблема детального исследования особенностей межнационального восприятия должна решаться другими более специфичными методами. В этом отношении мы можем сослаться на наш опыт психосемантического исследования особенностей межнационального восприятия [В.С.Собкин, П.С.Писарский, 1992]. Опыт подобного исследования, выполненного под нашим руководством, представлен и в настоящем сборнике (см. статьи А.М.Грачевой).

4. Национальная идентичность и оценка своих жизненных перспектив.

В целом ряде наших исследований [В.С.Собкин 1990; В.С.Собкин, П.С.Писарский 1992, 1994] мы уделяли специальное внимание изучению проблемы, которая касается особенностей видения и оценки школьниками своих жизненных перспектив. Напомним, что классическим положением возрастной психологии, положением относительно которого практически не возникает разногласий между исследователями, является представление о том, что основной содержательной особенностью старшего школьного возраста является актуализация в данный период для подростка проблематики своего жизненного самоопределения (Л.И.Божович, И.С.Кон, А.В.Петровский, Д.И.Фельдштейн, Д.Б.Эльконин и др.). Однако подобное единство взглядов не столько "закрывает" саму проблему, сколько, наобо-

рот, требует своего детального изучения и анализа. Показателен в этом отношении план работы Л.Н.Толстого над романом "Детство. Отчество. Юность" (рабочий вариант названия: "Четыре эпохи развития"), где он, в частности, обращает внимание на необходимость "резко обозначить характеристические черты каждой эпохи жизни: в детстве теплоту и верность чувства; в отчестве скептицизм, сладострастие, самоуверенность, неопытность и гордость; в юности красота чувств, развитие тщеславия и неуверенность в самом себе; в молодости - эклектизм в чувствах, место гордости и тщеславия занимает самолюбие, узование своей цены и назначения, многогородность, откровенность". При этом, думается, что сам строй и характер переживаний старшеклассников во многом определяется не только оценкой наличной ситуации, но и, возможно как раз в первую очередь, теми образами (моделями) своего возможного будущего. Достаточно очевидно, что построение подростком представлений о своих жизненных перспективах глубоко связано с широким диапазоном его общих ценностных представлений. Таким образом, вопрос о жизненных перспективах ставится нами в соотношение с проблематизацией ими круга жизненных ценностей.

В ранее проведенных нами работах мы акцентировали внимание при исследовании жизненных планов старшеклассников на следующих четырех аспектах: степени сформированности жизненных планов у старшеклассников; эмоциональной оценки ими успешности своих жизненных перспектив; иерархии фундаментальных жизненных ценностей, структурирующих модель будущего; социальной привлекательности для подростка того или иного личностного типа.

В этой связи следует сослаться на материалы проведенного нами кросскультурного исследования по проекту "Metropolis" [В.С.Собкин, П.С.Писарский, 1994], которые, с одной стороны, позволяют выделить заметное сходство в возрастной динамике степени сформированности жизненных планов у московских и амстердамских старшеклассников, а, с другой, - выявить весьма существенные кросскультурные различия. Эти различия наиболее отчетливо проявились в разной эмоциональной оценке московскими и амстердамскими старшеклассниками успешности своих жизненных перспектив и в структуре их базовых жизненных ценностей.

Настоящее исследование в целом продолжает отмеченную линию. Только выполнено оно не на материале кросскультурного, а на материале межэтнического исследования и представляет один из первых опытов конкретного этно-социологического исследования в отечественной социологии образования. Сама ситуация межэтнических соотнесений особенностей видения своего будущего представителями национального большинства и национального меньшинства позволяет выделить такие аспекты, которые практически невозможно исследовать в программе кросскультурного исследования. Несмотря на то, что еврейские и русские школьники находятся в едином социокультурном пространстве, которое характеризуется общим кризисом и социальной неустойчивостью, можно думать, что "горизонт их ожиданий" относительно своих жизненных перспектив весьма различен.

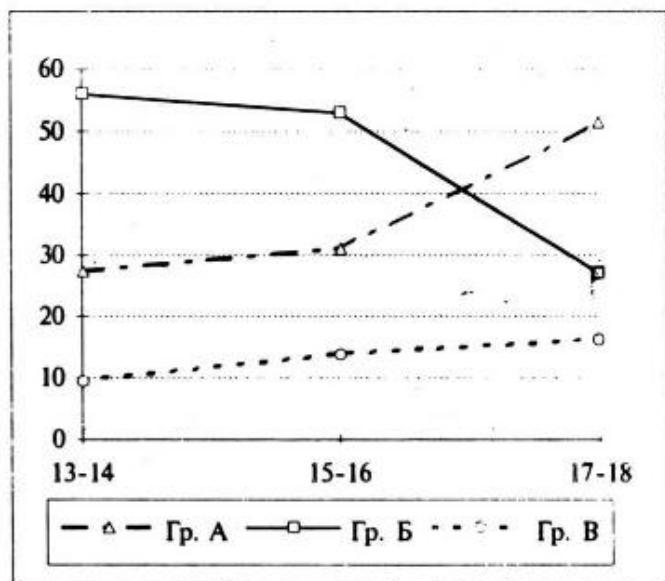
Поэтому - в отличие от предыдущих исследований - в данной работе мы ставили акцент на таких моментах, которые ранее практически нами не исследовались. При этом центральным выступает вопрос о национальной идентичности и жизненных планах. В этой связи мы рассмотрим такие моменты: ориентация на тактику сокрытия своей национальной принадлежности во взаимоотношениях с посторонними; оценка перспектив представителей своей нации в России; оценка своих возможностей как представителя определенной нации; оценка значимости тех или иных негативных аспектов социальной ситуации для настоящего и своих будущих перспектив; установка на эмиграцию.

Как мы уже отмечали выше при анализе межнациональных конфликтов, значительное число еврейских школьников указывает на то, что они имеют опыт негативных переживаний, вызванных определенными действиями со стороны социального окружения (притеснения, оскорблении, унижения) по поводу своей национальной принадлежности. В этой связи особый интерес вызывают те "тактики социального поведения" (манифистация своей национальной принадлежности, "маскировка" и т.п.), на которые ориентируются школьники в ситуациях социального взаимодействия. Как показывают материалы опроса, если среди русских старшеклассников абсолютное большинство (90.4%) никогда не скрывает свою национальность, то среди евреев таких значительно меньше - 32.4%. Практически каждый второй (49.5%) избирает ситуативную тактику

относительно демонстрации своей национальной принадлежности: "иногда приходиться скрывать свою национальность" (для сравнения: среди русских таких 4.4%). При этом каждый десятый (12.0%) еврейский подросток отмечает, что у него "часто" возникает подобная необходимость. Наконец, 4.2% еврейских школьников находятся просто в ситуации сильной фрустрированности относительно своей национальной принадлежности: "я всеми силами стараются скрыть свою национальность". Итак, как показывают материалы исследования лишь треть еврейских школьников имеет достаточный внутренний личностный резерв, позволяющий им не скрывать свою национальную принадлежность при различных социальных контактах.

Более детальный анализ показывает, что еврейские девушки увереннее чувствуют себя при общении с посторонними. Так, если среди них 37.7% никогда не скрывают свою национальность, то среди еврейских юношей таких 27.7%. По-видимому, это связано с тем, что ситуации мужского "социального взаимодействия" по поводу национальной принадлежности выглядят много "жестче" и по способам, и по последствиям их "разрешения". Следует также добавить, что возрастная динамика имеет достаточно сложный характер (см.рис.4.1.)

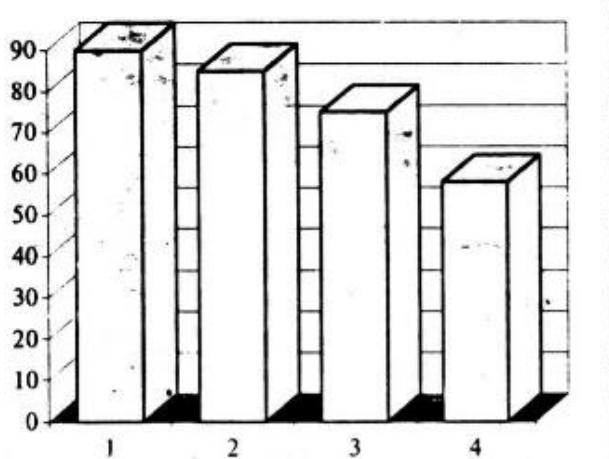
Как видно из рисунка, с возрастом заметно увеличивается число школьников, которые во взаимодействии с посторонними предпочитают никогда не скрывать свою национальность. Параллельно с этим к выпускным классам падает число еврейских юношей и девушек, кто предпочитает "иногда" скрывать свою национальность. Таким образом, можно сделать вывод, что на возрастном этапе от 13 к 17 годам у еврейских школьников формируется определенная система социально-адаптивного поведения, позволяющая им справляться с ситуациями, когда возникают определенные напряжения, связанные с их национальной принадлежностью. В то же время весьма характерна и другая тенденция (см. график С): к 17-18 годам в два раза увеличивается число тех, кому "часто" приходится скрывать свою национальность. По-видимому, это может быть связано с тем, что с возрастом, как мы отмечали в предыдущем разделе, в целом увеличивается число еврейских школьников, которые отмечают, что они подвергаются оскорблению со стороны окружающих по поводу своей национальной принадлежности. Как показывает дальнейший

Рис.4.1. Возрастная динамика различных тактик демонстрации своей национальной принадлежности еврейскими школьниками при взаимодействии с посторонними. График А - "Я никогда не скрываю свою национальность"; график Б - "иногда приходится скрывать свою национальность"; График В - "часто возникает необходимость скрывать свою национальность".

анализ, сама установка еврейских школьников на скрытие своей национальной принадлежности тесно связана с характером социального окружения подростка. Так, например, среди тех, кто старается скрыть свою национальность или вынужден прибегать к этому достаточно часто, 62.3% составляют как раз те, кто испытывает притяжения и оскорблений со стороны социального окружения (для сравнения: доля среди них тех, социальное окружение которых не ущемляет их национального достоинства, в два с половиной раза меньше и составляет 25.1%). Причем анализ полученного материала позволил выявить одну весьма характерную, с нашей точки зрения, тенденцию. Она состоит в том, что, чем ближе социальное окружение, где возможны антисемитские проявления, чем теснее с ним контакты еврейского подростка, тем активнее проявляется установка подростка на тип поведения, ориентированный на скрытие своей национальной принадлежности (см.рис.4.2.).

Итак, повторимся, лишь треть еврейских подростков не склонна скрывать свою национальность. Причем большинство из них составляют те, чье социальное окружение не склонно к проявлениям антисемитизма.

Рис.4.2. Проявление установки на скрытие своей национальной принадлежности у еврейских подростков в разных типах социальных контактов, когда проявляются антисемитские настроения. 1 - ближайшее социальное окружение; 2 - одноклассники; 3 - сверстники не из школы; 4 - посторонние.

Следующий шаг в нашем анализе связан с изучением вопроса о жизненных перспективах старшеклассников. В предыдущих наших исследованиях [В.С.Собкин, П.С.Писарский. 1992, 1994], как мы уже отмечали, эта проблема нами частично затрагивалась. Причем, одним из наиболее интересных аспектов оказался аспект, связанный с эмоциональной оценкой своего будущего в модальностях "оптимизм-пессимизм". Как достаточно прозорливо отмечал Й.Хейзинга, одной из наиболее существенных характеристик той или иной культурной эпохи является та особая эмоциональная доминанта, которая характеризует основное состояние, стилистику присущих ей переживаний (романтизм, сентиментализм и т.д.). В этой связи нам представляется, что оппозиция "пессимизм-оптимизм" вообще является одной из фундаментальных эмоциональных модальностей, характеризующих социокультурный контекст и определяющих (что для нас особенно важно подчеркнуть) общий эмоциональный фон процесса социализации. Проведенное нами кросскультурное сопоставление московских и амстердамских старшеклассников показало, что эмоциональное переживание ими своего будущего резко отличается. Если среди амстердамских старшеклассников с уверенностью и оптимизмом смотрят в завтрашний день практически три четверти старшеклассников (63.3%), то среди

москвичей, социализация которых протекает в контексте социально-экономической нестабильности и ценностно-нормативной неопределенности, таких лишь одна треть (31.7%). В данном исследовании мы решили более детально рассмотреть эту проблему, замыкая ее на проблематику национальной идентичности. В этой связи мы, с одной стороны, просили еврейских и русских старшеклассников оценить перспективы своей национальности в России, а, с другой, - оценить свои личные перспективы как представителя соответствующей национальности. Рассмотрим более детально полученные материалы.

При оценке перспектив своей нации, "затруднились" ответить на этот вопрос 31.0% русских и 21.3% еврейских старшеклассников. Причем, следует отметить, что если среди русских школьников число, затрудняющихся оценить перспективы своей национальности с возрастом остается неизменным (32.0% в возрасте 13-14 лет, 31.1% среди 15-16 летних и 31.4% среди 17-18 летних), то среди еврейских школьников возрастные изменения весьма значительны. Так, среди еврейских школьников в возрасте 13-14 лет затрудняются оценить перспективы своей нации 22.7%, в возрасте 15-16 лет - 20.7%, а в возрасте 17-18 лет - 13.2%. Таким образом, можно сделать вывод, что с возрастом у еврейских подростков формируются все более определенные и отчетливые представления о перспективах своей нации. Характерно, что резкий сдвиг и осознание этих перспектив происходит на рубеже перехода от ранней юности к юности (на возрастной границе 16-17 лет).

Следует отметить, что по целому ряду аспектов как русские, так и еврейские школьники сходным образом оценивают перспективы своей национальности. Так, среди русских школьников 39.1% считает, что "представители их национальности могут с оптимизмом смотреть в будущее", среди евреев - 31.0%. Соответственно, "сомневаются в том, что их нацию ожидают благоприятные перспективы" 14.5% русских и 10.6% евреев. Наконец, думают, что их нацию "неизбежно ожидает ассимиляция" 2.3% русских и 1.4% еврейских школьников. Как видим, тенденции действительно сходны.

В то же время такой аспект как оценка особенностей поведения представителей своей национальности (особенно оценка эмиграционных тенденций) в сложившейся социокультурной ситуации в России весьма сущ-

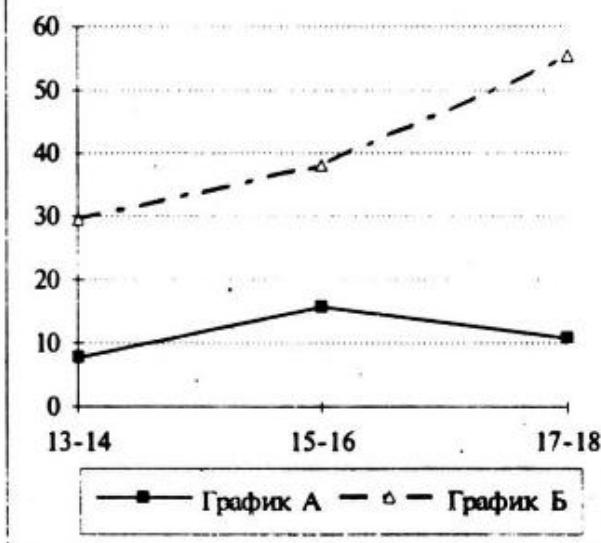
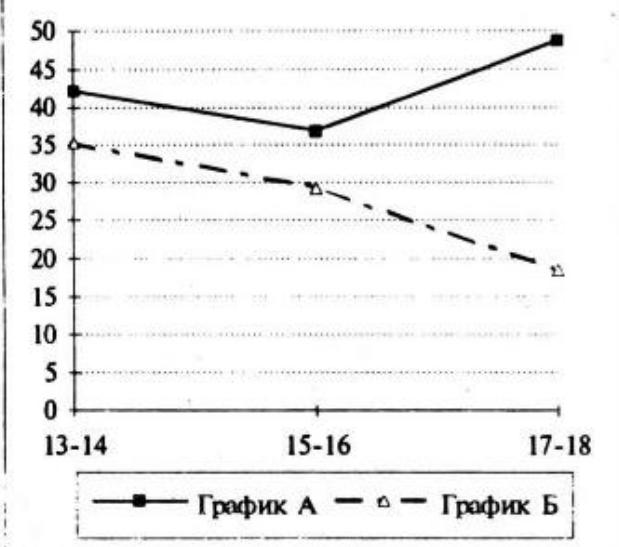
ственno отличает русских и еврейских школьников. Так, если среди русских старшеклассников считают, что темпы эмиграции представителей их национальности будут возрастать 12.3%, то среди евреев таких 38.0%.

Итак, за исключением оценки эмиграционных тенденций, можно сделать вывод о том, что в целом русские и еврейские подростки оценивают перспективы своей национальности сходным образом. Однако, более детальный анализ показывает, что между ними существуют весьма и весьма серьезные отличия. Особенно рельефно эти различия обнаруживаются, если мы попытаемся проследить возрастную динамику изменения мнений еврейских и русских подростков. На рисунке 4.3 представлена динамика изменения мнений (в % от числа опрошенных в каждой возрастной группе) русских и еврейских школьников относительно двух аспектов: а) "представители моей национальности могут с оптимизмом смотреть в будущее"; б) "темперы эмиграции представителей моей национальности будут возрастать".

Как видно из рисунка, если среди русских школьников доля оптимистично оценивающих перспективы своей национальности на протяжении всего рассматриваемого периода (от 13 до 17 лет) остается примерно одинаковой (более того, к выпускным классам школы намечается тенденция к ее увеличению), то среди еврейских подростков к выпускным классам школы доля таких заметно сокращается (практически вдвое). Причем ха-

рактерно, что в подростковом возрасте (13-14 лет) перспективы своей нации как теми, так и другими оцениваются достаточно сходным образом. Однако, возрастная траектория социализации, приобретаемый с возрастом опыт социального взаимодействия принципиально по разному ориентируют взгляды еврейских и русских подростков на перспективы своей национальности. Причем параллельно с этим резко увеличивается и доля еврейских подростков, считающих что темпы эмиграции представителей их национальности будут возрастать. К выпускным классам школы эту точку зрения разделяет практически каждый второй еврейский школьник.

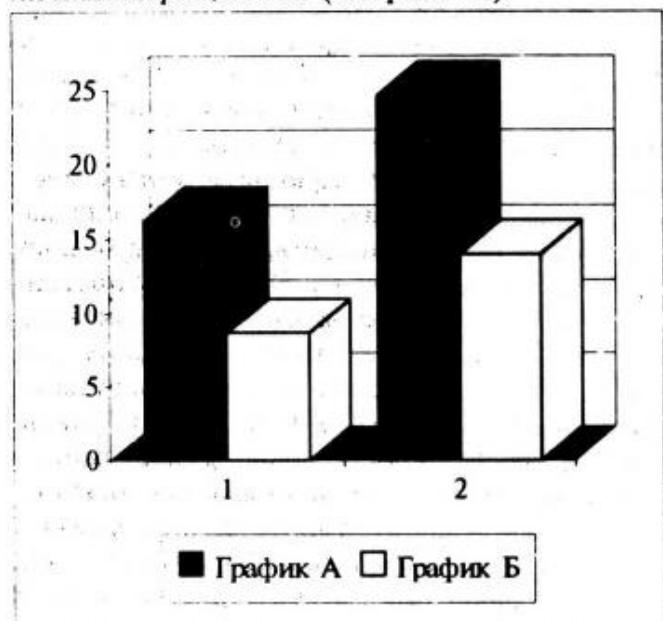
Теперь рассмотрим, как оценивают школьники свои собственные перспективы. Считают, что их ожидают самые благополучные перспективы 18.7% русских и 13.0% еврейских школьников. Крайне пессимистичны настроены, считая, что их лично ожидает дискриминация по национальному признаку, среди евреев немного - 2.3%. Ориентированы на успех, несмотря на возможную национальную дискриминацию, 18.1% еврейских подростков. Наиболее же часто как среди русских, так и еврейских школьников распространено мнение, что их национальная принадлежность никак не связана с их личными перспективами, что все зависит только от них самих и благоприятной ситуации. Подобной точки зрения придерживается 56.6% русских и 42.1% еврейских школьников. Как можно заметить, среди русских число, придерживающихся

Рис. 4.3. Возрастная динамика изменения мнений русских и еврейских школьников о том, что "представители их национальности могут с оптимизмом смотреть в будущее" (слева) и, что "темперы эмиграции представителей их национальности будут возрастать" (справа). График А - русские; График Б - евреи.

этого взгляда относительно своего будущего заметно выше. Наконец, следует специально подчеркнуть, что среди еврейских старшеклассников в отличии от русских явно выражена установка, что только в другой стране они смогут добиться успеха в жизни - 22.7% (у русских школьников таких 6.0%).

При анализе полученных данных следует остановиться более подробно на целом ряде моментов. Так, весьма характерна одна общая и для русских, и для еврейских школьников тенденция. Она связана с тем, что юноши вообще более оптимистично оценивают свои личные перспективы (см. рис. 4.4).

Рис. 4.4. Доли юношей и девушек среди русских и евреев, считающих что их ожидают самые благополучные перспективы. Слева - русские, справа - евреи. График А - юноши, График Б - девушки.

Анализируя материалы в возрастном аспекте, можно выделить следующие три момента. Во-первых, если среди русских школьников наблюдается тенденция увеличения с возрастом доли тех кто считает, что их ожидают самые благополучные перспективы (23.9% в возрасте 13-14 лет и 31.3% в возрасте 17-18 лет), то среди евреев тенденция прямо противоположна (соответственно: 14.9% и 5.7%). Во-вторых, среди еврейских подростков с возрастом достаточно последовательно увеличивается число, придерживающихся той точки зрения, что их национальная принадлежность никак не связана с их личными перспективами и все зависит от них самих. Так, в возрасте 13-14 лет это мнение разделяет 40.2%, в возрас-

те 15-16 лет - 44.2%, а в возрасте 17-18 лет 51.4%. Наконец, в-третьих, с возрастом, особенно на рубеже 15-16 и 17-18 лет среди еврейских подростков резко сокращается число тех, кто считает, что "только в другой стране он сможет добиться успеха в жизни" (соответственно: 26.7 % в возрасте 15-16 лет и 11.4% в возрасте 17-18 лет). Сопоставляя эти данные можно сделать вывод о том, что, несмотря на заметное падение доли "оптимистов", уверенных в том, что в будущем их ожидают самые благополучные перспективы, среди еврейских школьников усиливается тенденция ориентации на собственные силы в достижении успеха. Причем, свою жизненную успешность (или неуспешность) они все менее начинают связывать со своей национальной принадлежностью или страной проживания.

С нашей точки зрения, эти данные весьма показательны. Так, если соотнести особенности оценки еврейскими школьниками перспектив своей национальности и своих собственных жизненных перспектив, то нельзя не заметить проявляющееся здесь весьма характерное расхождение. Действительно, с возрастом среди еврейских школьников увеличивается число тех, кто считает, что для их нации нет благоприятных перспектив в России: увеличивается доля предполагающих усиление темпов эмиграции в будущем и падает количество, указывающих на то, что представители их национальности могут с оптимизмом смотреть в будущее. И в то же время относительно своих собственных жизненных перспектив растет доля оптимистов и падает число тех, кто считает, что только в другой стране он сможет добиться успеха. Таким образом, проявляется определенная тенденция "разотождествления" перспектив нации в России и своих собственных. Можно думать, что на подобном "разотождествлении" проявляется особый феномен индивидуализации своего жизненного пути, который формируется на возрастном этапе перехода от подростничества к юности. При этом подчеркнем принципиальную, с нашей точки зрения, не только культурологическую, но и психологическую важность обнаружения подобной "границы" (национальной судьбы и своей личной), требующей соотнесения своих и национальных перспектив, именно для личностного самоопределения еврейского подростка и юноши. В этой связи вполне правомерно предположить, что остро переживаемые процессы своей национальной идентификации еврейским подростком в России развива-

ются в сторону "овладения" особыми формами социального взаимодействия с представителями других национальностей. Напомним еще раз, что среди еврейских школьников с возрастом растет доля тех, кто отказывается от тактики "сокрытия" своей национальности в ходе социального взаимодействия.

В принципе вполне правомерна и иная интерпретация. Ее можно обозначить как "психологическую" ассимиляцию (акультурацию). Действительно, расхождение судьбы и перспектив своей национальности в России и своих личных перспектив как представителя этой национальности можно рассматривать не столько как феномен "разоотождествления", выступающий как механизм, формирующий специфику национального самосознания, сколько проявление тенденции к утрате своей национальной идентичности, психологической ассимиляции (акультурацию).

При исследовании жизненных перспектив наряду с анализом уверенности школьников в своем будущем, соотнесением зависимости их установок на самореализацию с их национальной принадлежностью не менее важно оценить значимость тех или иных факторов которые, по мнению школьников, представляют наибольшую угрозу для их жизненных перспектив. В этой связи в ходе опроса мы задавали респондентам два вопроса. Один был ориентирован на оценку тех или иных негативных социальных тенденций (сценарии развития), которые больше всего "пугают" старшеклассников. Второй вопрос строился несколько в иной модальности и был ориентирован не столько на оценку общих тенден-

ций, а затрагивал непосредственно самого школьника: "что лично его беспокоит в будущем? чего он боятся?". Таким образом, если в первом случае в вариантах ответов указывались те или иные социальные и экономические факторы: "преступность", "бездействие" и т.д., то во втором случае варианты ответов строились по следующей конструкции: "я боюсь, стать жертвой насилия, преступления" и т.п.

В таблице 4.1 представлены результаты ответов еврейских и русских школьников о тех общих негативных тенденциях, которые их больше всего пугают.

Как видно из таблицы, в целом такие негативные тенденции как преступность, голод и нищета, военное разрешение национальных конфликтов, экономическая нестабильность, отсутствие социальной защиты, перспектива тоталитаризма в равной степени пугают как русских, так и еврейских старшеклассников. В то же время, оценка значимости двух факторов принципиально отличается у русских и еврейских старшеклассников. Как можно заметить, если среди русских школьников значительно больше тех, кто боится гражданской войны (50.3%, у евреев 32.9%), то среди евреев каждый второй боится национализма (50.0%, у русских лишь 9.4%). Таким образом, именно эти два момента принципиально различают русских и еврейских подростков, выявляют их различия в идентификации себя с национальным большинством и национальным меньшинством.

Практически сходную тенденцию мы обнаруживаем и при ответе на второй вопрос, где мы просили школьников ответить более

Таблица 4.1

Негативные социальные тенденции, которые больше всего пугают старшеклассников (%).

Что пугает в будущем	русские	евреи
преступность	55,1	49,1
гражданская война	50,3	32,9
голод и нищета	35,3	30,6
военное разрешение национальных конфликтов	27,6	26,4
экономическая нестабильность	23,3	22,2
бездействие	27,0	13,4
отсутствие социальной защиты	20,4	17,6
национализм	9,4	50,0
перспектива тоталитаризма	11,6	14,4
СПИД	27,6	15,3

конкретно, что их лично больше всего беспокоит в будущем (см. табл.4.2).

Приведенные в таблице данные весьма показательны. По сути дела они фиксируют полное тождество в оценке значимости тех или иных аспектов, которые вызывают опасения и тревоги у подростков и юношей обеих национальностей. Главные из них: война, опасение, что не сложится личная жизнь, тревога за материальное обеспечение семьи и сомнения в правильности выбора профессии. Именно эти аспекты проблематизируют оценку успешности своих жизненных перспектив. В то же время, два аспекта отличают еврейских и русских подростков. Если русские подростки чаще отмечают, что они боятся стать жертвой насилия, преступления, то среди евреев каждый четвертый - 27.8% боится стать жертвой национализма (среди русских лишь 2.7%). В этом смысле опять весьма остро проявляется идентификация тех и других с национальным меньшинством или большинством.

Обобщая приведенные в обеих таблицах данные, следует в целом отметить два момента. Первый, связан с теми специфичными аспектами, которые в разной степени тревожат русских и еврейских старшеклассников. Так, для русских школьников более тревожными оказываются: перспектива гражданской войны, страх безработицы, опасность СПИДа и боязнь стать жертвой насилия и преступления. Еврейских же школьников отличает от русских по сути дела один аспект: среди них

гораздо больше тех, кто боится национализма как социального явления и боится стать непосредственной жертвой проявления национализма. При этом следует отметить - и это второй момент, - что субъективно боится стать жертвой национализма заметно меньшее число еврейских школьников по сравнению с ситуацией, когда национализм отмечается ими в ряду общих негативных тенденций (соответственно: 27.8% и 50.0%).

Итак, рассмотрение достаточно широкого круга вопросов убеждает нас в том, что формирование жизненных планов еврейского подростка достаточно тесно связано с процессами осознания им своей национальной идентичности. Безусловно и другое - живя в контексте социокультурных реалий России, он мало отличается от русского подростка в оценке тех или иных негативных социальных тенденций, которые могут оказывать влияние на его будущее: преступность, экономическая нестабильность, отсутствие социальной защиты, перспектива тоталитаризма - все это в равной степени волнует как еврейского, так и русского подростка. Подростковое и юношеское сознание, вне зависимости от национальности, в равной степени волнует целый ряд проблем: сложиться ли моя личная жизнь?; смогу ли я обеспечить материально свою семью?; ту ли я выбрал профессию? и т.д. Все эти актуальные вопросы определяют пространство жизненного самоопределения. И, тем не менее, осознание себя как национального меньшинства,

Таблица 4.2

Ответы русских и еврейских школьников на вопрос о том, что их лично больше всего беспокоит в будущем (%)

Что беспокоит в будущем	русские	евреи
я боюсь войны	42,4	33,8
я опасаюсь, что у меня не сложится личная жизнь	27,7	28,7
я боюсь, что не смогу материальное обеспечить семью	24,5	26,4
у меня нет уверенности, что я правильно выбрал профессию	21,8	22,7
я боюсь стать жертвой насилия, преступления	31,6	16,2
я боюсь стать жертвой национализма	2,7	27,8
меня беспокоит мое здоровье	13,3	12,0
я боюсь стать жертвой рэкета	7,9	2,3
я не уверен, что смогу жить самостоятельно	8,7	10,6
отсутствие внешней привлекательности	6,4	6,5
я боюсь смерти	9,2	4,6
другое	4,2	2,4

самоопределение себя по отношению к своей собственной национальности - эти проблемы весьма специфичны и характерны для формирования самосознания еврейского подростка. Именно они, как мы видим, содержательно характеризуют доминанту эмоциональных переживаний социальной ситуации на данном возрастном этапе.

Заканчивая анализ, остановимся еще на одном аспекте. Он касается вопроса о планах школьников на эмиграцию из России. В какой-то степени мы его уже затрагивали, когда выясняли мнение школьников о темпах эмиграции представителей их национальности из России или анализировали их мнение о возможностях своей собственной самореализации в России. Однако в ходе исследования мы задавали школьникам и прямой вопрос о том, в какой стране они хотели бы жить. Если среди русских подростков большинство (65.8%) хотели бы жить в России, то среди евреев подобное желание остаться в России высказали 26.9%. Практически каждый второй из них (44.9%) хотел бы жить на своей исторической родине, а 19.4% в какой-либо другой стране (среди русских желают эмигрировать 16.8%).

Поскольку вопрос об эмиграционных планах евреев обсуждается достаточно часто, то остановимся на нем несколько подробнее и посмотрим, как решают его для себя подростки. Если среди русских школьников вопрос об эмиграции достаточно тесно связан с материальным уровнем семьи и чем он выше, тем выше доля школьников, желающих покинуть Россию (из семей с низким уровнем дохода желает уехать каждый десятый - 11%, а из семей с высоким каждый четвертый - 24%), то желание еврейских школьников никак не связано с материальным уровнем их семьи. Не проявляется здесь и влияние каких-либо других социально-демографических факторов. Здесь играют роль другие моменты. Причем наиболее существенными оказываются особенности взаимодействия школьников со своим ближайшим социальным окружением. Например, среди тех еврейских подростков, у кого часто возникает необходимость скрывать свою национальность лишь 9.0% отмечает, что они хотели бы остаться жить в России. Естественно, что и у подавляющего большинства школьников у которых сформировалось мнение, что только в другой стране они могут добиться успеха проявляется установка на отъезд (среди них готовы уехать 83,3%). По-

мимо желания успеха, существенно мотивируют формирование планов на эмиграцию у еврейских подростков и боязнь стать жертвой насилия и преступления, опасение, что не сложится личная жизнь и целый ряд других моментов. Подчеркнем, что в данном случае мы характеризуем наиболее явно проявляющиеся факторы, характерные именно для массового подросткового сознания еврейских школьников.

5. Отношение к семье и браку.

Предыдущий анализ материалов опроса показывает, что говоря о своих перспективах в будущем, старшеклассники отмечают целый круг проблем, которые связаны с их будущей семейной жизнью. Напомним основные из них. Так, полученные в исследовании данные свидетельствуют, что по меньшей мере каждого четвертого школьника беспокоит, что у него может не сложиться личная жизнь, что он не сможет обеспечить материально свою семью. Причем подобные проблемы в равной степени волнуют как еврейских, так и русских старшеклассников. Рассматривая особенности религиозных ориентаций подростков, мы имели ряд оснований для вывода о том, что религиозное самоопределение ребенка в основном формируется в семье. Наконец, материалы, относящиеся к политическим ориентациям старшеклассников, показывают, что политические взгляды школьников тесно связаны с социально-стратификационным статусом семьи (в первую очередь с уровнем образования родителей и материальным положением семьи). Сами школьники отмечают, что, с их точки зрения, именно семья формирует представление о национальной принадлежности. Подобной позиции придерживаются в равной степени как еврейские (55.6%), так и русские (57.2%) старшеклассники. Таким образом, целый ряд проблем выводит нас на необходимость более детального анализа семейной проблематики.

Отличается ли, - и если да, то чем, - семья еврейского и русского подростка? Например, сравнительный статистический анализ показывает, что по формальным статистическим показателям семьи еврейских и русских старшеклассников достаточно сходны. Так, напомним: среди русских старшеклассников 62% живет в полных семьях со своим собственным отцом, среди евреев - 71%. Среди русских школьников 30% является

единственным ребенком в семье, среди евреев - 34%. В двухдетных семьях проживают соответственно: 27% и 25%; в трехдетных и более: 10% и 6%. Несколько больший процент еврейских школьников живет в трехпоколенных семьях (с дедушкой, бабушкой) - 19% (среди русских школьников таких 13%). Практически не отличаются семьи еврейских и русских школьников и по своему материальному положению. Пожалуй, единственное и весьма существенное расхождение между двумя выборками, как мы уже отмечали, касается уровня образования родителей, - среди еврейских школьников намного выше доля тех, чьи родители имеют высшее образование. Таким образом, в целом каких-либо существенных различий по социально-демографическим признакам между семьями еврейских и русских старшеклассников выделить не удается. Можно говорить лишь о тенденциях: более высокий уровень образования родителей в еврейской семье, несколько большая доля еврейских подростков живет в полных и трехпоколенных семьях.

Поскольку, помимо указанных тенденций, никаких существенных отличий не проявляется, то попытаемся выяснить, выявляется ли какая-нибудь определенная специфика жизни еврейских семей на социально-психологическом уровне. При этом, естественно лишь в первом приближении, мы рассмотрим ряд аспектов: особенности семейного поведения в отношении к национальным традициям; характер отношений в семье - тип социально-ролевого лидерства; семейные ценностные ориентации; отношение подростков двух национальностей к браку, видение ими особенностей супружеских отношений.

Как показывают материалы опроса, в подавляющем большинстве еврейских семей (93.5%) общение происходит на русском языке. Лишь 3.7% еврейских школьников указали, что в семье общаются на национальном языке. В целом эти данные выборочного опроса совпадают с официальными статистическими данными по переписям населения. В то же время 36.1% указали, что в их семьях спрашиваются национальные праздники (у русских в два раза меньше - 16.6%), а 19.4% отметили религиозные праздники (среди русских 25.4%). И в еврейских и в русских семьях прослеживается сходная тенденция: школьники, считающие себя религиозными, чаще отмечают, что в их семьях спрашиваются религиозные и национальные праздники. Так, среди

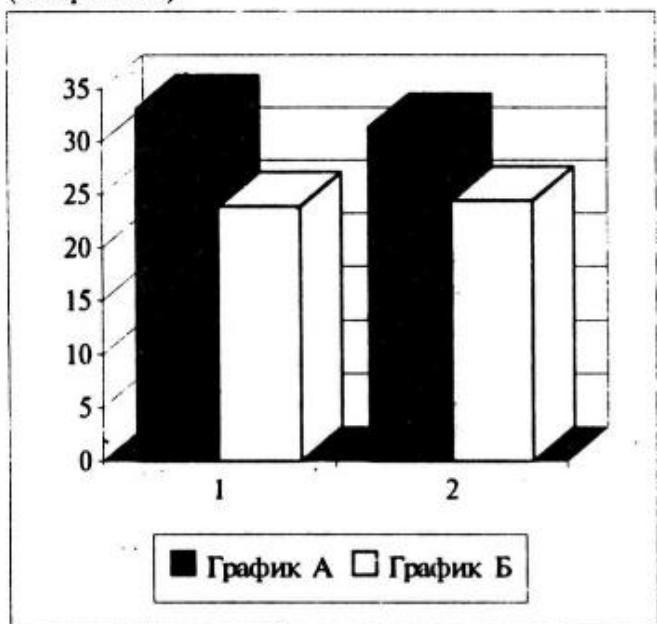
иудеев на это указывает 75.0%, среди православных - 59.5%. Таким образом, в определенной степени подтверждается наш вывод о том, что религиозное приобщение детей, приобщение их к национальным традициям в основном происходит в семейном кругу. Следует также отметить, что дети, живущие в трехпоколенных семьях, несколько чаще указывают на традицию отмечать религиозные и национальные праздники в их семье. Хотя различия по сравнению с двухпоколенными семьями здесь не очень заметны, и можно говорить лишь о намечающейся тенденции. И все же, по-видимому, религиозные традиции в большей степени сохранены в трехпоколенных семьях, где более старшее поколение удерживает и воспроизводит их в семейном кругу.

Помимо отмеченных выше интересна одна достаточно характерная тенденция. Еврейские школьники, отцы которых имеют учennуую степень, заметно реже указывают на то, что в их семьях отмечаются национальные праздники, по сравнению с теми, чьи матери имеют учennуую степень. Соответственно: 25% и 45%. Это позволяет сделать вывод, что еврейские женщины в большей степени устойчивы к сохранению национальных традиций в своей семейной жизни, несмотря на социальное продвижение. Так, рост уровня их образования заметно не изменяет установок семьи на сохранение и поддержание национальных традиций в семье. Мужчины же, напротив, с увеличением уровня образования все более отдаляются от национальных традиций, адаптируются к общим социокультурным нормам и требованиям.

Следующий момент, который мы пытались исследовать, касается структурированности социально-ролевых отношений в еврейских и в русских семьях. С нашей точки зрения, достаточно существенным моментом, характеризующим стиль семейных отношений, является тип взаимоотношения социально-ролевых позиций (отца, матери, бабушки и дедушки, самого ребенка) по отношению к семейному лидерству. Ответы старшеклассников на вопрос о том, кто является главой в их семье, показывают практически полное сходство в ответах еврейских и русских школьников. Так, считают, что в их семье нет главы, 23.1% русских и 26.4% еврейских старшеклассников. Думают, что главой в семье является отец, 27.6% русских и 27.3% евреев. Соответственно, указывают на мать 24.3% и 17.1%.

Дедушку или бабушку указывают 3.1% и 2.8%.

Следует специально отметить, что семьи детей, которые считают себя религиозными, более социально структурированы. Причем, в этих семьях заметно чаще главой семьи выступает отец. Подобная тенденция проявляется как среди православных, так и среди иудеев (см. рис.5.1).

Рис. 5.1. Доля школьников (%), считающих, что главой в их семье является отец. 1 - русские, 2 - евреи. График А - религиозные, График Б - нерелигиозные.

Соответственно, среди религиозных детей меньше тех, кто считает, что в их семье нет главы. У русских среди религиозных эта доля составляет 16.6%, а среди нерелигиозных в два раза больше - 31.7%. Соответственно среди евреев: 22.9% и 28.2%. Конечно речь идет лишь о тенденции большей структурной организации и иерархичности социально-ролевых позиций в религиозных семьях.

Большая структурированность семьи (в данном случае мы имеем ввиду наличие лидера, считающегося главой семьи) зависит не только от религиозности семьи, но и от целого ряда других социальных факторов. Так, следует отметить, что более структурированы относительно семейного лидерства и семьи с более высоким доходом.

Крайне интересная зависимость структуры семейного лидерства обнаруживается в еврейских семьях с разным уровнем образования родителей. Например, весьма показательно, что чем выше уровень образования матери,

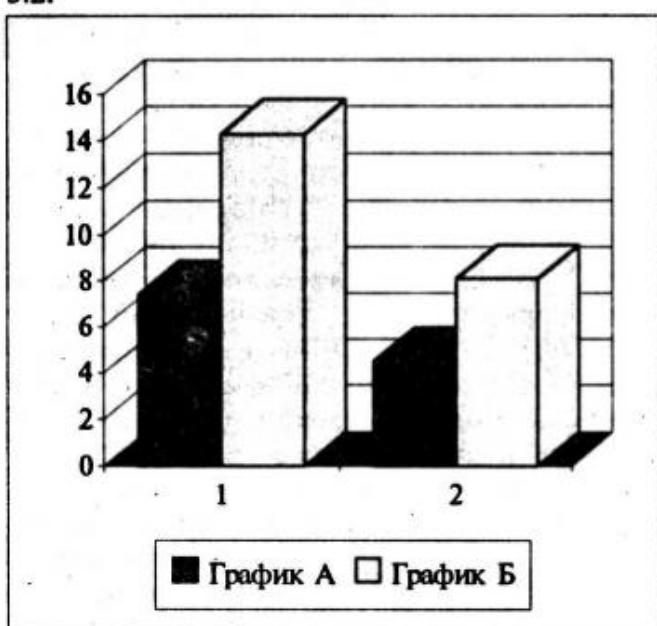
тем чаще дети склонны считать, что в их семье нет главы (среди школьников, чьи матери имеют ученую степень таких 50.0%, со средним образованием матери - 7.6%). В семьях с низким образованием матери или отца проявляется явная установка на то, что главой семьи является отец. Далее по мере роста уровня образования родителей позиция отца, как главы семьи падает. Заметный рост его авторитета как главы семьи обнаруживается только в том случае, если он имеет ученую степень.

Помимо вопроса о структурной организации семьи, признании семейного лидерства за той или иной социально-ролевой семейной позицией (является ли главой семьи отец или мать? есть ли вообще в семье глава?), мы попытались выяснить вопрос о стиле принятия решений в семье. Как принимаются решения в семье? Особое значение для нас имеет здесь такой аспект, как демократический или авторитарный стиль принятия решений.

В целом результаты опроса, как и в случае с определением лидера ("главы семьи"), показывают высокое сходство в ответах русских и еврейских подростков. Так, большинство школьников обеих национальностей считает, что в их семьях существует демократических стиль принятия решений - "решение принимается всей семьей с учетом интересов и возможностей каждого". Таких ответов среди русских школьников 51.8%, среди евреев - 59.3%. Считают, что окончательное решение всегда принимает отец, - среди русских 10.0%, среди евреев - 8.8%. Отводят подобную роль матери, соответственно: 12.7% и 5.1%. Считают себя полноправными членами семьи, отмечая, что с их мнением считаются при решении важных семейных вопросов, среди русских школьников - 16.2%, среди евреев - 19.0%. Наконец, практически одинаковое число русских и еврейских школьников считает, что мнения членов их семьи, как правило, не совпадают и поэтому в семье никогда не могут прийти к окончательному решению какого-либо вопроса (соответственно: 8.3% и 7.9%). Таким образом, стиль семейных отношений в целом достаточно сходен как в русских, так и в еврейских семьях. Можно только отметить лишь несколько более выраженную тенденцию среди еврейских семей к демократическому стилю принятия решений.

Попытаемся теперь более подробно проанализировать полученные данные. Характерно, что с возрастом школьников практически не меняется характер оценки ими стиля при-

нятия решений в семье. В этой связи можно думать, что само по себе взросление ребенка на этапе от 13 до 18 лет практически не меняет стиля сложившихся семейных отношений. Если они были демократическими, то они такими и остаются. Если позиция ребенка учитывается в семье в более раннем возрасте, то она учитывается и в подростковом и юношеском. И наоборот. Таким образом, если в семье уже сложился авторитарный стиль отношений, то семья практически оказывается мало чувствительной к взрослению своего ребенка, необходимости смены отношений. Кстати, показательно в этом плане, что с возрастом заметно увеличивается доля школьников (практически в два раза и у русских и у евреев) критически относящихся к сложившимся в их семье стилю отношений при принятии решений. Все большее их число начинает отмечать "непродуктивность" попыток принять то или иное решение, что "в семье никогда не могут прийти к решению какого-либо вопроса". Эта тенденция показана на рисунке 5.2.

Рис. 5.2. Возрастная динамика изменения оценки стиля принятия решений в семье по критерию: "мнения членов семьи, как правило, не совпадают, поэтому мы никогда не можем прийти к окончательному решению. 1 - русские; 2 - евреи. График А - 13-14 лет; График Б - 17-18 лет.

Весьма интересна, на наш взгляд, динамика изменения оценки школьниками стиля принятия решений в семье в зависимости от уровня образования родителей. Здесь обращают на себя внимания два момента. Первый

связан с тем, что, чем выше уровень образования родителей, тем выше доля школьников, фиксирующих демократический стиль принятия решений - "решение принимается всей семьей с учетом интересов и возможностей каждого". Второй момент касается другой параллельной тенденции: с ростом образования родителей все большее число школьников фиксирует, что "мнения между членами в семье, как правило, не совпадают, и они не могут прийти к окончательному решению". Эти два момента в равной степени характерны как для русских, так и для еврейских школьников. Причем, показательно, что отмеченные тенденции наиболее отчетливо проявляются как у тех, так и у других в зависимости от уровня образования матери. Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно уровень образования матери влияет на оценку подростком сложившегося в семье стиля отношений. Так, например, среди еврейских школьников, чьи матери имеют ученую степень, 27.3% считают, что семья не может прийти к принятию решения. У русских соответственно: 25.0%. Со средним уровнем образования матери подобным образом оценивают отношения в семье у евреев 1.2% подростков, у русских - 9.0%. Иначе говоря, чем выше образовательный статус матери, тем, (с одной стороны) выше демократический стиль отношений в семье, и, в то же время, семья часто не может прийти к удовлетворяющему всех адекватному решению.

Достаточно характерна связь структурированности социально-ролевых позиций в семье (наличие в ней лидера, главы) и стиля принятия решений в семье. Здесь следует выделить по меньшей мере следующие четыре момента. Первый очевиден и тривиален. Он связан с тем, что фиксация подростком в качестве главы семьи отца или матери коррелирует с признанием за ними и соответствующих реальных прав на принятие решений в семье. Так, среди еврейских подростков, указавших, что главой семьи является отец, 23.7% отмечают, что он и принимает окончательные решения. В этом случае считают, что подобную возможность имеет мать лишь 1.7%. Та же тенденция и среди русских школьников, соответственно: 26.1% и 2.8%. Наоборот, в случае, когда главой признается мать, за ней так же чаще признается и право принятия окончательного решения и существенно реже такое право признается за отцом. Повторимся - данная закономерность действительно тривиаль-

на и фиксирует связь статуса главы семьи с признанием за ним права на принятие окончательного решения (примерно в каждой четвертой семье формальное и реальное лидерство совпадают).

Второй момент более интересен. Он связан с ощущением себя подростком как полноправного члена семьи, с мнением которого считаются при принятии семейных решений. Здесь еврейские и русские семьи заметно отличаются. Так, среди русских школьников подобное ощущение практически не зависит от того, является ли главой семьи отец или мать. Среди еврейских школьников различия в данном случае достаточно очевидны. Школьники, указывающие на то, что главой в семье является мать, в два раза чаще отмечают, что они являются полноправными членами семьи, с мнением которых считаются при принятии решений, по сравнению с теми, кто отмечает, что главой в их семье является отец (соответственно, среди первых таких 21.6%, а среди вторых - 10.0%). Таким образом, в еврейских семьях явно прослеживается большая авторитарность по отношению к ребенку, когда главой семьи признается отец. Если же главой является мать, то отношение к ребенку более демократично. Третий момент связан с ситуациями, когда мы имеем дело с трехпоколенными семьями, когда главой семьи признаются представители более старшего поколения - бабушка или дедушка. Здесь интересны два аспекта.

Во-первых, среди русских подростков в этом случае практически нет каких-либо различий, за кем они признают право на принятие окончательного решения - за отцом или за матерью. У еврейских же подростков тенденция весьма отчетлива. Если семья трехпоколенная (считываются главой представители старшего поколения), то, по мнению подростка, окончательное решение принимается матерью (никто из группы школьников, живущих в трехпоколенных семьях, не указал на то, что окончательное решение принимает отец, а на мать указал каждый пятый - 20.0%). Таким образом, можно сделать вывод, что в отличии от русских семей, в трехпоколенных еврейских семьях поддерживается традиция оставлять за матерью право принятия окончательного решения по семейным вопросам. (К сожалению из-за относительно небольшой выборки мы не можем более детально проанализировать данную тенденцию, например, относительно та-

кого параметра: чьими родителями - отца или матери - являются бабушка или дедушка).

Во-вторых, в русских трехпоколенных семьях существует более жесткая авторитарная позиция по отношению к подростку, чем в еврейских. Так, если среди русских школьников, живущих в трехпоколенной семье, считают себя полноправным членом, с мнением которого считаются, 7.1% подростков, то среди евреев таких 20.0%. Итак, если русская трехпоколенная семья более склонна поддерживать авторитарную тенденцию отношений к подростку, то еврейская трехпоколенная семья более ориентирована на демократический стиль отношений к нему.

Четвертый момент связан с наличием у подростка старшего брата или сестры. Здесь, во-первых, у русских и еврейских школьников проявляется одна общая тенденция. Так, если подросток является младшим ребенком в семье, то он гораздо чаще склонен считать, что окончательные решения по семейным вопросам принимает мать, а не отец (в данном случае среди русских подростков считают, что мать принимает окончательные решения 45.5%, отец - 27.3%; среди евреев, соответственно: 66.7% и 0%). Таким образом, младший ребенок - и у русских и у евреев - чаще воспринимает мать как реального лидера, принимающего на себя ответственность за решение семейных вопросов. Возможно - и это, на наш взгляд, достаточно правдоподобно - здесь проявляется особый характер взаимоотношений матери с младшим ребенком (например, его большая опека матерью и т.п.). Во-вторых, - и здесь проявляются заметные различия между русскими и еврейскими подростками - русские подростки, которые имеют старшего брата или сестру заметно реже (по сравнению со своими такими же еврейскими сверстниками) отмечают, что они ощущают себя полноправными членами семьи, с мнением которых считаются. Если среди русских подростков таких 9.1%, то среди евреев каждый третий (33.3%). Таким образом, русский подросток, являющийся вторым или третьим ребенком в семье гораздо чаще, по сравнению с таким же еврейским подростком, склонен отмечать, что он испытывает в семейном кругу режим авторитарных отношений.

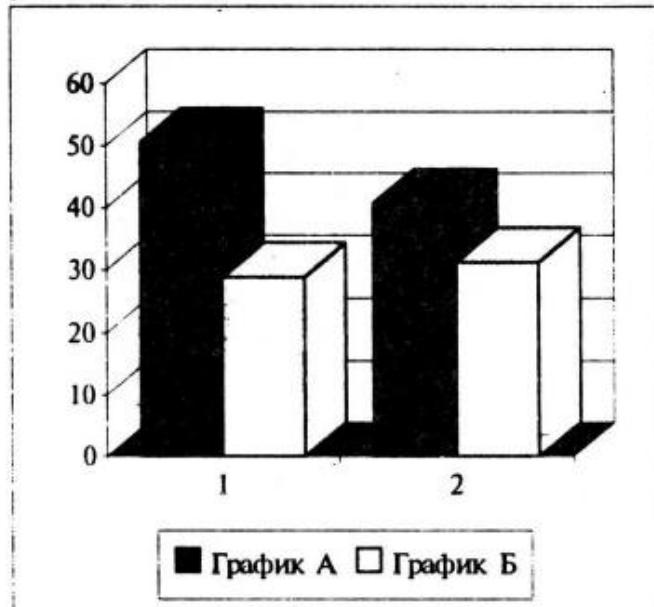
Проведенное сопоставление позволяет нам сделать достаточно принципиальный вывод общего характера. Понятно, что в данном случае мы говорим лишь о тенденции, суть которой состоит в следующем. Чем более

сложна структурно организована русская семья (наличие в ней трех поколений, наличие у подростка старшего брата или сестры), тем больше она склонна поддерживать и реализовывать стиль авторитарного отношения к младшему ребенку в семье. Противоположная тенденция в еврейской семье: чем сложнее ее организация, тем отчетливее проявляется ориентация на поддержание стиля демократических отношений с младшим подростком. Подобное различие в зависимостях между структурной организацией и стилем отношений в русских и еврейских семьях, имеет, на наш взгляд, фундаментальное культурологическое значение. Обсуждать его следует более детально, что выходит за рамки данной статьи.

Наряду с изучением вопросов о структуре семейного лидерства и стилях отношений в семье, мы попытались выяснить характер открытости или замкнутости семьи. С этой целью мы просили старшеклассников оценить, на кого, на чью помощь, по их мнению, может рассчитывать их семья, если "для нее наступят тяжелые времена". Результаты опроса показали, что оценки русских и еврейских подростков здесь практически не отличаются. Так, подростки обеих национальностей считают, что им нечего рассчитывать на государственную поддержку. На помощь государства рассчитывают лишь 1,5% русских и 0,9% евреев. Считают, что они в этом случае могут рассчитывать только на самих себя, 37,2% среди русских и 36,6% среди евреев. Предполагают, что если для семьи наступят тяжелые времена, то она сможет опереться на близких родственников, соответственно 34,7% и 31,9%. Наконец, предполагают, что семья может опереться на помощь близких друзей, среди тех и других 14,8%. Итак, как можно заметить, по мнению школьников, семья может рассчитывать на самих себя либо на помощь родственников. В меньшей степени ожидается поддержка со стороны друзей семьи, и практически никто не рассчитывает на помощь государства.

Таким образом, оценки характера близости связей своей собственной семьи как со своими родственниками, так и с друзьями у еврейских и русских подростков одинаковы. Более детальный анализ не выявил каких-либо различий в оценке связей семьи от уровня благосостояния семьи, ее религиозности и других социальных факторов. Единственная общая тенденция, которая прослеживается как в еврейских, так и в русских семьях связана с тем, что подростки из семей с более

высоким уровнем образования своих родителей реже указывают на то, что семья может рассчитывать на помощь родственников (см. рис.5.3).

Рис. 5.3. Мнение русских и еврейских подростков о том, что семья может рассчитывать на помощь родственников в зависимости от уровня образования родителей. 1 - русские; 2 - евреи. График А - родители без высшего образования; График Б - родители с высшим образованием.

Это дает основания к выводу о том, что чем выше образовательный статус семьи, тем менее прочными становятся ее родственные связи. В определенном смысле это может характеризовать разные стили поддержания семейных связей у семей с разным образовательным статусом. В какой-то степени это может быть объяснено переходом семьи с повышением ее образовательного статуса в иную социальную страту. Однако подобное объяснение применимо лишь для семей, где проявляется социальная мобильность подобного рода. Для случаев, где такой мобильности не наблюдается, необходим поиск более глубинных социокультурных оснований, объясняющих, почему в более высоких образовательных стратах характерна большая отчужденность семьи в поддержании тесных контактов со своими родственниками.

Теперь обратимся к иному аспекту. Особое внимание в ходе исследования было удалено изучению особенностей тех ценностей, которые, по мнению школьников, наиболее значимы для их семьи. Этот момент нам представляется особенно важным, поскольку он

позволяет более содержательно оценить ту специфику, тот содержательный контекст, в котором происходит социализация еврейского и русского подростка. В исследовании мы просили школьников отметить те ценности, которые, по их мнению, наиболее чтят их семья. Ответы русских и еврейских школьников представлены в таблице 5.1.

Как можно заметить, значимость тех или иных ценностей, которым отдается предпочтение в семьях русских и еврейских подростков, в целом практически мало отличается. В этой связи можно думать, что структура ценностных установок, которая определяет содержательное пространство социализации еврейского и русского подростка в кругу семьи в принципе носит сходный характер. Можно лишь отметить, что для русских семей несколько более значимы такие ценности, как счастливая семейная жизнь, достижение материального благополучия, успешная карьера. Для евреев, соответственно: дружба и взаимопомощь, гуманистические ценности духовной культуры, успешная профессиональная деятельность.

Пожалуй, первая мысль, которая возникает при анализе различий в этих тенденциях, - это попытаться выяснить, насколько они специфичны именно как национальные, или они вполне могут быть объяснены таким, например, фактором как уровень образования родителей. Понятно, что в данном случае мы можем говорить лишь о тенденциях. Полученные данные позволяют выделить два показа-

теля, две ценностные установки, которые, действительно, различают семьи, где родители имеют среднее и высшее образование. Это значимость для семьи ценностей гуманистической духовной культуры и ценности счастливой семейной жизни (см.рис.5.4).

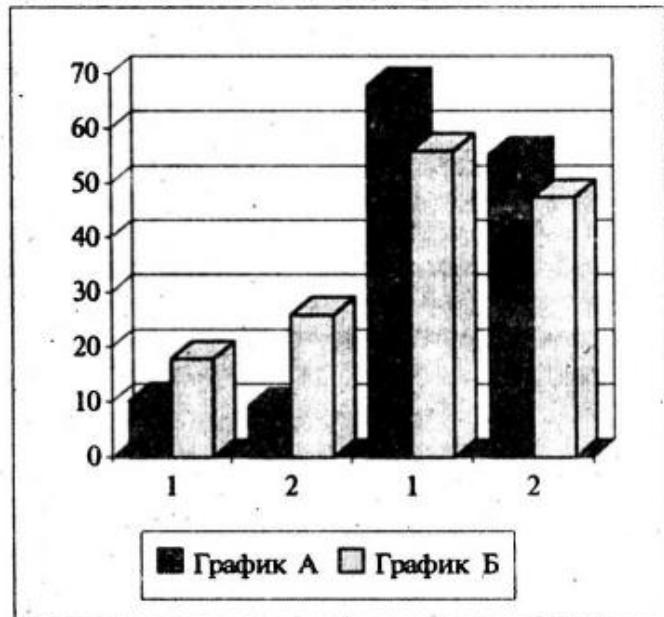

Рис.5.4. Значимость ценностей "гуманистическая духовная культура" (слева) и "счастливая семейная жизнь" (справа). 1 - русские; 2 - евреи. График А - родители со средним образованием; График Б - родители с высшим образованием.

Как видно из рисунка, значимость этих ценностей в семьях с разным уровнем образования родителей сходным образом проявляет-

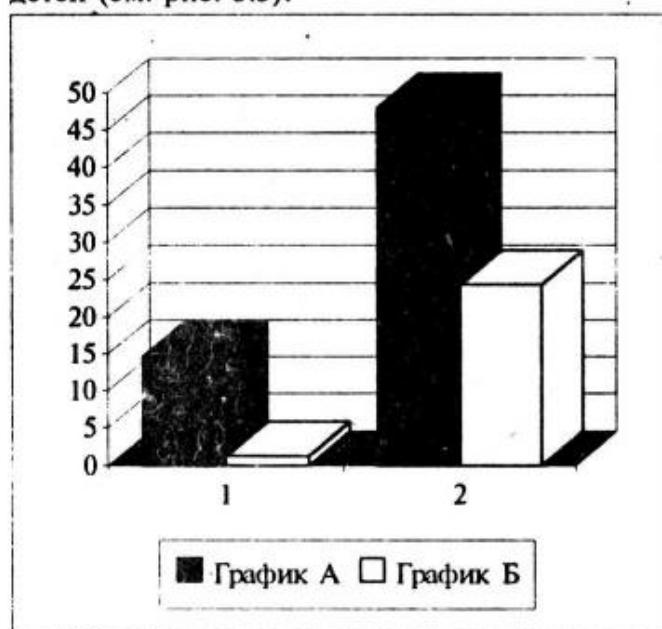
Таблица 5.1

Оценка наиболее значимых семейных ценностей русскими и еврейскими старшеклассниками (%)

наиболее важные семейные ценности	русские	евреи
счастливая семейная жизнь	61.1	47.2
здоровье	46.4	44.0
дружба и взаимопомощь	33.3	42.6
воспитание детей	28.7	30.1
достижение материального благополучия	25.2	18.0
гуманистические ценности духовной культуры	12.7	25.5
успешная карьера	15.4	7.9
успешная профессиональная деятельность	10.2	15.7
познание себя	6.2	4.6
следование национальным традициям	2.7	6.0
отправление религиозных обрядов	0.6	0.5

ся как среди русских, так и у евреев. В семьях с высоким образованием более значима ценность духовной культуры и менее значима ценность счастливой семейной жизни. Относительно же значимости остальных ценностей, приведенных в таблице 5.1, уровень образования родителей оказался нейтральным.

Помимо выяснения вопроса о различиях в значимости тех или иных ценностей в семьях с разным уровнем образования родителей интересно проследить, отличаются ли в этом отношении семьи, в которых дети считают себя религиозными и не считают себя таковыми. Проведенный в этом направлении анализ полученного материала показывает, что между русскими подростками здесь каких-либо значимых различий не обнаружено. Между тем еврейские старшеклассники, считающие себя религиозными, заметно чаще по сравнению с нерелигиозными евреями отмечают, что в их семьях значимы такие ценности как следование национальным традициям и воспитание детей (см. рис. 5.5).

Рис. 5.5. Значимость в семье религиозных и нерелигиозных еврейских подростков ценностей "следование национальным традициям" (1) и "воспитание детей" (2). График А - религиозные; График Б - нерелигиозные.

Таким образом, следование национальной традиции и воспитание детей (как значимые ценности семейной жизни) отличают особенности структуры ценностей семьи религиозного еврейского подростка от нерелигиозного. Причем характерно, что в ряду предложенных ценностей, по оценкам религиозных

еврейских подростков, в их семьях ценность воспитания детей занимает первое место.

Представленные выше различия в значимости тех или иных ценностей у семей с разным уровнем образования родителей и в религиозных и нерелигиозных семьях позволяют выделить два своеобразных вектора, структурирующих семейные ценностные ориентации. Первый - образовательный - поляризует ориентацию на гуманистические ценности духовной культуры и ориентацию на счастливую семейную жизнь. Можно думать, что более низкий уровень образования семьи замыкает ее ценностные ориентации на круг событий внутрисемейной жизни. Второй - религиозный (выявленный нами среди евреев) - ориентирует семейные ценности на следование национальным традициям (своесобразное "размыкание" внутреннего круга) и на ценность воспитания детей. Таким образом, для европейской семьи в России характерны как две тенденции размыкания локального внутрисемейного круга ценностей - светская, обусловленная социально-стратификационным статусом семьи (здесь европейские семьи принципиально не отличаются от русских), и религиозная (приобщение к национальной традиции). Причем характерно, что именно в логике последней весьма и весьма существенно повышается значимость ценности воспитания детей.

В этой связи в ходе нашего социологического исследования мы попытались выяснить представления старшеклассников о том, что, по их мнению, должна воспитывать семья в своих детях. Данные приведены в таблице 5.2.

Как видно из таблицы, различия между русскими и европейскими старшеклассниками достаточно заметны. Так, русские чаще отмечают, что семья должна воспитывать в своих детях любовь и заботу о своих близких; чтить возраст, почитать старшее поколение; стремление достичь материального благополучия. Для европейских школьников более значимы такие воспитательные установки как: формирование нравственных и моральных принципов; стремление повышать свое образование и культурный уровень; стремление развивать свои способности; следование национальным традициям. С нашей точки зрения, эти различия достаточно содержательны. Так, нетрудно видеть, что воспитательные ценности русских подростков, с одной стороны, сориентированы на значимость семейных отношений и

Таблица 5.2

Что семья должна воспитывать в своих детях по мнению русских и еврейских старшеклассников (%).

задачи воспитания	русские	евреи
любить и заботиться о близких	48,7	37,5
нравственные и моральные принципы	35,8	44,9
умение приспосабливаться к любой обстановке	42,2	41,7
стремление повышать образование и культурный уровень	28,9	35,0
волевые качества	35,1	30,1
стремление развивать свои способности	20,8	34,3
чтить возраст, почитать старшее поколение	17,0	9,3
стремление достичь материального благополучия	16,8	10,6
быть патриотом своей страны	6,4	5,6
следовать религиозным правилам, нормам, обычаям	3,5	8,3
следовать национальным традициям	2,3	14,4

возрастную иерархию (своеобразная коммунистическая ориентация - ценность межличностных связей, сохранение возрастной социальной иерархии и т.п.), а, с другой, - на ценность достижения материального благополучия. Для еврейских же подростков более значимы воспитательные принципы, связанные с формированием установок ("стремлений") к самореализации. Другой аспект, их отличающий, связан с большей ориентацией на следование национальным традициям, и, вообще, большая ценность культурных ценностей, чем материальных. Следует заметить, что в какой-то степени эти различия повторяют те же, что мы выделили при сопоставлении московских и амстердамских старшеклассников [В.С.Собкин, П.С.Писарский, 1994].

Вообще здесь следует обратить внимание на саму формулировку данного вопроса. В определенной степени, он является проективным. Действительно, сформулированный в модальности долженствования - "что семья должна воспитывать в своих детях", - он позволяет выявить ожидания подростков относительно направленности воспитательных действий со стороны их собственных родителей. В этой связи проведем более подробный анализ полученного материала.

Первое, что представляет, с нашей точки зрения, безусловный интерес, - это попытаться выявить половые различия. Как среди русских, так и среди еврейских старшеклассников прослеживается одна общая тенденция: юноши заметно чаще, чем девушки считают,

что семья должна воспитывать в своих детях волевые качества (см. рис. 5.6).

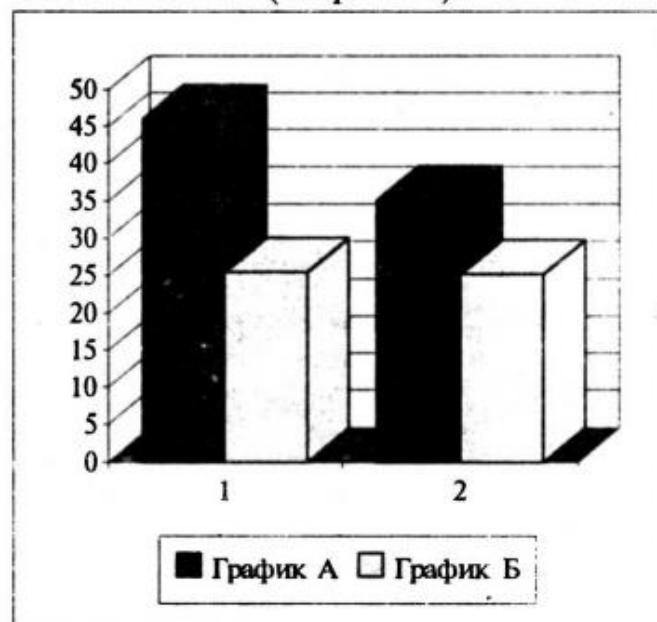

Рис.5.6. Мнения русских и еврейских юношей и девушек о том, что семья должна воспитывать в своих детях волевые качества. 1 - русские, 2 - евреи. График А - юноши, График Б - девушки.

Как мы видим, этот аспект отчетливо проявляет мускулиные и феминные установки респондентов обеих национальностей. Характерно, что доля девушек, придерживающихся данной точки зрения одинакова среди русских и евреек. Можно также отметить, что подобные требования (ожидания) к семейному воспитанию ребенка русские подростки

высказывают заметно чаще. В дополнение к этому следует сказать, что и русские и еврейские школьницы чаще, чем мальчики, отмечают, что семья должна воспитывать в своих детях нравственные и моральные принципы, умение приспособливаться к любой обстановке. Однако, здесь различия не столь заметны и можно говорить лишь о тенденции.

Если же говорить о специфических тенденциях, которые отличают русских и еврейских юношей и девушек, то здесь можно выделить несколько моментов. Так, русские школьницы заметно чаще, чем русские подростки и юноши, отмечают, что семья должна воспитывать в своих детях любовь и заботу о близких - 61.5% (среди юношей в два раза меньше - 35.5%) и уважение к возрасту, старшему поколению - 21.9% (у юношей - 11.4%). Таким образом, русские девушки оказываются более ориентированными на ценности семейных межличностных отношений и на поддержание возрастной иерархии. Показательно, что эти моменты никак не дифференцируют еврейских школьниц и школьников. Для них дифференцирующим выступает такой аспект как следование национальным традициям. В этом отношении еврейские девушки чаще, чем юноши, считают, что семья должна воспитывать в своих детях потребность следования национальным традициям - 16.5% (у еврейских юношей - 10.8%). Заметим, кстати, что данное отличие хорошо согласуется с отмеченным нами выше фактом - для еврейских женщин вообще более характерна устойчивость к сохранению национальных традиций. Так, напомним, что, как показал анализ, повышение уровня образования матери не оказывает особого влияния на отказ семьи от поддержания национальных традиций. В этой связи можно думать, что еврейские девочки более склонны воспроизводить стиль поведения своих матерей по сохранению национальных традиций. Это наталкивает на мысль о специфике половой идентификации еврейских девочек с матерью, существенным моментом которой является ориентация на реализацию стиля традиционного женского поведения в еврейской семье.

Наконец, следует отметить противоположную тенденцию в ориентациях русских и еврейских юношей и девушек относительно такого аспекта воспитания как воспитание стремления у детей повышать образовательный и профессиональный уровень. Если среди русских школьников на этот аспект чаще ори-

ентированы девушки (32.7%, у юношей - 21.1%), то среди евреев, наоборот, считают его более важным юноши (28.8%, у девушек - 21.4%). В этом отношении можно, по-видимому, говорить об определенном традиционализме мужских и женских поведенческих установок среди евреев.

Особый интерес представляет анализ возрастных изменений. В определенном смысле он позволяет судить об изменении семейных воспитательных ценностных установок при переходе от подросткового к юношескому возрасту. Здесь можно отметить по меньшей мере две характерные, отчетливо выраженные тенденции. Первая связана с возрастной динамикой значимости таких двух показателей как воспитание нравственных и моральных принципов и воспитание умения приспособливаться к любой обстановке (см.рис.5.7).

Представленные на рисунке тенденции интересно обсудить в нескольких аспектах. Во-первых, можно отметить, что с возрастом как у русских, так и у еврейских школьников увеличивается значимость такого аспекта как воспитание нравственных и моральных принципов. Это позволяет сделать вывод о том, что морально-нравственная сфера становится с возрастом все более и более значимой для старшеклассников обеих национальностей. Во-вторых, возрастная динамика значимости такого аспекта как умение приспособливаться к любой обстановке заметно отличает русских и евреев. Если среди русских школьников относительно значимости этого аспекта с возрастом практически не наблюдается какой-либо заметной динамики мнений, то для евреев характерно резкое снижение его значимости. В-третьих, следует обратить внимание на сам характер динамических изменений. Так, если у русских школьников значимость формирования морально-нравственных принципов последовательно увеличивается от возраста к возрасту, то среди еврейских школьников наблюдается весьма резкое повышение значимости этого аспекта на рубеже 14-15 лет. Обратим внимание, что параллельно с этим именно на данном возрастном рубеже 14-15 лет у еврейских школьников резко падает значение по сути дела противоположного воспитательного принципа - умение приспособливаться к любой обстановке. Таким образом, анализ характера изменений динамических тенденций в возрастном аспекте позволяет нам прийти к заключению о том, что на рубеже

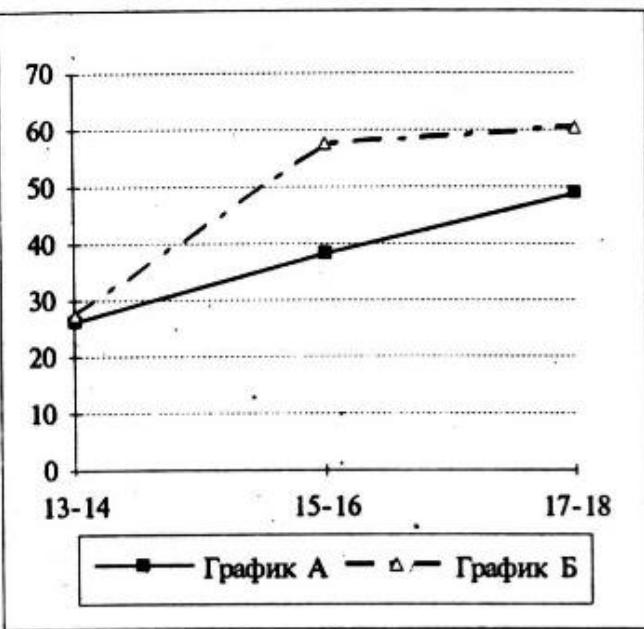

Рис.5.7. Возрастная динамика изменения значимости для школьников воспитательных установок, направленных на формирование "нравственных и моральных принципов" (слева) и формирование "умения приспосабливаться к любой обстановке" (справа). График А - русские, График Б - евреи.

же 14-15 лет у еврейских подростков происходит принципиальное изменение в оценке значимости морально-нравственных аспектов. Для них актуальной становится оппозиция: ориентация на морально-нравственные принципы - приспособления к ситуации. Можно посмотреть на эти данные и под иным углом зрения. Если, как мы отмечали выше, сам вопрос носит проективный характер, то можно думать, что на данном возрастном этапе, действительно, весьма заметно меняется и содержательный характер воспитательных воздействий со стороны самой европейской семьи по отношению к ребенку: акцентируется особое внимание на морально-нравственных принципах.

В этой связи можно отметить следующие особенности, которые характерны для русских школьников (хотя статистически они недостаточно явно выражены): на данном возрастном этапе 14-15 лет у них намечается увеличение значимости таких аспектов как любовь и забота о близких и стремление к повышению образовательного и культурного уровня. Отсюда можно предположить, сопоставляя данные полученные на еврейских и русских школьниках, что здесь мы фиксируем разные национально-культурные традиции ценностных изменений в процессе семейного воспитания.

Вторая характерная тенденция, связана с возрастным изменением значимости такого

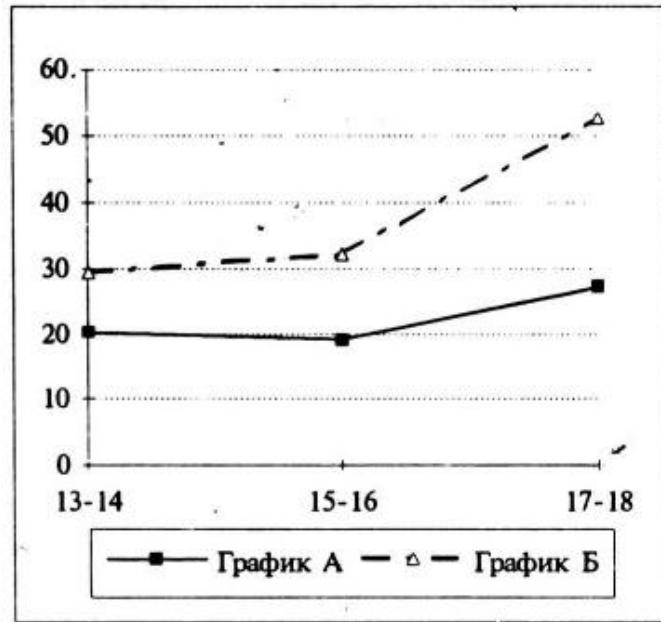
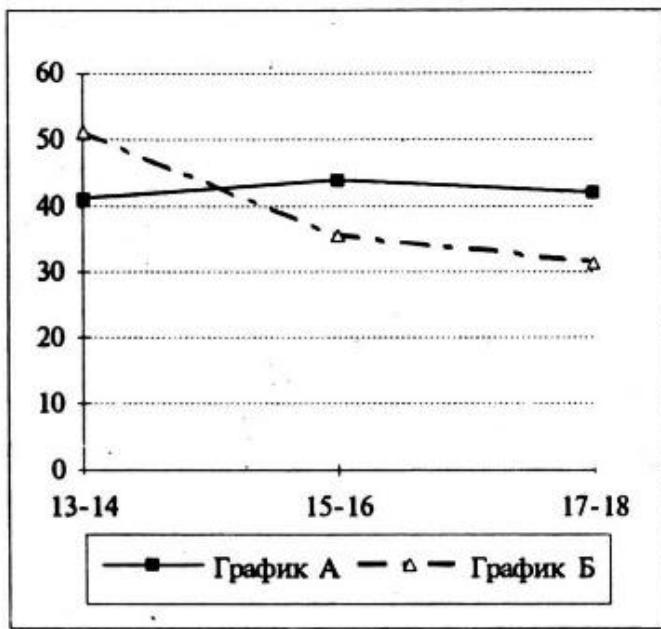

Рис.5.8. Возрастная динамика значимости для русских (график А) и еврейских (График Б) школьников аспекта: "стремление к развитию своих способностей".

аспекта как стремление к развитию своих способностей (см.рис.5.8).

Как видно из рисунка, для школьников обеих национальностей значимость воспитания стремления к развитию своих способностей заметно увеличивается на возрастном рубеже 16-17 лет. Причем особенно резко это проявляется у еврейских школьников. Таким образом, мы можем сделать определенный вывод о возрастной траектории в смене значимости ценностных ориентаций школьни-

ков: на рубеже 14-15 лет - значимость моральных принципов; на рубеже 16-17 лет - значимость развития своих способностей. Можно заключить, что в этом проявляется смена ценностно-смыслового контекста при переходе от подросткового возраста к юношескому у еврейского подростка, смена основных модальностей его переживаний и отношений с социальной средой. Вполне правомерно и обратное утверждение: это и смена воспитательных ценностных ориентиров по отношению к формирующемуся в еврейской семье подростку и юноше.

Понятно, что рассмотренные выше два фактора - пол и возраст - не исчерпывают всех возможных переменных, которые могут играть весьма существенную роль при определении школьниками тех аспектов, которые семья должна воспитывать в своих детях. Вполне правомерно предположить, что заметную роль здесь будут играть социально-стратификационные факторы. В этой связи мы имеем возможность сравнить особенности ориентаций подростков из семей с разным уровнем образования родителей. Анализ показывает, что повышение уровня образования родителей проявляется одинаковым образом как среди русских, так и среди еврейских подростков. При этом два аспекта дифференцируют ценностные установки школьников из семей с разным образовательным статусом родителей. Это: воспитание нравственных и моральных

принципов; умение приспосабливаться к любой обстановке. Характерно, что дети из семей с более высоким образованием родителей чаще отмечают и значимость при формировании ребенка морально-нравственных принципов и воспитание у него умений приспосабливаться к любой ситуации (см. рис. 5.9).

В принципе эти тенденции можно рассматривать как противоположные, если рассматривать умение приспосабливаться к любой ситуации как беспринципность. Именно подобной интерпритации мы и придерживались, когда рассматривали возрастную динамику. Тогда мы отмечали, что с возрастом увеличивается значимость формирования морально-нравственных принципов и падает значимость умения приспосабливаться к любой ситуации. Однако, в данном случае мы сталкиваемся с иной тенденцией. У детей с высоким уровнем образования родителей растет значимость этих двух аспектов. Это позволяет иным образом проинтерпретировать возникающую перед подростком жизненную коллизию. Так, можно предположить, что школьники из более образованных социальных страт более остро переживают саму проблему нравственного выбора, противоречие морали и нравственности, безусловных норм и проблему их реализации в конкретной ситуации социального взаимодействия. Вопрос о том, как действовать в различных социальных ситуаци-

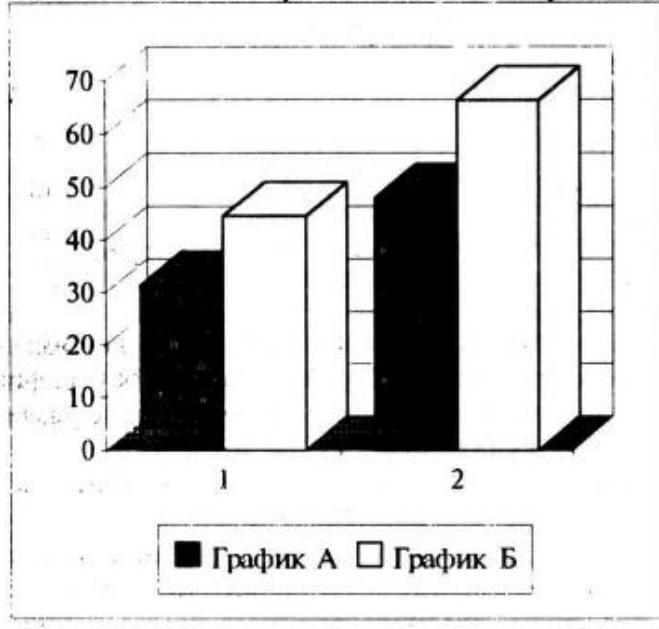
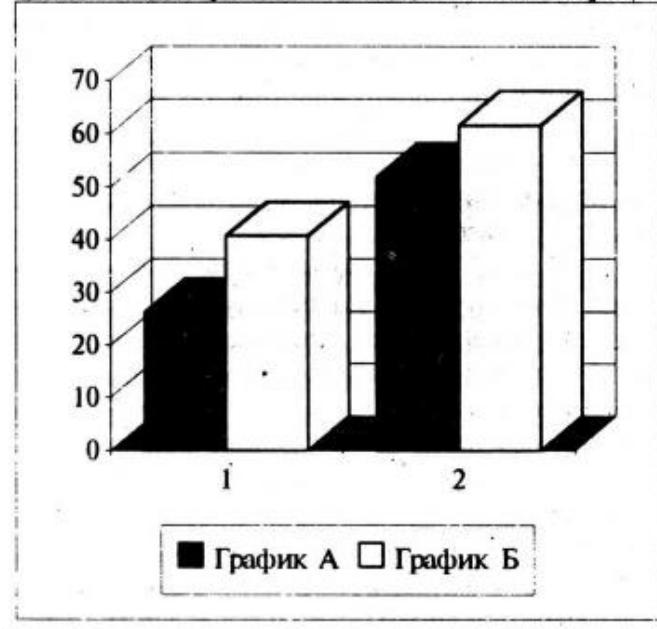

Рис.5.9. Значимость формирования у ребенка "морально нравственных принципов" (слева) и "умения приспосабливаться к любой обстановке" (справа) по мнению школьников с разным уровнем образования родителей. 1 - русские; 2 - евреи. График А - со средним образованием родителей, График Б - с высшим образованием родителей.

ях, сохраняя при этом верность принципам, чаще выступает для детей из более образованных страт как реальная жизненная проблема. Представляется, что подобная интерпретация полученных данных достаточно правдоподобна.

Наконец, особый интерес представляет анализ мнений религиозных и нерелигиозных подростков о том, какие качества семья должна воспитывать в своих детях. В этой связи можно думать, что содержательный контекст общения со взрослыми, воспитательная направленность семейного окружения существенно отличаются у религиозных и нерелигиозных школьников. Как показывают полученные материалы, это действительно так. Причем здесь обнаружаются весьма характерные различия между религиозными русскими и религиозными еврейскими школьниками. Так, в отличии от нерелигиозных русских школьники, считающие себя верующими, практически в два раза чаще отмечают, что семья должна воспитывать в своих детях такие качества как любовь и заботу о своих близких (среди верующих русских таких 52.8%, а среди неверующих русских 34.5%); почтение к возрасту и старшему поколению (соответственно: 22.7% и 11.3%).

Дифференциация же относительно значимых установок семейного воспитания ребенка между религиозными и нерелигиозными еврейскими школьниками идет совершенно по иной линии. Религиозные еврейские школьники в отличии от нерелигиозных евреев считают, что семья должна воспитывать в своих детях следование национальным традициям (среди религиозных евреев так считает каждый четвертый 25.0%, среди нерелигиозных еврейских школьников - 6.4%); следование религиозным правилам, нормам, обычаям (соответственно: 22.9% и 0.0%).

В данной статье мы не имеем возможности подробно обсуждать различие во взглядах на цели воспитания ребенка в семье среди верующих русских и верующих еврейских подростков. И все же можно думать, что даже на уровне массового социологического исследования мы затрагиваем - естественно лишь в первом приближении - достаточно глубинные различия в установках, направленных на воспитание ребенка в православии и иудаизме. Действительно, проблема любви к ближнему в православии является центральной, на ней базируются и постулаты триединства, и движечество, и христианская свобода

(П.Флоренский, С.Булгаков. Н.Бердяев и др.). Более того, важно отметить, что данный вопрос в нашем исследовании не формулируется в каких-либо специальных религиозных терминах. И именно поэтому, как нам кажется, принципиально важно, что из предложенных вариантов ответов, сформулированных в языке обыденного массового сознания, религиозные русские школьники выделяют именно те воспитательные установки, которые наиболее близки к основам православия и могут быть реинтерпретированы как действительно установки православного воспитания.

Не менее характерна в этом отношении и позиция еврейских школьников. Здесь явно проявляется установка на следование традициям и соблюдение обрядов. Заметим, что это одна из фундаментальных основ еврейского воспитания - шомер мицвот (соблюдающий заповеди данные человеку Богом). Источник этих заповедей - воля Всевышнего. При этом важно выделить два принципиальных аспекта, во-многом проясняющих значение принципа соблюдения заповедей в системе традиционного еврейского воспитания. Первое - безусловное их соблюдение. При этом не играет решающей роли глубина постижения смысла заповедей: их надлежит соблюдать не потому, что они хороши, разумны или полезны, а в силу доверия ко Всевышнему, заповедавшему человеку исполнять свою волю. Второе связано с тем, что соблюдение заповедей и традиций создает условия для "еврейского переживания" (хавайя). "В образовании и воспитании ребенка это очень существенный момент. С самого раннего возраста надо дарить детям глубокие переживания, незабываемые впечатления, переживания, надо доставлять им радость от этих переживаний. Ребенок начинает их любить. Например, радость от Субботы, когда все собираются вместе." [1,31]. Таким образом, соблюдение заповедей имеет фундаментальное значение для сохранение еврейской культуры, еврейской духовности. Повторимся, с одной стороны - это безусловный императив, с другой - это основа формирования эмоциональной сферы, способ вхождения ("вживания") в национальную культуру.

Помимо отмеченных выше вопросов, касающихся семьи, мы выясняли мнения подростков об их собственном будущем браке. Отметим, что в одном из наших исследований [В.С.Собкин, 1990] мы уже касались этого аспекта. В частности, мы выясняли мнения школьников относительно успешности своей

будущей семейной жизни, их готовность ко вступлению в брак в ближайшем будущем и целый ряд других аспектов. Пожалуй, одним из наиболее существенных результатов того исследования выступила зафиксированная нами тенденция падения уверенности в успешности своего брака по мере увеличения возраста школьников. Продолжая это исследование, в ходе настоящего опроса мы задавали школьникам ряд вопросов, которые касались: их намерений вступить в брак в ближайшее время; их мнений об идеальных супружеских отношениях; значимости для них тех или иных качеств в будущем супруге.

Сразу отметим, что еврейские и русские подростки в своем отношении к браку практически не отличаются. Это касается как оценки собственных семейных перспектив, так и идеальных супружеских отношений.

В целом школьники относятся к браку позитивно. Лишь 3.3% русских и 1.4% евреев относятся к нему явно отрицательно. Однакова и доля сторонников свободных отношений - 10.4% среди русских и 10.6% среди евреев. Оценивая свое ближайшее будущее, хотят вступить в брак как можно скорее 5.8% русских и 7.4% евреев. Не хотят же пока думать о своем браке, соответственно, 27.9% и 22.7%. Вообще же каждый пятый (21.2%) русский и каждый четвертый (26.4%) еврейский школьник считает для себя вступление в брак очень серьезным жизненным шагом и думает, что он "будет долго и тщательно выбирать себе подругу (друга) жизни".

Характерно, что основой вступления в брак для большинства школьников является любовь. Так, отмечают, что "смогут вступить в брак только по любви" 43.0% русских и 41.2% евреев. Точка зрения о том, что в основе брака "должен в первую очередь лежать материаль-

ный расчет" крайне непопулярна. Ее разделяет всего 4.6% русских и 4.2% евреев.

Как мы уже отметили, сходны представления старшеклассников обеих национальностей и о том, какими должны быть идеальные отношения между супругами (см.табл.5.3).

Из таблицы видно, что наиболее значимым моментом является наличие теплых и дружеских взаимоотношений между супругами, взаимопомощь и поддержка. На втором месте по значимости находится сексуальная гармония. Среди русских школьников более популярно традиционное представление о распределении ролевых отношений в семье: мужчина - кормилец, жена - домохозяйка. Среди евреев, напротив, несколько больше тех, кто считает, что оба супруга должны работать и разделять совместную ответственность за ведение домашних дел. Наконец, около трети школьников обеих национальностей подчеркивает важность общности интересов и увлечений у супругов.

Итак, представления об идеальных супружеских отношениях у русских и еврейских школьников практически одинаковы. Основу их составляет духовная близость, теплота, взаимопонимание и поддержка. Более детальный анализ особенностей виденья идеальных супружеских отношений показывает, что девушки по сравнению с юношами чаще придают большую значимость такому аспекту, как теплые и дружеские отношения, взаимопомощь и поддержка. Это касается как русских, так и евреев. Среди русских девушек этот аспект отмечает 74.1%, среди юношей - 60.2%. Соответственно, среди евреев: 78.6% и 65.8%. Еврейские юноши также чаще склонны, чем девушки, придерживаться традиционалистского взгляда на распределение социально-ролевых позиций.

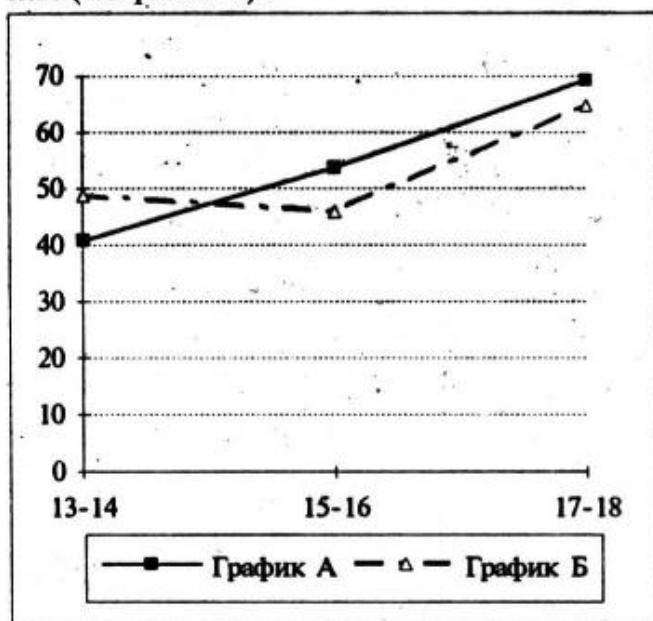
Таблица 5.3.

Оценка значимости различных аспектов отношений между супругами в идеальном браке (%)

характеристики отношений в браке	русские	евреи
теплые и дружеские отношения	67,1	71,8
взаимопомощь и поддержка	49,7	49,5
сексуальная гармония	46,2	36,1
мужчина-кормилец, жена-домохозяйка	27,0	28,7
общность интересов и увлечений	23,5	28,2
оба супруга работают и разделяют ответственность за ведение домашних дел	2,3	1,9
общность профессии	15,5	15,3
затрудняюсь ответить		

ций между супружами: мужчина обеспечивает семью, а женщина занимается домашним хозяйством (среди юношей так считает 41.4%, среди девушек - 31.3%).

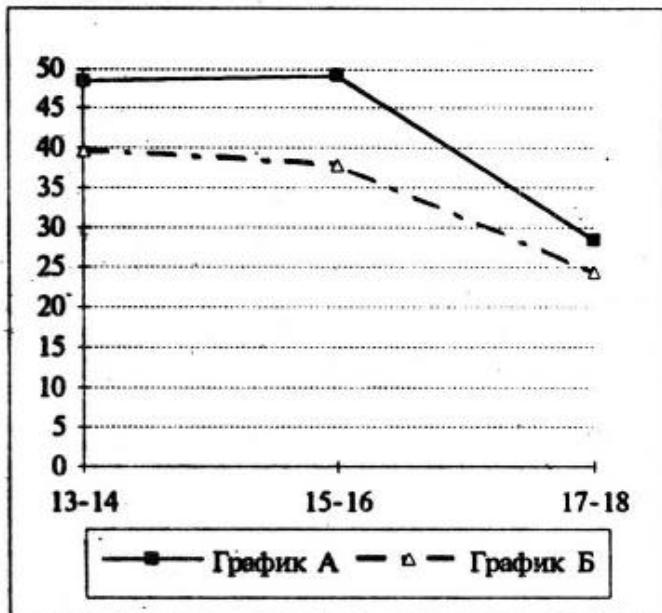
Достаточно интересна и возрастная динамика изменения взглядов на значимость тех или иных особенностей взаимоотношений между супружами. Так, с возрастом среди европейских школьников последовательно увеличивается значимость такого аспекта отношений между супружами как теплые и дружеские отношения, взаимопомощь и поддержка. Среди 13-14 летних его отмечает 63.6%, среди 15-16 летних - 73.5%, среди 17-18 летних - 83.8%. Подобной последовательной четко выраженной динамики среди русских школьников не наблюдается (соответственно: 64.5%, 70.2%, 67.0%). С возрастом у школьников обеих национальностей увеличивается значимость и такого эпекта как сексуальная гармония (см. рис.5.10).

Рис.5.10. Возрастная динамика изменения значимости "сексуальной гармонии" во взаимоотношениях между супружами. График А - русские, График Б - евреи.

Наконец, с возрастом школьников падает значимость для них традиционалистской модели распределения супружеских отношений: мужчина - обеспечивает семью, женщина - занимается домашним хозяйством (см. рис. 5.11).

Как видно из рисунка, и у русских, и у евреев отказ значительной части школьников от ориентации на традиционалистскую модель супружеских отношений происходит на рубе-

Рис.5.11. Возрастная динамика изменения значимости традиционалистской модели распределения функций между супружами. График А - русские, График Б - евреи.

же 17-18 лет. Поэтому можно думать, что именно на данном возрастном этапе вообще существенно меняются взгляды школьников относительно стиля идеальных супружеских отношений, которые они хотели бы реализовать в собственной семье.

Помимо вопроса о стиле супружеских отношений в ходе опроса мы выясняли мнение школьников относительно значимости тех качеств, которыми должен обладать человек, с которым они предполагают вступить в брак. Оценка значимости качеств, которыми должен обладать будущий супруг, с точки зрения старшеклассников еврейской и русской национальностей, представлена в таблице 5.4.

Если в целом общие установки относительно брака и оценки супружеских отношений у европейских и русских школьников совпадают, то при оценке значимости ими тех или иных качеств будущего супруга различия проявляются весьма отчетливо. Для русских школьников более важными являются: внешняя привлекательность, хорошие перспективы в будущем, уровень материального благосостояния. Для евреев: уровень культуры и образования, общая национальная принадлежность, общая религиозная принадлежность. Последние два аспекта принципиальны. Так, мы видим, что проблема национальной общности с будущим супругом весьма актуальна для каждого четвертого-пятого еврейского школьника. Здесь мы можем сделать вывод об

Таблица 5.4
Оценка наиболее важных качеств будущего мужа (жены) в %%

качества будущего избранника	русские	евреи
любовь ко мне	75,5	69,9
внешняя привлекательность	61,5	49,5
высокий уровень культуры, образования	34,5	41,7
высокие моральные принципы	16,2	19,4
общие интересы и увлечения	22,2	14,4
общая национальная принадлежность	5,6	26,9
общая религиозная принадлежность	1,9	17,1
хорошие перспективы в будущем	16,6	6,9
высокий уровень своего материального благосостояния	13,1	5,6
высокий уровень материального благосостояния своей семьи	4,8	2,3
высокий социальный статус	3,1	1,4

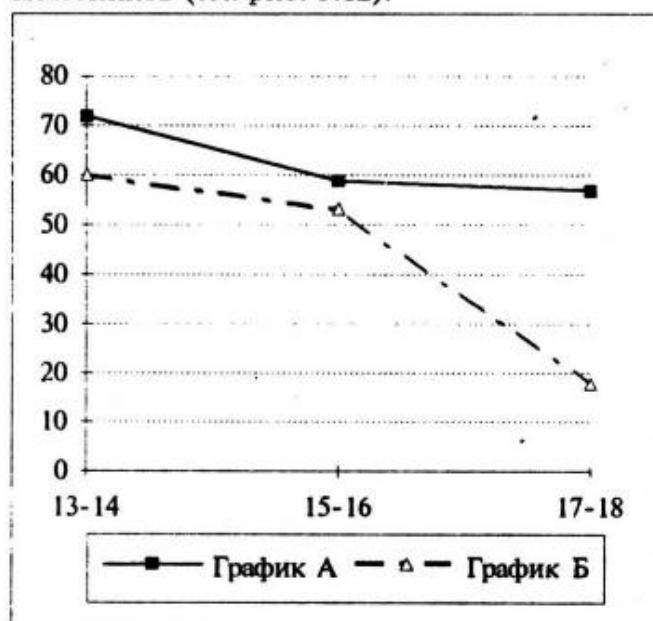
актуализации национально-культурной границы при построении супружеских планов у еврейских школьников. В этом отношении характерно, что при определении значимых качеств близкого друга его религиозная и национальная принадлежность не играют столь существенной роли. Так, религиозная принадлежность друга значима лишь для 7.4%, национальная для 9.3% еврейских школьников (у русских соответственно: 4.8% и 3.5%). Таким образом, национальная граница является весьма значимой для евреев при определении вопросов о браке, но не играет столь заметной роли при определении круга близких друзей.

Характерно, что значимость общей с супругом национальной принадлежности с возрастом у еврейских подростков заметно возрастает: если только 19% 13-14-летних еврейских детей считают общую национальность существенной при выборе будущего супруга, то в 15-16 лет таких уже 27%, а в 17-18 лет - 38%.

Можно отметить, что такие качества как перспективы в будущем, высокий социальный статус, высокий уровень материального благосостояния супруга имеют большее значение для девочек. Особенно заметно это проявляется среди русских школьниц. Так, хорошие перспективы в будущем у супруга значимы для 21% (у юношей - 7%), уровень материального благосостояния для 17% (у юношей - 6%). Среди евреев, соответственно: 11% и 3%; 10% и 2%.

Представляется интересным проследить зависимость оценки еще одного качества "иде-

ального" супруга от возраста и пола наших респондентов - его "внешней привлекательности". Так, с возрастом внешняя привлекательность супруга имеет все меньшее значение как для русских, так и для еврейских старшеклассников (см. рис. 5.12).

Рис.5.12. Возрастная динамика оценки значимости школьниками "внешней привлекательности" будущего супруга. График А - русские, График Б - евреи.

Как для русских, так и для еврейских юношей внешняя привлекательность супруги более значима, чем для девушек. Среди русских юношей это качество отмечают 69.0% (у девушек - 50.2%); среди евреев - 65.1% (у девушек - 33.3%).

Таким образом, в целом оценка значимости тех или иных качеств в будущем супруге имеет сходную возрастную динамику у еврейских и русских школьников. Сходны оценки и у юношей и девушек обеих национальностей. Единственное существенное отличие, которое обнаруживается между еврейскими и русскими школьниками, связано с разным отношением к национальной принадлежности будущего супруга или супруги.

Заключение

Завершая статью, позволю себе высказать ряд общих соображений с тем, чтобы расставить определенные акценты относительно изложенного в ней эмпирического материала. В предварительной части я уже писал, что сама по себе тема - так называемый "еврейский вопрос" - неоднократно обсуждалась представителями российской интеллигенции. Однако для того чтобы сегодня продолжить эту тему в общем культурологическом плане, явно не хватает конкретных данных самого разнообразного характера: демографических, социологических, психологических и др. Именно желанием ввести в научный оборот новые факты и обусловлено появление настоящего исследования.

В то же время, говоря о необходимости проведения конкретных эмпирических исследований, нельзя не согласиться с мнением о.С.Булгакова. Так, в своих "Размышлениях о национальности" он писал: "Как ни важно научное изучение разных проявлений национальности, однако в нем не ставится и не вмещается общая метафизическая проблема нации, т.е. вопрос о ее природе, ценности, идее. Как и в других случаях, наука лишь подводит к этим вопросам, дает свой материал для их постановки, но на этом и останавливается, если только она критична, т.е. находится в сознании своей действительной компетенции" [3,173-174]. Это действительно так. И именно в этом плане, "находясь в пределах своей действительной компетенции", имеет смысл еще раз взглянуть на представленный материал. При этом, завершая работу, важно акцентировать внимание не столько на фактическом материале (он достаточно подробно изложен в основной части статьи), сколько на тех принципиальных моментах, которые проясняют нашу общую исследовательскую установку. Подчеркнем, что основным при этом выступает *возрастной ракурс*

рассмотрения проблематики, связанной с национальным вопросом.

В этой связи, на наш взгляд, уместна следующая аналогия. В свое время В.В.Давыдов, проясняя значение генетико-формирующего эксперимента для общей психологии, отмечал, что проекция деятельности в плоскость ее усвоения позволяет более рельефно выявить ее состав, структуру и механизмы. В данном случае, можно думать, что проекция проблематики "еврейского вопроса" именно в плоскость социализации, формирования национальной идентичности позволяет более рельефно выявить те структурные и содержательные особенности ценностных ориентаций, которые характеризуют специфику национального сознания. Более того, основная идея, которой мы руководствовались, заключалась как раз в попытке показать на конкретном фактическом материале своеобразие национальных траекторий социализации еврейского и русского подростка в реалиях современной России.

На этом моменте следует остановиться несколько подробнее. Так, говоря о траекториях социализации, представляется важным обратить внимание на то различие между *уровнем* и *типов* развития, которое делал в своих исследованиях Л.С.Выготский. Оно весьма существенно, поскольку дает, как мне кажется, основание для перехода от собственно психологических исследований при построении возрастной периодизации развития к социально-психологическим. Так, можно отметить не только то, что тип развития вводится Л.С.Выготским как понятие, позволяющее отслеживать социальное развитие в пространстве традиционных социологических координат (например, "сельский и городской школьник", "буржуазный и пролетарский" подросток), но и проясняет ту общую исследовательскую установку, которая ориентировала Л.С.Выготского на поиск таких социальных условий и ситуаций, где возможно проявление особых сценариев развития. В этом отношении, весьма показательны его дефектологические исследования ("слепой ребенок", "глухой ребенок", "moral insanity" и др.), где, с одной стороны, органические нарушения, а с другой - сама социальная ситуация развития позволяет выявить особый *план* культурного развития. "Постановка проблемы культурного развития дефективного ребенка как особого плана развития, подчиненного особым закономерностям, обладающего особыми труднос-

тями и особыми средствами их преодоления, составляет серьезное завоевание современной дефектологии" [7,24]. Здесь для меня важно подчеркнуть именно сам исследовательский ход, который направлен на поиск в социальной действительности таких особых предельных ситуаций, где закономерности развития проявляются особенно отчетливо.

Конечно, можно возразить, что исследования, проводимые самим Л.С.Выготским в области дефектологии, весьма и весьма отдаленная аналогия для представленного нами конкретного исследования, связанного со спецификой межнациональных различий. В качестве наиболее существенного возражения я здесь предвижу следующее. Основная установка Л.С.Выготского заключалась в том, что, обращаясь к особым типам развития в своих дефектологических исследованиях (да и не только в них, а практически во всех работах, связанных с проблематикой развития), он выделял в качестве центральной проблемы культурного развития проблему своеобразия освоения и употребления культурных орудий. И именно в этом ключе его интересовали аномалии развития, на основе которых он прослеживал закономерности связей дефекта и компенсации. Характер же представленного исследования ориентирован на анализ ценностных установок и лежит, в принципе, в иной логике представлений о культурном развитии и типах культурного развития: вопрос об освоении культурных орудий, знаковых средств здесь нами просто не затрагивается.

Да, отчасти подобное замечание справедливо. Но только отчасти. Так, если обратиться к работе "Педология подростка", то можно отметить, что линия развития интересов выделялась Л.С.Выготским как совершенно особая линия развития, не совпадающая с линией развития освоения культурных орудий: "если не отличать в психическом развитии подростка процесс формирования навыков от процесса развертывания интересов, мы никак не сумеем объяснить факт, центральный для всего этого возраста, что навыки не меняются очень существенным образом в продолжении 1-2 лет" [5,19]. Кстати, с определенными оговорками, можно считать, что именно эта мысль явилась центральной для периодизации психического развития Д.Б.Эльконина, где этапы развития чередуются как этапы развития мотивационно-потребностной сферы и этапы освоения культурных средств. Однако целостная логика развития, объединяющая

эти две линии (освоение орудий (средств) и изменение мотивационно-потребностной сферы) через введение понятия ведущей деятельности, не снимает самостоятельности каждой линии. Таким образом, если мы выделяем именно ценностно-смысловую линию (линию интересов, мотивационно-потребностную) как предмет особого исследования, то нам просто необходим поиск таких предельных социальных ситуаций - сценариев социального развития, где с особой рельефностью могут быть выявлены ценностно-смысловые сдвиги и различия. И, именно в этом контексте, подчеркнем, особое значение приобретают межэтнические сопоставления различий в ценностных ориентациях.

При этом, с одной стороны, здесь следует иметь ввиду, общее положение о том, что потребностно-мотивационная сфера определяется особой спецификой социальных отношений. Традиционно этот аспект и является центральным при изучении изменения интересов или мотивационно-потребностной сферы в переходном возрасте: "с появлением интереса изменяется и весь характер отношений к среде" [5,23]. Однако с другой, нельзя упускать из виду, что "в основе культурного развития лежит конгруэнтность той или иной культурной формы и психологической структуры личности ребенка: духовная структура культурной формы полностью или частично должна быть адекватна духовной структуре индивидуальности" [5,28]. В этой связи, можно думать, что именно через национальную специфику для социологических и социально-психологических исследований открывается один из путей к изучению проекций "духовных структур различных культурных форм" на структуру личности.

И здесь, если говорить о реалиях современной социокультурной ситуации, следует еще раз подчеркнуть, что особенности социализации еврейского подростка происходят в содержательном контексте русской культуры. В этой связи, прорисовывается совершенно особая проблематика, связанная с изучением специфики и механизмов освоения этого содержательного пространства культуры. Так, например, возникает вопрос о том, как влияет (и влияет ли вообще) принадлежность к определенной национальной группе на ценностно-смысловое самоопределение подростка. В данном случае, можно думать, что традиционно обсуждаемый при изучении подросткового возраста круг вопросов, связанных с пубертат-

ным периодом или социальным самоопределением подростка, совершенно специфическим образом преломляется через проблематику становления национальной идентичности. Иными словами, осознание себя как принадлежащего к определенной национальности связано с особым "самоопределением себя в системе общественных отношений". Оставлять же в стороне этот аспект, касающийся не только своеобразия формирующейся особой ценностно-нормативной структуры, но и особого типа "переживаний отношений с социальной средой", в силу сложившейся идеологической традиции, табурирующей изучение подобных вопросов, сегодня представляется малооправданным. Более того, и это особый круг вопросов, который лежит непосредственно в плоскости социологических и культурологических исследований, возникает необходимость изучения роли и влияния различных социальных институтов (и в первую очередь, по-видимому, семьи) на формирование национальной идентичности. Здесь же подчеркну, что само по себе рассмотрение национальной специфики социализации еврейского подростка невозможно вне соотнесения особенностей становления его ценностных ориентаций с особенностями становления системы ценностей русского подростка. Именно на "этом "стыке", на этой "границе" возможно содержательное осмысление полученного материала. Причем подобное сопоставление позволяет лучше понять специфику социального развития как еврейского, так и русского подростка.

В этой связи, представляется необходимым сделать ряд уточнений относительно самой программы исследования. По сути дела, она представляет попытку, направленную на выявление характера ценностных ориентаций, которые проявляются в отношении школьников различным аспектам социальной жизни: политике, религии, межнациональным отношениям, семье образованию, профессиональной деятельности, культуре. Это основные сюжетные линии программы, направленные на выявление базовых ценностных ориентаций подростка. При этом сам характер разворачивания этих сюжетов строится как бы на двух уровнях. Один - связан непосредственно с ценностным выбором либо того или иного жизненного принципа, либо с оценкой той или иной ситуации; короче, касается мнений респондентов. Это - выявление ориентаций в направлении должного и недолжного. В опре-

деленном смысле, здесь мы близки к тому пониманию ценностей, которое давал Б.П.Вышеславцев: "Ценности "определяют направление", но не "дают направления", они действуют как компас, но не как руль" [8,99]. Причем можно думать, что ценностные "направления" принципиально связаны с той или иной соответствующей сферой и во многом ею определяются. Иначе говоря, "компас" связан с той или иной картой. Его стрелка не всегда показывает север и юг - здесь иная география. Так, можно думать, что если в сфере межнациональных отношений основное ценностное противопоставление будет ориентировано относительно оппозиций "альtruизм-эгоизм", то, например, в сфере политики, возможно, такой оппозицией станет "сила-слабость" (это лишь пример, возможно, здесь в основе лежат и совершенно иные ценностные оппозиции). Второй же уровень касается не столько оценочных суждений, сколько фиксации либо реальных отношений, либо реального поведения респондентов. Хотя в анализе последовательно соотнести эти два уровня не всегда удается, однако само различие идеальной ценностной детерминации и реального поведения представляется достаточно продуктивным. При этом понятно, что каждый из уровней позволяет вскрыть тот или иной аспект социализации.

Каковы же те основные выводы, которые позволяет сделать представленный выше материал? Здесь перед нами стоит определенная дилема, связанная с самим способом обобщения материала. Один способ - это двигаться по основным сюжетным линиям исследовательской программы (отношение к политике, религии, межнациональные отношения и т.д.). Но при таком подходе мы неизбежно будем повторять те интерпретации, которые уже делали в ходе изложения основной части статьи. Подобный способ относительно прост для формального композиционного завершения работы, но, честно говоря, скучен. Другой способ - это попытаться осмыслить полученные результаты, исходя из тех или иных содержательных проблем, которые прорисовываются при соотнесении материала, изложенного в различных разделах статьи. Попытаемся двинуться в этом направлении.

Семья как институт социализации. Понятно, что при обсуждении национальной проблематики в реалиях российской культуры именно семья оказывается тем центральным социальным институтом, где происходит завя-

зывание основного узла проблем, связанных со спецификой формирования особенностей национального самосознания. Ее роль представляется особенно значимой, поскольку другие социальные институты, ориентированные на поддержание национальной культуры, - образование, религия, национальное искусство и др. - оказались предельно редуцированными, особенно, если иметь ввиду существование еврейской культуры. В этой связи, по меньшей мере, три выявленных в ходе исследования момента представляются достаточно существенными.

Первый - касается *референтности позиции родителей* при формировании общекультурных ориентаций подростка. Наиболее отчетливо этот момент проявляется при анализе поведенческого аспекта, связанного с особенностями обсуждения подростками политических событий со своими сверстниками и родителями. Так, если по своей ориентации на обсуждение политических вопросов со сверстниками еврейские и русские старшеклассники практически не отличаются, то обсуждение подобных вопросов в кругу семьи у еврейских подростков происходит заметно чаще. Причем, в русле нашего анализа важен не только этот достаточно содержательный сам по себе факт актуальности обсуждения политической проблематики во внутрисемейном кругу общения еврейского школьника (политизированность семейного контекста общения, чувствительность и активность реагирования на политическую ситуацию), но и то, что для еврейского ребенка именно родители (если судить по частоте тех контактов, с кем обсуждаются подростком политические проблемы: с родителями, со сверстниками и др.) являются той референтной группой, относительно которой происходит его политическое самоопределение.

Особенно важно здесь и то, что активизация обсуждения политических проблем со своими родителями у еврейского школьника проявляется заметно раньше, чем у русского. Это дает основание говорить не только о более раннем начале (определенном возрастном сдвиге) политического самоопределения еврейского подростка по сравнению с русским сверстником, но и о достаточно своеобразном содержательном отличии его социокультурной ситуации. Так, в кругу семейного общения, по всей видимости, заметно меняется не только само содержание общения, но и характер отношений родитель - ребенок. Что значит ме-

няется? Здесь можно обернуть рассуждение и говорить о смене самой родительской позиции по отношению к ребенку, о новом ракурсе разворачивания "зоны ближайшего развития" в семейном кругу общения еврейского подростка со своими родителями, когда родители начинают видеть в своем ребенке партнера для обсуждения политических проблем.

В данном контексте уместно обратить внимание на то различие, которое вводил вслед за Д.Б.Элькониным Д.И.Фельдштейн (1985), обсуждая проблематику социального развития личности: "я в обществе" и "я и общество". Так, рассматривая социальное развитие как двуединый процесс социализации и индивидуализации, он выделяет промежуточные и узловые рубежи социального развития личности; последние и определяют своеобразие личностной позиции ребенка по отношению к освоенному социальному опыту. На промежуточном рубеже реализуется потребность ребенка в приобщении себя к обществу ("я в обществе"), на узловом рубеже происходит разделение его "я" от других людей ("я и общество"). Эти "узловые рубежи представляют собой качественные сдвиги в социальном развитии... они связаны с новым этапом онтогенеза... ставят растущего человека каждый раз в новую социальную позицию" [18, 31-33]. В этой связи, можно думать, что обсуждаемый нами резкий рост контактов еврейских подростков со своими родителями по поводу политических проблем как раз и свидетельствует о переживании ими своеобразного узлового рубежа социального развития, на котором начинает формироваться их политическое самоопределение. Причем, повторимся, возникает он заметно раньше, чем у русских подростков. И, более того, его своеобразие заключается в том, что подобный "опережающий сдвиг" обнаруживается лишь в кругу внутрисемейного общения, в то время как характер общения со сверстниками по поводу политических проблем носит такой же характер, как и у русских школьников.

Таким образом, в целом, можно прийти к заключению о том, что социализация еврейского подростка разворачивается достаточно своеобразно в разных пластиах его социального взаимодействия. Если в кругу общения со сверстниками, например, его политическое самоопределение протекает в том же режиме, что и у русского школьника, то общение в семейном кругу носит гораздо более политизированный характер. В этом смысле, разли-

чение особенностей влияния семьи (как фактора индивидуализации) и контактов со сверстниками на процесс социализации еврейского подростка представляется достаточно принципиальным. Если вернуться к тому различию, которое вводил Д.И.Фельдштейн, то можно сделать вывод о том, что процесс социального развития имеет более сложный характер. Так, на одном и том же возрастном этапе в разных системах социального взаимодействия разворачиваются одновременно два процесса: со сверстниками - "я в обществе"; с родителями - "я и общество". Иными словами, национальный ракурс рассмотрения проблем социализации позволяет выделить принципиальное значение роли семейного круга общения для социального самоопределения подростка.

Второй момент касается анализа различий в социально-ролевых отношениях в еврейских и в русских семьях. Напомним, что материалы исследования в целом показали зависимость структурированности социально-ролевых позиций в семье (в частности, наличие в семье лидера, считающегося главой семьи) от целого ряда факторов: религиозности семьи, уровня ее материальной обеспеченности, образовательного статуса. Причем влияние этих факторов проявляется достаточно сходным образом как в еврейских, так и в русских семьях. Вместе с тем, ряд моментов выявляет весьма существенные различия. Наиболее отчетливо они проявляются при соотнесении структурных характеристик семьи и стиля внутрисемейного взаимодействия по отношению к ребенку. Так, чем более сложно структурно организована еврейская семья - наличие в ней трех поколений, других, помимо подростка старших детей - тем более демократично отношение ее членов к подростку. В таких семьях дети чаще отмечают, что они чувствуют себя равноправными членами, с мнением которых считаются. В русских семьях, наоборот: чем более сложно структурно организована семья, тем вероятнее, что по отношению к ребенку будет реализован авторитарный стиль отношений. Иначе говоря, в первом случае, разветвленная структура семьи ориентирована на поддержание демократического стиля взаимодействий по отношению к ребенку; во втором случае, наоборот, структурное усложнение семьи ориентирует ее членов на авторитарный режим взаимодействия с младшим ее членом.

Данный факт представляется достаточно интересным в культурологическом отноше-

нии, поскольку, на наш взгляд, он фиксирует две различных линии формирования отношений родства. Так, если в еврейской семье усложнение ее структуры связано с индивидуализацией отношений к ребенку - семья как бы поддерживает равноправие статуса младшего ее члена, то в русской традиции усложнение структуры семьи ориентировано на корреляцию статуса члена семьи с его возрастом - чем он младше, тем ниже его семейный статус. В этой связи, можно думать, что подобные различия в системе социальных отношений во многом обуславливают (и в какой-то степени объясняют) те содержательные различия, которые мы обнаруживаем в ценностных ориентациях еврейских и русских подростков.

Третий момент касается непосредственно содержательной специфики семейных ценностей, т.е. тех ценностей, которые, по мнению подростка, наиболее значимы и признаются в его семье. Полученные в ходе исследования результаты показывают, что основными социальными детерминантами, обуславливающими различия в значимости для еврейских семей тех или иных ценностей, выступают, с одной стороны, образовательный статус родителей, с другой, - религиозность или нерелигиозность семьи. При этом, важно подчеркнуть, что указанные детерминанты по-разному и весьма своеобразным образом структурируют семейные ценности. Так, образовательный статус семьи поляризует такие ценностные ориентации, как приобщение к гуманистическим ценностям духовной культуры и счастливая семейная жизнь. Если для семей с высоким уровнем образования родителей характерна ориентация на приобщение к духовным ценностям, то для семей с низким - на счастливую семейную жизнь. Это дает основание считать, что более низкий уровень образования семьи "замыкает" ее ценностные ориентации на круг событий внутрисемейной жизни. Причем характерно, что образовательная детерминанта сходным образом проявляется как в еврейских, так и в русских семьях. Кстати, в этой же связи следует отметить, что подтверждением данной тенденции (замкнутости семей с более низким уровнем образования на внутрисемейный контекст) может служить и выявленный нами факт большей ориентированности семей с низким уровнем образования на связи со своими ближайшими родственниками.

Действие же другой детерминанты - религиозность семьи - выявлено нами как специфическое лишь для еврейских семей. Так, в религиозных еврейских семьях, по сравнению с нерелигиозными, гораздо более значимыми оказываются такие ценности, как следование национальным традициям и воспитание детей. На этот факт следования национальным традициям следует обратить особое внимание, поскольку он имеет принципиальное значение как механизм, обуславливающий включение в национальную культуру. Наиболее специфичным моментом здесь является сохранение евреями своего собственного календаря. В этом отношении следование традициям (соблюдение Субботы, религиозных праздников, соответствующих обрядов и ритуалов) означает организацию внутрисемейной жизни в соответствии с национальными календарными циклами. В культурологическом плане, этот момент принципиален, поскольку вхождение в национальную культуру возможно только путем приобщения к "проживанию" соответствующих культурных циклов. Заметим, кстати, что сам факт и значение смыслового проживания соответствующего культурного цикла практически не продуманы ни в отечественной педагогике, ни в возрастной психологии при изучении проблематики социального развития и становления национального самосознания. Можно думать, что именно здесь - в ритуально организованном проживании культурных циклов - раскрывается механика обеспечивающая конгруэнтность той или иной культурной формы и психологической структуры личности ребенка, о которой мы говорили выше.

Таким образом, для еврейской семьи в России характерны как бы две тенденции, детерминирующие "размыкание" ценностных ориентаций концентрирующихся на внутрисемейном благополучии: светская и религиозная. Если первая ориентирует на приобщение к общекультурным ценностям, то вторая на приобщение к национальной культуре. Причем характерно, что именно для второй линии оказывается более значимой и такая ценность, как воспитание детей (можно сказать по-иному: воспитание в национальных традициях).

Итак, по-меньшей мере три достаточно существенных момента можно выделить в ходе нашего анализа, которые проясняют фундаментальную роль семьи в выявлении специ-

фики национальных траекторий социального развития подростка:

1) соптнесение содержательного контекста общения в семье и со сверстниками позволяет говорить именно о пространстве семейных отношений как "зоне ближайшего развития", где актуализируется разворачивание социального самоопределения подростка;

2) установление двух разных форм отношений родства: а) ориентированной на соответствие семейного статуса с возрастом и б) ориентированной на повышение статуса ребенка - позволяют говорить о разных типах систем семейных социально-ролевых отношений, определяющих социализацию ребенка;

3) выделение двух социокультурных детерминант - образовательной и религиозной - своеобразным образом определяющих размыкание круга ценностных ориентаций в границах внутрисемейного общения и благополучия.

В целом, можно сделать вывод, что своеобразная система отношений в еврейской семье, определяет специфику социальной ситуации развития еврейского подростка и обуславливает особенности формирования его ценностных ориентаций. При этом на двух моментах мы бы хотели сделать специальный акцент. Первый момент связан с установкой на индивидуализацию и более раннее социальное самоопределение; второй - касается двух стратегий социализации в приобщении к национальной культурной традиции. В одном случае, в терминах Л.П.Карсавина можно говорить о приобщении к культурному "ядру"; в другом - к "периферии".

Фиксация социокультурных границ. Саму тему - обозначение социокультурных границ - мы так или иначе уже неоднократно затрагивали в основной части статьи. Заметим, что эта тема неизбежно возникала при обсуждении самого разнообразного материала: политических ориентаций подростков, их отношения к религии, характера межнациональных отношений. Данный момент явно не случаен и, по всей видимости, является принципиальным, когда мы пытаемся понять особенности социализации подростка под углом зрения специфических национальных траекторий развития. Можно думать, что сама фиксация социокультурных границ является весьма значимым смыслообразующим фактором, определяющим механизмы формирования национальной идентичности. Поэтому, выделим

ряд аспектов, которые, на наш взгляд, наиболее существенны.

Одним из них является фиксация *правовых барьеров*. Как показывают материалы исследования, на протяжении старшего школьного возраста существенным образом меняются политические взгляды и оценки школьников. Причем по большинству моментов сходны не только ценностные ориентации еврейских и русских подростков, но и возрастные тенденции их изменения. В целом, здесь различия определяются не столько национальными моментами, сколько социально-стратификационными факторами - в первую очередь, уровнем образования родителей. Однако как только те или иные аспекты государственной политики начинают затрагивать национальную проблематику, различия между русскими и еврейскими подростками проступают достаточно заметно. Наиболее характерным примером в этом отношении может служить то, что для школьников еврейской национальности с возрастом все более значимым во внутренней государственной политике становится принцип "отсутствия правового разграничения по национальному признаку". В этой связи интересно отметить, что выявленная тенденция вполне согласуется с рассмотрением "национального вопроса" в логике проблематики правового неравенства, которое предпринял в свое время Петирим Сорокин: "наши "национальные вопросы" составляют одну из глав общего учения о правовом неравенстве членов одного и того же государства" [16,249]. Как он отмечал, "сущность этих "бытовых" для России вопросов заключается не в чем ином, как в ряде правовых ограничений (право языка, религии, передвижения, гражданские, политические права и т.п.), налагаемых на определенную группу людей, объединенных тем или другим (или несколькими) социальными признаками" [16,249]. Иначе говоря, еврейские школьники, как национальное меньшинство, оказываются гораздо более чувствительны к проблематике правовых ограничений по национальному признаку, чем русские. При этом следует отметить, что ни на конституционном, ни на каком-либо ином законодательном уровне ни в советском государстве, ни, тем более, в современной России подобные ограничения не фиксировались. В этой связи, можно использовать различие текста и подтекста, введенное Ю.М.Лотманом для семиотического описания культуры. Так, не проявляясь в официальном тексте культуры, существование и

трансляция этих ограничений происходила либо на уровне культурного подтекста, либо бытового поведения (не фиксируемого письменно текста, фольклора, стереотипов обыденного поведения). В этом отношении можно отметить, что именно к этим подтекстовым слоям правового неравенства еврейские школьники оказываются более чувствительными. (По-видимому, относительно "подтекста" стоит сделать определенную корректировку в связи с современной социокультурной ситуацией: дискуссия десятилетней давности между Астафьевым и Эйдельманом по поводу национальной темы в литературе выглядит сегодня спором двух рафинированных интеллигентов, по сравнению с высказываниями Шафаревича или публикациями в профашистских изданиях. Национальный вопрос, в его правовом аспекте, сегодня явно вышел из зоны подтекста.)

Итак, первый вывод, который можно сделать, сопоставляя полученные данные, связан с тем, что еврейские подростки идентифицируют себя с национальным меньшинством и оказываются более чувствительными к правовым ограничениям, прямо не выраженным в официальных текстах культуры. Но не менее важен и второй вывод, который состоит в следующем. Так, следует обратить внимание на то, что ориентация еврейских подростков на принцип "отсутствие правовых ограничений по национальному признаку" резко возрастает в шестнадцатилетнем возрасте. Сам по себе этот факт достаточно примечателен, поскольку акцент в ориентациях на правовом аспекте совпадает с достижением паспортного возраста. Иначе говоря, можно думать, что само вступление в данный возраст, сам акт получения паспорта актуализирует для еврейского подростка проблематику его национального самоопределения именно в правовом аспекте. Таким образом, достаточно "стертый" и формальный в культурологическом плане для русского подростка этап достижения паспортного возраста, для еврейского - имеет серьезный жизненный смысл, связанный с его национальной идентификацией и может рассматриваться как своеобразный ритуал инициации. Этот момент весьма существенен, поскольку, когда мы обсуждаем проблему возраста в культурологическом и социально-психологическом отношении, то крайне важно найти в культуре те своеобразные ритуалы, которые имеют отношение к обозначению определенных возрастных границ, включающих

ребенка в иную систему социальных отношений. И здесь, повторимся, казалось бы, достаточно формальный акт получения паспорта для еврейского подростка выступает значимым и смыслообразующим. За ним стоит действительно целый ряд сюжетов: официальная самоидентификация себя с определенной национальностью ("пресловутый пятый пункт"), самоопределение себя в отношении целого ряда негласных правовых ограничений и т.п. В этой связи, позволю себе заметить, что, к сожалению, авторы большинства современных концепций возрастной периодизации оказываются малочувствительными к поиску в современной культуре особых ритуалов, фиксирующих возрастные рубежи.

Другой момент, связанный с фиксацией социокультурных границ, затрагивает проблему *толерантности*. При описании эмпирического материала этот аспект обсуждался нами достаточно подробно. Здесь же мы считаем возможным сопоставить три сюжета, где тема толерантности пропускает наиболее отчетливо. Заметим, что сама эта проблема весьма содержательна, поскольку, пожалуй, именно в ней проявляется наиболее рельефно эмоциональная реакция на существование социокультурных границ в ситуации межэтнического взаимодействия. Итак, три момента касаются трех аспектов позитивного или негативного отношения к представителям других национальностей. Это отношение к представителям других религий, непосредственно симпатия или антипатия к представителям других национальностей, и, наконец, отношение к выбору представителя той или иной национальности в качестве будущего супруга(и).

Как показывают результаты опроса, сами по себе вопросы о позитивном или негативном отношении к той или иной религии, как и вопросы об отношении к представителям разных вероисповеданий для подростков, не считающих себя религиозными, не является вообще актуальными. В то же время для религиозных школьников подобные проблемы существуют. Причем следует отметить, что иудаисты менее толерантны в своем отношении к другим религиям по сравнению с православными школьниками. Среди них гораздо больше тех, кто более непримирим к другим религиям и воспринимает представителей других религий негативно. Таким образом, еврейские школьники, приобщенные к иудаизму, в большей степени, склонны "обозначать границу" между собой и представителями других

вероисповеданий. Следует отметить, что в культурологическом плане подобное обозначение границы именно по религиозному основанию среди евреев достаточно характерно. В этой связи подчеркнем, что включенность в религиозную традицию для них не просто связана с чувствительностью к фиксации различий между религиями, а именно с тем, что эта граница эмоционально негативно окрашена. Эту особенность еврейства, чувствительность его к религиозной проблематике и негативное отношение к другим религиям проницательно отметил в свое время о.С.Булгаков: "...надлежит со всей силой и искренностью констатировать тот факт, что вообще в еврействе, не говоря уже об ортодоксальном иудаизме, но даже в самом поверхностно-безбожном, нет и не может быть равнодушия к христианству и, прежде всего, ко Христу, но есть враждебность. Я всегда это знал "шестым чувством". Однако для того, чтобы это понять и почувствовать, вопреки всей поверхностной видимости обратного, надо оценить во всей силе религиозную природу еврейства, именно как избранного народа Божия, которому просто не дано быть религиозно равнодушным." [4,394]. У православных же школьников мы подобной явно выраженной негативной реакции к представителям других религий не обнаруживаем. Иными словами, они оказываются более толерантными относительно вопроса о религиозной принадлежности.

Однако совершенно противоположная картина вырисовывается, когда мы обращаемся к процессам межэтнического взаимодействия на уровне обыденного поведения. Здесь тенденции прямопротивоположны. Так, по сравнению со своими русскими сверстниками, к представителям других национальностей еврейские подростки проявляют наоборот большую толерантность, в то время как первые здесь гораздо более нетерпимы. Причем важно подчеркнуть (и это в контексте настоящей статьи принципиально), что агрессивность к представителям других национальностей не носит у русских подростков явно выраженной антисемитской направленности (указывают на неприязнь к евреям 8.5% опрошенных). В основном же их негативная реакция направлена по отношению к национальным представителям республик Кавказа и Закавказья. В этом смысле, характерно, что их негативные оценки локализованы в основном относительно тех национальных групп, где наиболее не-

стабильна социально-политическая ситуация и происходят вооруженные конфликты.

Итак, сопоставление данных показывает, что по сравнению с евреями русские школьники более толерантны к представителям других религий и гораздо менее толерантны к представителям других национальностей. Само по себе это различие - чувствительность к религиозной границе у одних и чувствительность к этнической границе по отношению к определенным национальностям у других - в социокультурном отношении, весьма содержательно. Содержательно, поскольку позволяет говорить о принципиально разном типе барьеров и границ.

В данной связи, по поводу достаточно сильно выраженного негативного эмоционального отношения к представителям ряда национальностей, у русских подростков можно высказать ряд соображений.

Во-первых, в основном негативные реакции проявляются по отношению к представителям тех национальностей, которые проживают на территории России, или в Ближнем Зарубежье. Подобная тенденция, подчеркнем, пока лишь тенденция, неприятия своего ближайшего этнического окружения, свидетельствует о том, что среди русских подростков не формируется, действительно полноценное и незакомплексованное представление о принципиальной роли русской нации как нации способной объединить различные национально-этнические группы в рамках единого государства. Это важно подчеркнуть, поскольку свидетельствует об утере идеологических национальных ориентиров.

Во-вторых, целый ряд фактов, представленных в настоящем исследовании, показывает, что русские школьники крайне болезненно и остро реагируют на факт распада СССР. Так, например, для них характерно желание восстановления государства либо в границах Российской империи, либо СССР. Поазательно здесь также то, что именно территориальные притязания и распад СССР они рассматривают и как главную причину межнациональных конфликтов. Центробежные тенденции воспринимаются значительной частью современных русских подростков как национальное поражение. В этом отношении, одной из причин их негативных реакций по отношению к ближайшему этническому окружению может и быть защитная реакция, на "национальное унижение". Вообще же, как писал Г.П.Федотов, "национальное чувство, в его нормальном

состоянии, совместимо с уважением и терпимостью к чужим нациям" [17,451].

В-третьих, следует отметить, что, по сравнению с еврейскими сверстниками, русские подростки оказывают значительно менее чувствительны к таким социокультурным реалиям, обуславливающим межнациональную рознь, как исторически обусловленные стереотипы и предрассудки. Это вполне объяснимо, поскольку на уровне обыденного социального взаимодействия (в отличии, например, от своих еврейских сверстников) они практически не испытывают негативных реакций со стороны ближайшего социального окружения по поводу своей национальной принадлежности. Наряду с обсуждением проблемы толерантности по отношению к религиозным и этническим различиям, важно отметить еще один аспект. Он касается возможности выбора в качестве супруга(и) представителя другой национальности. Чувствительность к подобного рода барьерам представляется весьма существенной, поскольку в данном случае она дает возможность рассмотреть проблему толерантности в ином ракурсе - в связи с проблемой ассимиляции. Здесь следует иметь ввиду, что эта проблема является традиционной при обсуждении еврейской темы: С одной стороны, она рассматривается в логике процессов акультурации - отказ от собственной религии, стремление включиться и войти в другую культуру (русскую, немецкую, французскую и др.). Частично этого аспекта мы касались выше, говоря о религиозной границе. С другой - это собственно проблема ассимиляции, связанная со вступлением в смешанный брак. По сути дела, именно этот аспект затрагивает и проявляет достаточно глубинные установки относительно своей национальной принадлежности, поскольку связан не только с самим актом вступления в смешанный брак, но и проблемами национальной идентификации у своих будущих детей, проблемами "чистоты рода" и т.п. Поэтому чувствительность к подобного рода барьерам, толерантность по отношению к вступлению в смешанный брак являются принципиальными.

В этой связи, мы считаем возможным сопоставить два момента, которые были изложены в основной части статьи. Так, стоит еще раз обратить внимание на то, что пик конфликтов на национальной почве совпадает по времени с пубертатным периодом. В определенном смысле, подобное обострение чувствительности к неприятию сверстников в связи

с их национальной принадлежностью, обострение, приходящееся на период полового созревания, этап первой серьезной влюбленности, может свидетельствовать о трансляции и функционировании в подростковой субкультуре определенных запретов на межэтнические "брачные контакты". Здесь как бы обостряется само культурное напряжение: "свое-чужое". В социологическом плане, сами по себе подобные факты актуализации в подростковой культуре запретов на межэтнические контакты и снижение толерантности к представителям других национальностей, приходящиеся на этап полового созревания, весьма интересны. По-видимому, именно в этот момент активно формируются социокультурные установки на возможность вступления или, наоборот, не вступления в брак с представителями иной национальности. Второй момент касается оценки значимости общей национальной и религиозной принадлежности с будущим супругом(ой). Если русские школьники в этом плане проявляют крайне высокий уровень толерантности, то среди еврейских школьников национально-религиозная принадлежность имеет высокую значимость при построении планов относительно своей будущей супружеской жизни. Практически каждый четвертый еврейский старшеклассник актуализирует подобную национально-культурную границу и не склонен к ассимиляции.

Сам по себе этот факт можно интерпретировать двояким способом. Возможно, за этим могут лежать идеологические причины, связанные с семейным воспитанием, приобщением к национальной культуре, религии. Но возможно и другое объяснение. Реальный опыт обыденного социального взаимодействия все более убеждает еврейского подростка в том, что успешный смешанный брак маловероятен, что он сможет столкнуться с проявлением антисемитизма либо со стороны супруга, либо его родственников, что ассимиляция бесперспективна. В этом отношении характерно, что в 17-18 летнем возрасте общую национальную принадлежность при выборе будущего супруга отмечает уже почти 40% еврейских старшеклассников. И это, кстати, хорошо согласуется с ростом по мере взросления числа школьников, отмечающих что они сталкиваются с оскорблением и унижениями по поводу своей национальной принадлежности.

Таким образом, полученный в ходе исследования материал показывает, что совре-

менная ситуация социализации еврейского подростка характеризуется выделением целого ряда социокультурных границ (правовых, религиозных, этнических), относительно которых происходит его национальное самоопределение. В ценностном самоопределении относительно подобного рода границ и заключается содержательная специфика социально-го развития еврейского подростка как принадлежащего к определенному национальному меньшинству, представителю определенной национальности. Но, подчеркнем еще раз, реально ценностные различия между еврейскими и русскими школьниками проявляются лишь к сюжетам, затрагивающим национальную специфику.

Национальная идентичность и стратегии поведения. Полученный в ходе исследования материал дает нам возможность сопоставить проблему национальной идентичности со стратегиями поведения еврейского подростка в процессе его социального взаимодействия. В этой связи, попытаемся сопоставить ряд фактов.

1. *Соотнесение семейного и внесемейного общения.* Если выше мы рассматривали внутрисемейный контекст общения и пытались прояснить особенности семьи как института социализации, то теперь имеем возможность соотнести эти данные с поведением подростка в более широком поле социальных взаимодействий, выходящих за рамки семьи. Здесь следует, во-первых, отметить то, что значительный процент школьников имеет опыт негативных переживаний по поводу своей национальной принадлежности, и чем в более широкие социальные контакты он вступает, тем больше у него вероятность столкнуться с проявлениями антисемитизма. Показательно и то, и это - во-вторых, что с возрастом все большее число еврейских подростков отмечает, что они испытывают притеснения, оскорблений, унижения со стороны посторонних по поводу своей национальности. Таким образом, естественный процесс социализации, связанный с расширением круга социальных контактов при переходе от подросткового возраста к юношескому параллельно сопровождается приобретением опыта негативных реакций со стороны социального окружения по поводу своей национальности. В этой связи, можно думать, что семья выступает своеобразным демпфером, компенсирующим негативные переживания подростка относительно своей национальности в ситуациях внешнего взаимодействия.

Кстати, отсюда, а не только из национальных традиций, могут быть поняты установленные нами особенности социального взаимодействия внутри еврейской семьи: направленность на повышение семейно-ролевого статуса ребенка, демократизация отношений, ориентация на индивидуализацию. Иначе говоря, следует иметь ввиду тот компенсаторный и психотерапевтический характер, который оказывает семья на еврейского подростка при формировании его национальной идентичности.

2. Национальные и личные перспективы.

Другой ряд фактов касается непосредственной национальной идентификации еврейского подростка. Здесь следует обратить внимание на то расхождение, которое мы обнаруживаем в оценке школьниками перспектив своей национальности в России и своих личных перспектив. Причем особый интерес представляется здесь возрастная динамика. Так, к выпускным классам школы доля, оптимистично оценивающих перспективы своей нации, среди еврейских школьников резко сокращается (у русских же, напротив, она увеличивается). Параллельно с этим все больший процент еврейских школьников начинает считать, что темпы эмиграции евреев из России будут увеличиваться. Таким образом, по мере взросления у все большего числа подростков формируется представление о бесперспективности евреев в России. Однако оценка ими своих личных перспектив имеет иную направленность: с возрастом увеличивается число еврейских школьников, позитивно оценивающих свои собственные жизненные перспективы, растет доля оптимистов и падает число тех, кто считает, что только в другой стране он сможет добиться успеха.

В ходе изложения основных материалов исследования мы отмечали факт такого расхождения, как проявление определенной тенденции к "разотождествлению" перспектив своей нации в России и своих собственных. Более того, подобное "разотождествление" можно рассматривать как определенную возрастную тенденцию индивидуализации своего жизненного пути: соотнесение своих личных и национальных перспектив. Причем относительно этой возрастной динамики возможны, по меньшей мере, две интерпретации. Одна, если применить использованный нами уже принцип культурной границы, предполагает, что на подобном разотождествлении своих личных перспектив и перспектив своей национальности в России как раз и формируется

национальное самосознание. Другая, дает основание рассматривать сам факт подобного расхождения как факт ассимиляции (аккультурации), факт утраты национальной идентичности. По-видимому, обе эти интерпретации имеют место, и, именно в этой связи, стоит обратить еще раз внимание на те поведенческие стратегии относительно демонстрации или сокрытия своей национальной принадлежности в ситуациях социального взаимодействия, которых придерживаются еврейские подростки.

3. Две стратегии социального взаимодействия. Здесь важно обратить внимание, что с возрастом растет число школьников, которые во взаимодействии с посторонними избирают стратегию открытой манифестиации своей национальной принадлежности. Это дает основание говорить о формировании на протяжении старшего школьного возраста определенной системы социально-адаптивного поведения, позволяющей еврейским подросткам справляться с ситуациями, когда возникают определенные напряжения, связанные с их национальной принадлежностью.

Показательно, что противоположная тенденция, направленная на сокрытие своей национальной принадлежности, как показал анализ, напрямую связана с национальной нетерпимостью социального окружения. Причем, чем ближе социальное окружение, где возможны антинациональные проявления, чем теснее с ним контакты еврейского подростка, тем активнее проявляется установка подростка на тип поведения, ориентированный на сокрытие своей национальной принадлежности. Характерно в данном плане и то, что эмиграционные планы напрямую связаны у еврейских подростков не столько с материальными обстоятельствами, сколько с характером их социального окружения. Так, подавляющее большинство школьников, в микросоциальной среде которых распространены антисемитские установки, ориентированы на эмиграцию из России. Таким образом, агрессивность окружающей еврейского подростка социальной среды по поводу его национальной принадлежности оказывает влияние не только на формирование особой тактики социального взаимодействия - сокрытие своей национальной принадлежности, но и решающим образом влияет на формирование его жизненной стратегии, ориентируя на эмиграцию из России.

И, наконец, последнее. Стоит обратить внимание на содержательную динамику изменений в ценностных ориентациях еврейского старшеклассника. Здесь еще раз следует подчеркнуть, что в целом структура и иерархия ценностей у еврейского и русского подростка совпадают. Пожалуй, единственный существенный пункт, где они принципиально различаются, это - национальный вопрос. Само по себе это важно, поскольку свидетельствует об об особой специфике переживаний еврейским подростком своей национальной идентичности. Но важно не только это. Если внимательно проследить динамику содержательных изменений в ценностных ориентациях еврейских подростков, то можно выделить два характерных возрастных этапа. Первый относится к возрастному рубежу 14-15 лет. Отличительным моментом этого этапа развития является политическое и морально-нравственное самоопределение еврейского подростка. Второй рубеж - это возраст 16-17 лет. Именно здесь актуальной становится национальная проблематика и фиксируются социокультурные границы, определяющие ее специфику.

И в заключение. Просматривая литературу по поводу еврейского вопроса, нельзя не обратить внимание, что у различных авторов рефреном проходит мысль: "что самую постановку еврейской темы приходится оправдывать" (Г.П.Федотов). Думаю, что оправдывать здесь нечего. Возвращаясь к И.Ильфу и Е.Петрову, переиначу их фразу: "и евреи в России есть, и еврейский вопрос существует". Это реальность социокультурной ситуации России. Существенно другое. К сожалению, нет исследований, реально изучающих эту реальную проблему. Надеюсь, что это первое в данном направлении исследование положит начало для разворачивания работ в социологии образования и социальной психологии.

Литература

- 1.Аренд М. Философия еврейского образования. - ж. "Еврейская школа", апрель-июнь, 1993. - с.15-36
- 2.Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1979. - 424 с.
- 3.Булгаков С.Н. Из философии культуры. Размышления о национальности. - В кн. Булгаков С.Н. "Героизм и подвижничество", М.: Русская книга, 1992. - с.173-209

- 4.Булгаков С.Н. Расизм и христианство. - В кн. Тайна Израиля. "Еврейский вопрос" в русской религиозной мысли XIX - первой половины XX вв. - СПб., "София", 1993. - с.352-405
- 5.Выготский Л.С. Педология подростка. Избранные главы. - Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 4. Детская психология/ под ред. Д.Б.Эльконина - М.: Педагогика, 1984. - с.5-242
- 6.Выготский Л.С. Кризис семи лет. - Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 4. Детская психология/ под ред. Д.Б.Эльконина - М.: Педагогика, 1984. - с.376-385
- 7.Выготский Л.С. Основные проблемы дефектологии. - Собр. соч.: В 6-ти т. Т.5, Основы дефектологии/ Под ред. Т.А.Власовой. - М.: Педагогика, 1983. - 368 с.
- 8.Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. - М.: Республика, 1994. - 368 с.
- 9.Грачева А.М. Национальный вопрос как предмет исследования социологии образования. - Социология образования. Труды по социологии образования.Том 1. Выпуск 1./ Под редакцией В.С.Собкина. - М.: Центр социологии образования РАО, 1993. - с.45-56
- 10.Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. Золотой теленок/Романы. - М.: Экономика, 1982. - 632 с.
- 11.Карсавин Л.П. Россия и евреи. - В кн. Тайна Израиля. "Еврейский вопрос" в русской религиозной мысли XIX - первой половины XX вв. - СПб.: София, 1993. - с.407-431
- 12.Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. - М.: Наука, 1988. - 429 с.
- 13.Собкин В.С. Жизненные ориентации старшеклассников. - Жизненные ориентации учащихся и проблемы современного образования. - М.: АПН СССР, 1990. - с.72-101
- 14.Собкин В.С., Писарский П.С. Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе. - М.: Министерство образования РФ, 1992. - 159 с.
- 15.Собкин В.С., Писарский П.С. Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ Москва-Амстердам. По материалам социологического опроса учителей, учащихся и родителей. - М.: Центр социологии образования РАО, 1994. - 151 с.
- 16.Сорокин П.А. Национальность, национальный вопрос и социальное равенство. - П.А.Сорокин. "Человек. Цивилизация. Общество." - М.: Политиздат, 1992. - с.245-265

- 17.Федотов Г.П. Новое на старую тему.
(К современной постановке еврейского вопроса). - В кн. Тайна Израиля. "Еврейский вопрос" в русской религиозной мысли XIX - первой половины XX вв. - СПб.: София, 1993. - с.448-458
- 18.Фельдштейн Д.И. Психологические закономерности социального развития личности в онтогенезе. - ж. "Вопросы психологии", 1985, №6 - с.26-37
- 19.Хейзинга Й. *Homo Iudens. В тени завтрашнего дня.* - М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. - 464 с.
- 20.Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте. - Избранные психологические труды. - М.: Педагогика, 1989. - с.60-77

Ценностные ориентации школьников Тувы.

В.С. Собкин , Г.А. Емельянов

В статье излагаются результаты социологического опроса, посвященного изучению особенностей ценностно-нормативных ориентаций школьников республики Тыва. Исследование проведено Центром социологии образования РАО совместно с Комитетом по делам молодежи РФ и Министерством по делам молодежи Тувы. Это первое в Туве исследование, где были изучены особенности ценностно-нормативных ориентаций учащихся общеобразовательных школ, принадлежащих к коренной - тувинской и некоренной - русской национальности.

Исследование ценностно-нормативных ориентаций старшеклассников разной национальности в условиях совместного проживания на территории национальной республики, входящей в состав Российской Федерации, является сегодня безусловно актуальным в контексте современных экономических, политических и социальных процессов.

В ходе исследования изучались жизненные установки, социально-профессиональные ориентации, образовательные планы, политические и национальные ориентации учащихся русской и тувинской национальности 7, 9, и 11 классов общеобразовательных школ. Опрос проводился в городах Тувы: Кызыле, Туране, Шагонаре, Ак-Довураке, Кызыл-Мажалык, Чадане, Самагалдае, а также в селах: Тэлли, Кызыл-Даг, Шурмак, Монгун-Тайга, Межегей, Чодура, Федоровка, Болгазын. Всего было опрошено 1550 учащихся общеобразовательных школ: из них 617 русских и 934 тувинцев.

В статье изложены лишь предварительные результаты социологического опроса, который был проведен в марте 1994 г. Отметим, что подобных исследований в Туве фактически не проводилось, если не считать изучение свободного времени тувинской молодежи, сферы ее досуга (5), и анализа ориентаций в области искусства (1,2). Вообще, анализ публикаций по социологии образования за период с 1960 по 1990г.(8) показал, что проблема ценностных ориентаций школьников является наиболее частой темой исследований в нашей стране. Однако многие аспекты этой проблемы фактически до последнего времени были табуированы. Одним из таких запретов было

изучение особенностей ценностного самосознания народов, населявших Советский Союз. По сути, это первое социологическое исследование в Туве такого масштаба. Если учесть тот факт, что общее население республики составляет 320 тысяч человек (из них 90 тысяч проживает в столице, в которой мы анкетировали учащихся почти всех школ), то опросом охванен фактически каждый второй учащийся 7, 9 и 11 классов школ Тувы.

Опрос проводился по специально разработанной анкете, включающей как открытые, так и закрытые вопросы.

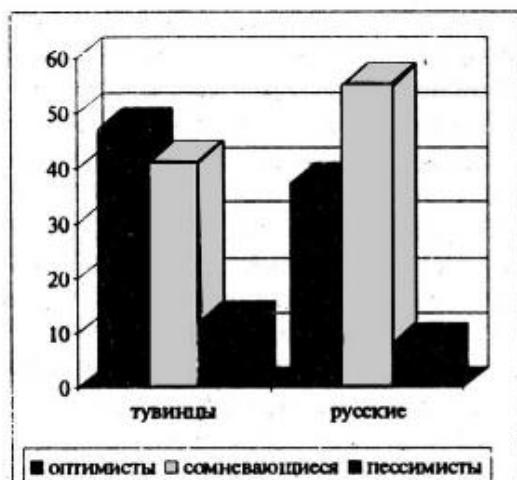
Основная линия анализа в настоящей статье - сопоставление ценностных ориентаций русских и тувинских школьников. При этом в качестве ключевого сюжета выступает рассмотрение возрастной динамики изменения ценностных ориентаций школьников. При подготовке и проведении опроса мы опираемся на многолетний опыт социологических исследований ценностных ориентаций школьников, проведенных научными сотрудниками Центра социологии образования РАО (7).

Глава 1 Жизненные установки старшеклассников

Структура жизненной установки старшеклассника распадается на три основных составляющих: когнитивную - общие представления о будущем, планы на будущее; аффективную - положительная или отрицательная эмоциональная окрашенность этих планов; операциональную - реальный жизненный выбор (6).

В связи с этим мы задали проживающим в Туве школьникам серию вопросов, проясняющих данные аспекты. Это вопросы, выявляющие не только суждения школьников о будущем (когнитивный аспект), но и уверенность в своих жизненных перспективах, - эмоциональный аспект общей жизненной установки.

Так, школьникам был предложен следующий вопрос: "Люди по-разному оценивают свои личные перспективы. Можете ли Вы сказать, что, в целом: Вы с уверенностью и оптимизмом смотрите в завтрашний день; у Вас есть сомнения, что жизнь сложится удачно;

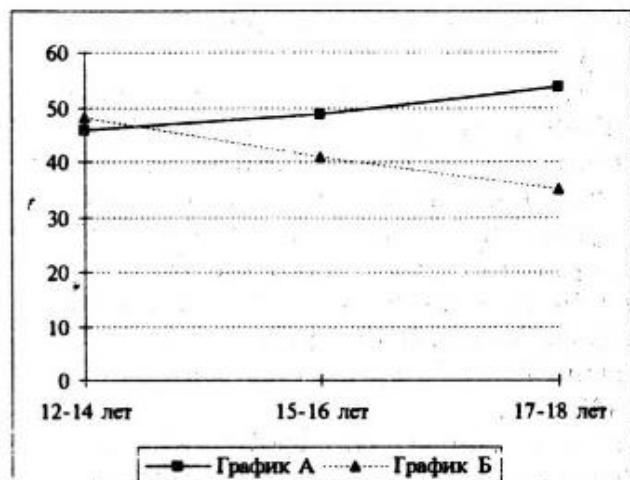
Рис.1. Оценка своих личных жизненных перспектив тувинскими и русскими школьниками.

Вы со страхом и пессимизмом ждете завтрашнего дня."

На рисунке 1. представлены варианты ответов русских и тувинских школьников на этот вопрос.

Из рисунка видно, что существуют явные различия между жизненными установками тувинских и русских школьников. Если почти половина тувинских школьников с уверенностью и оптимизмом смотрят в свое будущее (47%), то среди русских таких одна треть (37%). Для большинства русских школьников характерно сомнение в том, что их жизнь сложится удачно (55%). Среди тувинских школьников таких ответов заметно меньше (41%).

Это позволяет сделать вывод, что среди проживающих в республике Тыва русских школьников заметно больше тех, кто сомневается в успешности реализации своих жиз-

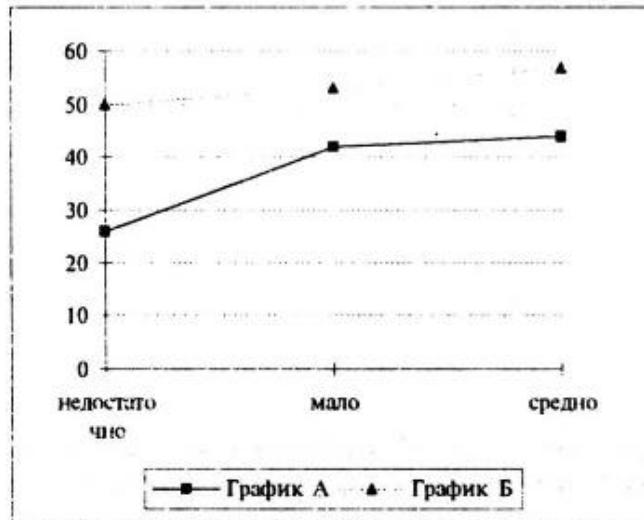

Рис. 2. Распределение по возрастам числа сомневающихся в том, что их жизнь сложится удачно, среди русских (график А) и тувинских школьников (график Б).

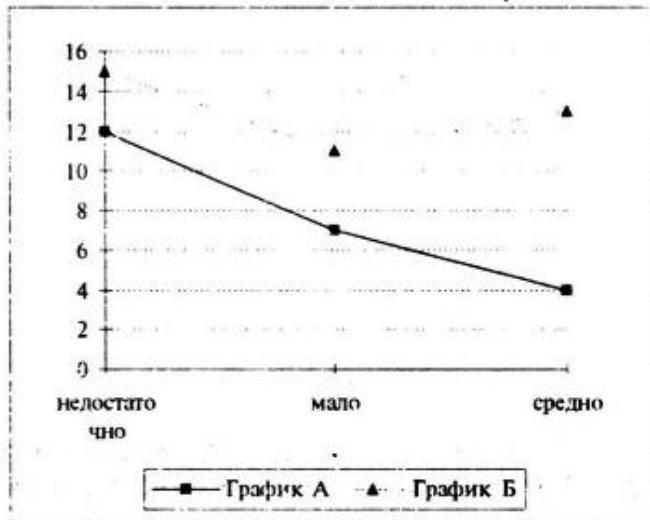
ненных планов по сравнению с подростками коренной национальности.

Достаточно интересна при этом возрастная динамика. В этой связи рассмотрим возрастные изменения оценки своих личных перспектив школьниками Тувы.

Рисунок 2 показывает все большее расхождение с возрастом оценок успешности своих жизненных перспектив тувинскими и русскими школьниками. Из рисунка видно, что динамика "сомневающихся" в успешности своих жизненных перспектив имеет противоположную тенденцию. Если среди тувинских школьников с возрастом падает количество сомневающихся (с 48% до 35%), то среди русских школьников с возрастом, напротив, их доля растет (с 45% до 59%). Отсюда можно сделать вывод, что представители коренной национальности по мере взросления становят-

Рис 3. Распределение числа оптимистов (слева) и пессимистов (справа) среди русских (график А) и тувинских (график Б) школьников в зависимости от уровня дохода семьи.

ся менее тревожными относительно своего будущего.

Различия в динамике оценок личных перспектив могут быть обусловлены уровнем образования и доходом родителей. Полученные данные показывают, что, чем выше доход семей тувинских и русских школьников, тем больше среди них доля оптимистов. Особенно заметно это прослеживается у русских школьников (доля "оптимистов" среди недостаточно обеспеченных 26%, среди среднеобеспеченных - 44%).

Параллельно с этим среди них падает доля "пессимистов" (с 12% до 4%). Представленные на рисунке 3 тенденции позволяют сделать вывод о том, что эмоциональная оценка своих жизненных перспектив у проживающих в Туве русских школьников существенным образом определяется материальным положением семьи, в то время как для представителей коренной национальности этот фактор не является столь существенным.

На эмоциональную оценку школьниками своих жизненных перспектив влияет и уровень образования родителей. Чем он выше, тем больше вероятность того, что эмоциональная оценка будущего позитивна. Так, среди русских школьников со средним образованием отца - 26% оптимистов и с высшим образованием отца - 44%. Соответственно, со средним образованием матери - 22%, с высшим образованием матери - 40%.

Те же тенденции, но менее выраженно, проявляются и среди тувинских школьников: доля оптимистов меняется от 50% к 57% в зависимости от уровня образования отца и от 47% до 54% в зависимости от уровня образования матери.

Обобщая полученные результаты, можно сделать вывод о том, что эмоциональная оценка русскими школьниками своих жизненных перспектив в существенной степени определяется социально-стратификационным положением семьи (материальная обеспеченность, уровень образования родителей). Между тем, мнение представителей коренной национальности при оценке своих жизненных перспектив менее зависит от воздействия социально-стратификационных факторов. Понятно, что их отношение к будущему оказывает влияние иные социо-культурные детерминанты. Каковы они пока неясно. Здесь требуется более детальный и глубокий социокультурный анализ.

В ходе опроса мы попытались выяснить, насколько отчетливо школьники Тувы представляют свои жизненные планы (когнитивный аспект). С этой целью мы задавали следующий вопрос: "Вы на пороге взрослой жизни. Выберите из предложенных ниже суждений наиболее соответствующее вашей позиции: я отчетливо представляю себе свое будущее; мои жизненные планы на сегодня еще не определены; я предпочитаю думать о сегодняшнем дне, а не строить всевозможные проекты; я думаю о своем будущем, но не могу определиться."

Половина русских заявляет о том, что они не могут определится относительно своего будущего (53%), среди тувинских школьников таких заметно меньше (40%). Почти треть тувинских школьников (30%) отчетливо представляют свое будущее, среди русских школьников таких почти вдвое меньше (18%). Еще не определены жизненные планы меньше чем у трети тувинских и у пятой части русских

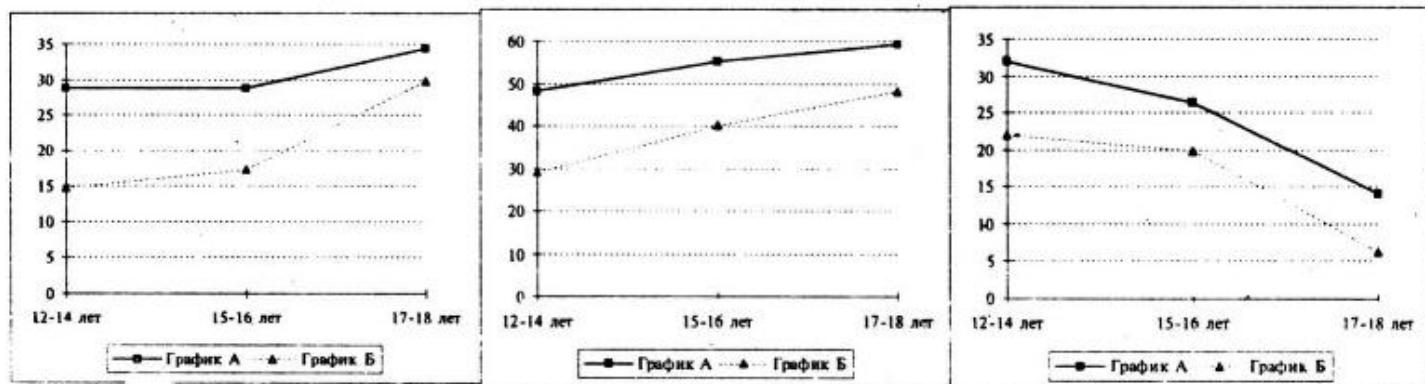

Рис. 4. Распределение ответов русских (график А) и тувинских (график Б) школьников о будущем по возрастам: определенность будущего (слева), неспособность определиться (в центре) и неопределенность будущего (справа).

школьников (30% тувинских и 20% русских школьников).

Наконец, около 12% русских и только 8% тувинских школьников вообще предпочитают жить сегодняшним днем, а не строить всевозможных проектов.

Мы имеем возможность соотнести полученные полученные данные с результатами опроса московских школьников, осуществленного в 1991 году. Ответы на этот вопрос проживающих в Туве русских школьников фактически идентичны ответам московских школьников: "думают о своем будущем, но не могут определиться" - 55.9%; "отчетливо представляют свое будущее" - 17.8%; отмечают, что их "жизненные планы на сегодня еще не определены" - 19.6%; "предпочитают думать о сегодняшнем дне, а не строить всевозможные проекты" - 10.8% (6, с.13).

Из сравнения этих данных можно сделать вывод о том, что среди тувинских школьников заметно больше доля тех, кто на этапе подросткового возраста определился в своих жизненных планах. По-видимому, социокультурная ситуация, национально-культурные традиции играют здесь весьма существенную роль. Так, возможно, что эти различия обусловлены тувинскими народными традициями воспитания детей, корни которых - в древних обычаях инициации. Считалось, что прошедший с честью все входящие в этот обряд испытания молодой человек становится взрослым и может самостоятельно строить свою жизнь.

Обратимся к возрастным изменениям представлений о будущем школьников Тувы. Приведенные на рис.4 графики отчетливо показывают сходство возрастных тенденций в изменении представлений о своем будущем у тувинских и русских школьников. С возрастом

среди русских и тувинских школьников существенно уменьшается число тех, жизненные планы которых на сегодня еще не определены. Соответственно, увеличивается количество учащихся - "реалистов", которые отчетливо представляют свой жизненный путь.

С возрастом также падает число тех, кто пытается уйти от вопросов о будущем, погрузившись в проблемы сегодняшнего дня. Тревожит тот факт, что к окончанию школы все больше школьников признаются в безуспешности своих размышлений о будущем.

В целом, ситуацию с представлениями проживающих в Туве школьников о своем жизненном пути можно охарактеризовать как очень тревожную. Основная тенденция - увеличение с возрастом количества (как среди русских, так и среди тувинцев) детей, которые утверждают, что они не способны определить свое будущее, - их число намного превосходит процент определившихся в жизни школьников. Этот разрыв особенно возрастает к окончанию школы, т.е. к тому моменту, когда выпускники должны принимать принимать конкретные решения относительно своей жизни.

Теперь перейдем к содержательному анализу ценностных ориентаций русских и тувинских школьников. С этой целью мы задавали учащимся вопрос о том, какие из перечисленных ниже ценностей являются для них наиболее значимыми. Результаты представлены в таблице 1.

Сопоставление значимости тех или иных ценностей русских и тувинских школьников показывает, что их оценки весьма сходны. Достаточно близко русскими и тувинскими школьниками оценивается значимость таких ценностей как успешная профессиональная деятельность, успешная политичес-

Таблица 1.
Ценностные ориентации школьников Тувы.

	русские	тувинцы
достижение материального благополучия	45.5	29.8
успешная профессиональная деятельность	48.6	51.8
успешная политическая карьера	9.7	8.8
полноценное общение с людьми	28	43.8
счастливая семейная жизнь	76.7	63.3
полноценное приобщение к культуре	4.1	15.4
развитие своих способностей	26.3	18.7
познание себя	13.9	13.6
воспитание детей	29.7	26.9

кая карьера, познание себя и воспитание детей.

По сравнению с тувинскими школьниками у русских большую значимость имеют такие ценности как счастливая семейная жизнь, достижение материального благополучия и развитие своих способностей. Для тувинских школьников существенно большей ценностью выступает полноценное общение с людьми и полноценное приобщение к культуре.

Рассмотрим возрастную динамику предпочтения русскими и тувинскими школьниками таких жизненных ценностей как успешная профессиональная деятельность и достижение материального благополучия. (рис.5.).

Сопоставление возрастных тенденций в значимости указанных жизненных ценностей для русских и тувинских школьников демонстрирует существенное различие.

Если у тувинских школьников с возрастом незначительно уменьшается стремление к материальному благополучию (27% - 20%) и резко увеличивается значимость ценности "успешная профессиональная деятельность" (44% - 66%), то у русских школьников мы наблюдаем противоположные тенденции. Так, сначала к старшему подростковому возрасту (15-16 лет) так же, как у тувинских школьников увеличивается ценность "успешная профессиональная деятельность" (46% - 57%), но

затем, к 17-18 годам она резко падает (41%). В отличие от тувинских школьников у русских с возрастом увеличивается доля тех, кто стремится к достижению материального благополучия (40% - 67%). Следовательно, к окончанию школы для большинства русских школьников уменьшается ценность профессионального успеха и растет значимость материального благополучия.

Противоположность этих тенденций находит на мысль о том, что материальный успех не связывается русскими школьниками с успешностью профессиональной деятельности. Данный факт представляется нам принципиальным, поскольку проясняет специфику видения современной социально-экономической ситуации русскими подростками.

Остановимся еще на нескольких возрастных тенденциях.

Если при становлении ценностного сознания русских школьников неизменно на низком уровне остается их стремление приобщаться к культуре (в среднем 6%), то у тувинских школьников мы наблюдаем падение этой ценности (от 18% к 7%). В итоге к окончанию школы приобщение к культуре занимает приблизительно равное и весьма низкое место в иерархии ценностей русских и тувинских школьников.

Таким образом, ни у тувинских, ни у русских учащихся в процессе обучения в

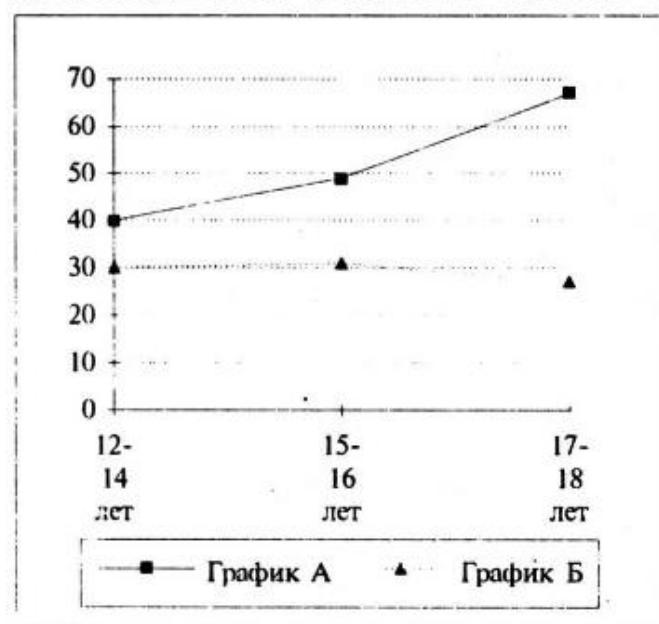
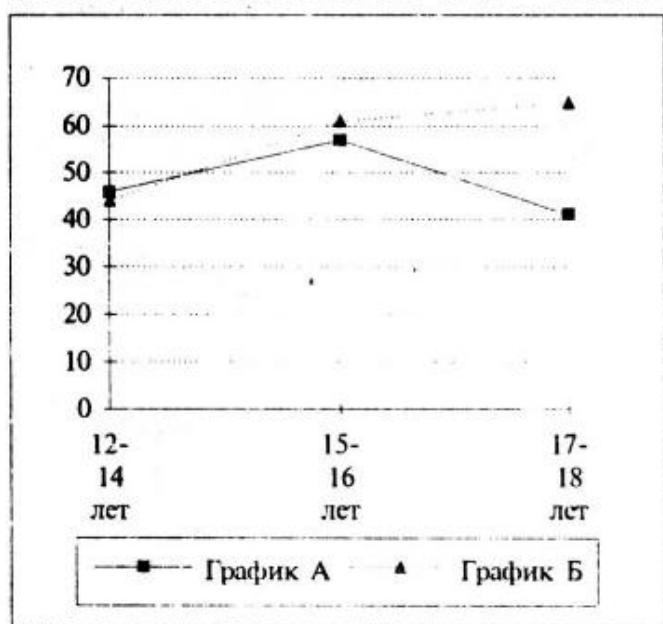

Рис. 5. Возрастная динамика предпочтения русскими (график А) и тувинскими (график Б) школьниками жизненных ценностей: профессиональная деятельность (слева) и материальное благополучие (справа).

.Таблица 2.
Религиозные ориентации русских и тувинских школьников.

вероисповедание	русские	тувинцы
православное христианство	38.9	2.7
католическое христианство	1.5	1.5
буддизм	2.6	54.4
иудаизм	0.0	1.1
мусульманство	1.1	1.9
другая религия	2.6	2.4
я не исповедую никакой религии	11.8	2.7
я атеист	2.3	17.6
я не могу ответить на этот вопрос	25.9	6.3
не ответили на этот вопрос	10.9	10

школе не формируется потребность в приобщении к культуре.

Следует также добавить, что у русских школьников с возрастом все менее значимым становятся стремление к развитию своих способностей (от 29% к 19%). Отсюда следует, что существенно различающееся поначалу в подростковом возрасте у русских и тувинских школьников тенденции отношения к таким жизненным ценностям как развитие своих способностей и приобщение к культуре к концу обучения в школе сближаются.

Глава 2. Религиозные ориентации

Специальный блок вопросов анкеты был направлен на выявление религиозных ориентаций школьников Тувы и связанных с

ними праздников, обрядов. Помимо отношения к религии для нас было важно узнать, какие обряды выполняют в семьях школьников Тувы, обращается ли кто-либо из их семей к шаману, знахарю, ламе; считают ли сами школьники необходимым для себя выполнение этих обрядов. Анализ этих данных направлен на выявление традиционных стереотипов национально-культурного поведения.

Начнем с анализа религиозных ориентаций школьников. Распределение ответов русских и тувинских школьников на вопрос о том, какую религию они исповедуют представлено в таблице 2.

Из таблицы видно, что религиозные ориентации русских и тувинских школьников носят весьма различный характер. Если большинство тувинских школьников своей религией называют буддизм, то среди русских сторонников этой религии почти нет. Напротив, если православное христианство называют своей религией больше трети русских школь-

Таблица 3.
Празднование основных календарных праздников русскими и тувинскими школьниками.

праздники	русские	тувинцы
7 ноября	21.4	10
Рождество	70.7	73.2
Новый Год	94.7	85.5
Надым	7.8	50.4
Дук-салыры	1	9.4
Пасха	81.8	17.2
1 мая	27.6	21.9
День Победы	30	15.5
12 июня	12	8.2

Таблица 4

Доли русских и тувинских школьников, родственники которых обращались к шаману, ламе, знахарю в связи с различными жизненными событиями.

события	русские	тувинцы
болезнь	29.2	57.9
рождение ребенка	2.8	16.8
свадьба	3.9	28.4
освящение дома	4.1	46.4
подготовка к охоте	1.3	3.7
разгадывание снов	4.4	11.7
смерть	4.1	46.6

ников, то среди тувинских школьников его исповедуют не более трех процентов.

По тем или иным причинам на этот вопрос не стали отвечать вообще около 10% школьников; отметили, что не могут ответить на него в четыре раза больше русских, чем тувинских школьников. Этот факт свидетельствует о том, что религиозные ориентации русских школьников менее определены, чем религиозные ориентации тувинских школьников.

В целом следует отметить, что среди тувинских школьников больше тех, кто считает себя верующими, чем среди русских школьников (64% и 44.7%).

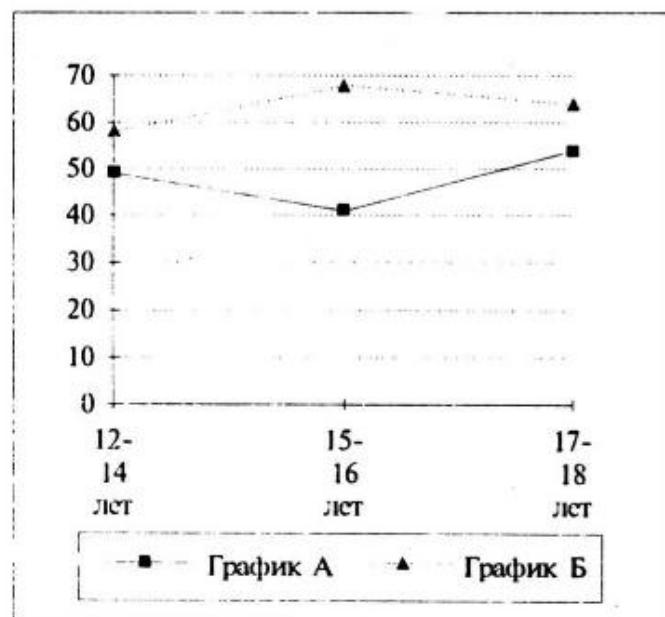

Рис. 6. Возрастная динамика доли православных христиан среди русских (график А) и доли буддистов среди тувинских (график Б).

Рассмотрим возрастные особенности религиозных ориентаций русских и тувинских школьников, проживающих в Туве.

По разному с возрастом изменяется отношение русских и тувинских школьников к ведущей для них религии - православию для русских и буддизму для тувинцев. Если среди тувинских учащихся доля буддистов растет в пределах подросткового возраста (58% - 68%) и почти не меняется к концу обучения в школе (64%), то среди русских, напротив, от младшего к старшему подростковому возрасту доля православных христиан падает (49% - 41%) и затем в ранней юности резко начинает увеличиваться (54%).

Таким образом, именно в возрасте 15-16 лет, русские и тувинские школьники наиболее отличаются своим позитивным отношением к религии (разница здесь достигает 27%). Отмеченные закономерности представлены на рисунке 6.

Кроме того, среди русских в отличии от тувинских школьников с возрастом увеличивается доля ответов: "я не исповедую ни какой религии" (9% - 20%) и падает доля школьников, считающих себя неспособными ответить на этот вопрос (31% - 14%).

В ходе анализа ценностных ориентаций мы поставили перед собой задачу узнать, насколько связаны между собой вероисповедания разных групп школьников и их жизненные ценности. С этой целью мы отобрали по две группы русских и тувинских школьников: среди русских - православных и неверующих, среди тувинцев - буддистов и неверующих.

Оказалось, что жизненные ценности верующих и неверующих школьников различаются. Среди исповедующих православие русских школьников в отличии от неверующих

выше доля таких, которые выбирает ценность "счастливая семейная жизнь" (82.2% исповедующих православие и 70.1% неверующих русских школьников). Среди неверующие тувинских школьников в отличие от исповедующих буддизм большая доля тех, кто стремится к полноценному общению с людьми (51.9% среди неверующих и 40.9% среди буддистов).

В ходе опроса школьникам было предложено ответить на следующий вопрос: "Какие праздники отмечают у Вас в семье?" Распределение ответов на этот вопрос представлено в таблице 3.

Празднование религиозных и национальных праздников фактически напрямую связано с национальной принадлежностью школьника. Однако, здесь есть нюансы, обусловленные единством социальной и культурной жизни российского общества. Так, пасху - религиозный праздник православных христиан - отмечают значительно больше русских, чем тувинских школьников. В то время как рождество - праздник, получивший международный статус - отмечает почти равная доля как русских, так и тувинских школьников.

Надым, праздник тувинских животноводов, отмечают существенно больше тувинских, чем русских школьников.

Новый Год празднуют фактически все русские школьники и несколько меньше тувинских учащихся. Часть из них предпочитают встречать Новый Год по восточному календарю.

Также различно отношение к политическим праздникам. 7 ноября и День победы над фашистской Германией отмечают вдвое больше русских, чем тувинских школьников. Заметим, что именно эти две даты связаны с ключевыми для СССР историческими событиями. В этой связи можно думать, что установка на сохранение исторической памяти об СССР гораздо более значима для русских, чем для тувинских школьников. В тоже время, различия в доле русских и тувинских школьников, отмечающих праздники: 1 мая и день независимости России (12 июня) незначительны.

Нас особенно заинтересовало, какие национальные обряды тувинского народа знают и соблюдают в русских и тувинских семьях, проживающих в республике Тыва. Если среди семей русских школьников в целом знают и соблюдают различные обряды тувинского народа 16%, то в большинстве тувинских семей соблюдают только обряд

"Дой" - праздник обстригания волос у трехлетнего ребенка (64.9%). Причем, непосредственно обстригают волосы у своих детей - обряд "Дук-дою" - только 10.6% семей тувинских школьников.

Другие обряды соблюдаются меньшей долей семей тувинских школьников. Так, обряд "Дук-дешкен" - древнейший предсвадебный обряд смешения волос, восходящий к временам, когда тувинские мужчины носили длинные волосы, - соблюдают 34% семей тувинских школьников. Перед свадьбой волосы жениха и невесты смешивают и сравнивают - если волосы одинаковы, значит, брак будет удачным.

Несколько меньше соблюдают обряд "Ова-дагыр" (25.8%) - освящение и поклонение памятному - историческому и поэтому священному знаку, обычно это кучи камней. Проводя опрос в разных районах Тывы, добираясь до населенных пунктов на машине, мы нередко встречали их на обочине дороги, на горных перевалах.

Еще реже в тувинских семьях соблюдают праздник освящения домашнего очага - "Отдагыр" (22.3%). Раньше, когда большинство населения республики жило в юртах, этот обряд считался очень важным, без него жилищем мог овладеть "злой дух", и тогда юрту либо переносили на новое место, либо строили заново (4). В условиях жизни в современных благоустроенных городских или не менее комфортных деревенских квартирах выполнение этого обряда сводится к чисто символическому действию.

Наиболее редким среди семей тувинских школьников оказался обряд "Бугта-даагыр" - освящение поливного канала, отводящего воду на посевные поля (8.4%). Это неудивительно, поскольку растениеводство в отличие от центральных областей России исторически мало использовалось в сельском хозяйстве Тывы, поэтому в свое время религия только в одном этом обряде объединилась с ним.

Интересно, что обряд "Маанай номчуур" - молитва по древним буддистским книгам - соблюдается лишь пятой частью семей тувинских школьников (20%), в то время как буддистами себя называют 54.4% из них.

В этой связи школьникам был задан вопрос: "Если в Вашей семье соблюдают какой-либо из этих обрядов, то считаете ли Вы сами необходимым выполнять его?"

Если среди русских школьников на этот вопрос ответила "да" только их четвертая

Таблица 5.
Профессиональные предпочтения русских и тувинских школьников (%).

сфера деятельности	русские	тувинцы
промышленное производство	6.3	7.2
социальные услуги	3.4	3.9
торговля	14.7	12.1
здравоохранение	8.9	16.0
образование	10.2	16.2
внешняя политика	1.9	6.6
научная деятельность	5.7	10.4
работа в общественных организациях	10.9	8.0
армия, ОВД и ГБ	15.1	6.4
транспорт	11.5	7.9
религия	0	6.5
массовая коммуникация	3.7	7.1
искусство	4	12.3
животноводство	1.9	12.0
юриспруденция	7.0	11.0
спорт	7.3	9.4
культура	2.6	4.3
экономика	13.3	8
национальный промысел	0	4.1
растениеводство	0.8	1.8
горнодобывающая промышленность	0.3	1.0

часть(25.1%), то большинство тувинских школьников считает необходимым для себя соблюдение процедур этих обрядов (81.8%).

Не менее важно для нас было узнать, какие наиболее важные жизненные события жизни школьника и его семьи сохраняют в себе формы традиционного поведения. В этой связи школьникам был задан вопрос: "Обращался ли кто-либо из вашей семьи к шаману, ламе, знахарю по какой-либо надобности или проблеме?" Ответы русских и тувинских школьников на этот вопрос приведены в таблице 4.

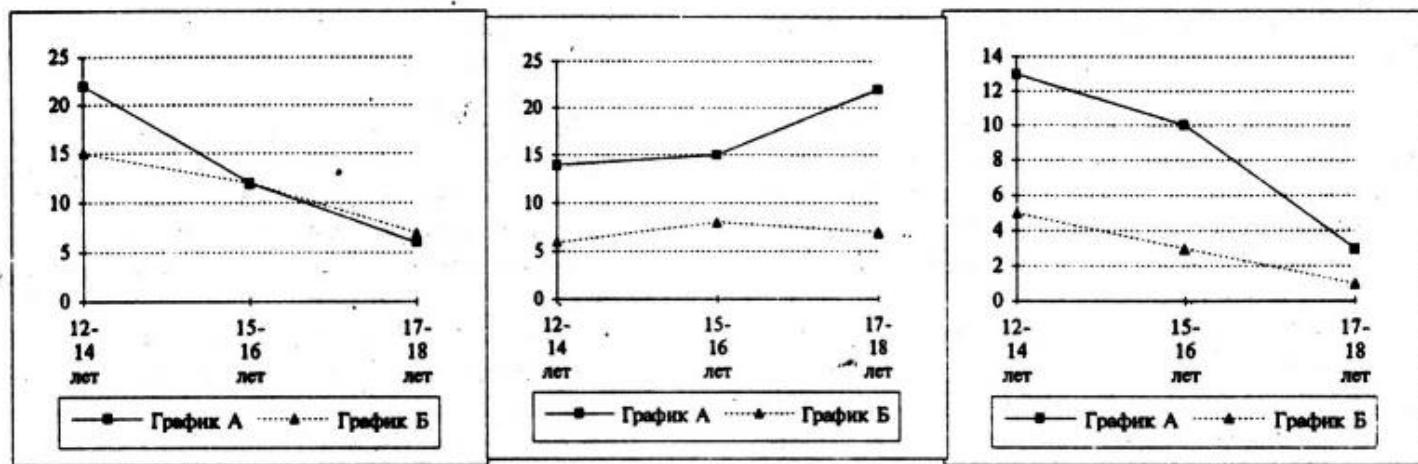
Приведенные таблицы показывают, что есть существенные различия в степени включенности традиционных стереотипов поведения в жизнь русской и тувинской семьи, проживающих в Туве. Так, в силу неприобщенности к традициям коренного населения, а может в силу простого неверия больше половины семей русских школьников не обраща-

лись к помощи знахаря, ламы, шамана. Только в экстремальной ситуации - болезнь - около трети семей русских школьников прибегали к помощи народных целителей.

Существенно больше, свыше половины семей тувинских школьников обращались к шаману, ламе, знахарю по этому поводу. Как и среди семей русских школьников болезнь является наиболее важной причиной приглашения шамана, ламы или знахаря в семьи тувинских школьников .

Если семьи русских школьников никак не связывают такие события как смерть близких людей или переезд в новый дом с традиционными для Тулы формами поведения, то около половины семей тувинских школьников оформляют их соответствующими ритуалами.

Традиционно свадьбу с приглашением на нее шамана, ламы или знахаря отмечают около трети, а рождение ребенка - 16.8% семей тувинских школьников.

Рис. 7. Возрастная динамика профессиональных ориентаций русских (график А) и тувинских (график Б) школьников в сфере: торговли (слева), службы в армии, ОВД и ГБ (в середине) и общественных организациях (справа).

Интересно, что при разгадывании снов - очень важной, как свидетельствуют местные этнографы (3), части религиозной жизни тувинской семьи - к их толкованию призывают шамана, ламу или знахаря десятая часть семей тувинских школьников. Только ушедший в далекое прошлое обряд подготовки к охоте в данное время почти не приводит к общению с шаманом, ламой, знахарем.

В целом, при соблюдении обрядов семьи тувинских школьников не обязательно приглашают на них ламу, шамана или знахаря. Так, из числа празднувших обряд рождения ребенка на него приглашают ламу или шамана 19.3%, а из тех семей, где совершают обряд "дук-дою" (обстригания волос) на праздник рождения ребенка приглашают ламу 27.3%.

Кроме того, 39.3% семей тувинских школьников, которые отмечают обряд "дук-дешкен" (буквально, смешение волос), на свадьбу приглашают ламу, шамана или знахаря.

Наконец, 61.5% семей тувинских школьников при соблюдении обряда "ова-дагыыр" (освящение очага) приглашают на него ламу, шамана или знахаря.

К обряду "маанай номчуур" (чтение молитв по древним буддистским книгам) как лечебному средству прибегает пятая часть семей тувинских школьников, когда они обращаются к ламе, шаману или знахарю в случае болезни одного из членов семьи (24.4%).

Такая же доля тувинских школьников просят ламу или шамана совершить этот обряд, когда приглашают его на свадьбу (26.4%), освящение дома (24.9%), похороны (24.8%). Интересно, что около половины обращающихся к ламе или шаману с просьбой

толкования снов просят его использовать при этом молитвы по древним буддистским книгам (48.6%).

Несколько большая доля семей просит ламу или шамана совершить ритуальную процедуру подготовки к охоте (48.6%), или когда они празднуют рождение ребенка (31.8%).

Глава 3. Профессиональные планы. Школьник и работа.

Как показал анализ ценностных ориентаций учащихся, каждый второй из них называет успешную профессиональную деятельность значимой для себя (48.6% среди русских и 51.8% среди тувинцев). В этой связи проанализируем более детально профессиональные ориентации школьников. Здесь мы рассмотрим привлекательность для них различных сфер профессиональной деятельности, а также мотивы, влияющие на выбор профессии. Кроме того, специальная часть главы будет посвящена проблеме "школьник и работа". В ней будут описаны возможности учащихся совмещать работу и учебу, характер их работы, а также побуждения к ней.

Начнем с общего сопоставления профессиональных предпочтений русских и тувинских школьников.

Содержательный анализ профессиональных предпочтений школьников показывает, что у русской и тувинской части выборки они носят отчасти сходный, отчасти противоположный характер.

Так, наиболее популярная среди русских школьников служба в армии, органах внутренних дел и госбезопасности (15%) оказалась на одном из последних мест в списке профессиональных предпочтений тувинцев (6.4%). Стоящее на одном из первых мест в профессиональном самоопределении тувинских школьников (12%) искусство оказалось почти в конце списка у русских (4%).

В первую по привлекательности группу профессий для тувинских школьников входят сферы здравоохранения, образования, искусства, торговли, животноводства. Все вместе они охватывают 68% профессиональных предпочтений тувинских школьников.

Русские в предпочтаемую группу профессий включают службу в армии, торговлю, экономику, транспорт и работу в общественных организациях (65%).

У тувинцев в списке приоритетов в выборе профессии нет работы в общественных организациях, которая у русских занимает 5 место (11%).

Если в средствах массовой коммуникации рассчитывают работать 8.3% тувинских

школьников, то среди русских старшеклассников к этому выбору склоняется лишь 3.5%.

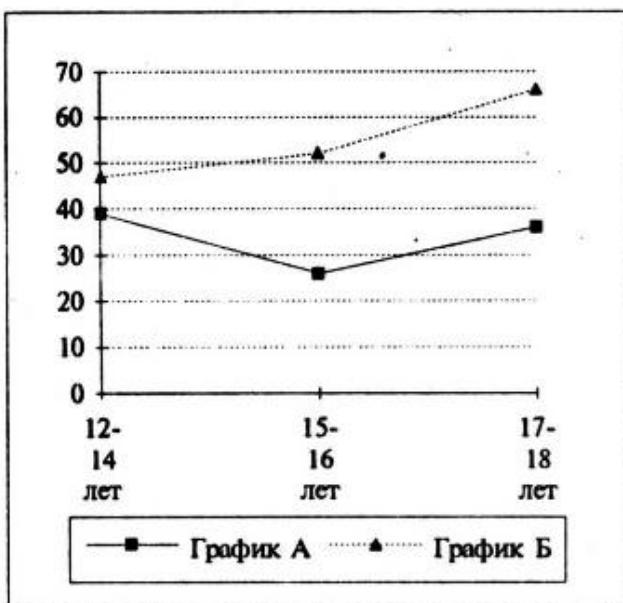
Наконец, у русских экономика занимает в списке профессиональных предпочтений 3 место (13%), тогда как у тувинских школьников она сместилась к середине списка (8%). У тувинских школьников юриспруденция более популярна (11%), чем у русских школьников (7%).

Более половины тувинских школьников предпочитают профессии, требующие высшего образования - здравоохранение, образование, искусство. Их профессиональные ориентации носят преимущественно гуманистический характер и в отличии от профессиональных ориентаций русских школьников связаны с работой с людьми. В то время, как среди русских школьников большей популярностью пользуются профессии, приносящие высокий доход - служба в армии, милиции, органах государственной безопасности, работа в сфере торговли, экономики, транспорта.

Можно думать, что тувинские школьники более склонны в своих предпочтениях воспроизводить модель пирамиды профессий (60-70-х годов), которая определяет статус про-

Таблица 6. Мотивы выбора профессии школьниками (в %).

мотивы	русские	тувинцы
уровень оплаты труда	40	24
возможность принести пользу людям	32	48
удовлетворение от труда в данной обл.	26	22
возможность развить свои способности	20	22
социальная престижность профессии	18	21
интеллектуальный характер профессии	20	15
возможность общения с людьми	17.5	13
возможность быстро сделать карьеру	14	11
творческий характер труда	6	19
простой и легкий характер труда	18	7
возможность иметь много свобод. времени	12	12
сложность профессии	12.5	7
возможность легко устроится на работу	11	6
традиционность профессии для семьи	7.6	10
традиционность профессии для народа	2.6	8.4
возможность командовать другими	3.6	5

Рис. 8. Сопоставление возрастной динамики мотивов профессионального самоопределения русских (график А) и тувинских (график Б) школьников: возможность принести пользу (слева) и социальная престижность профессии (справа).

фессии в зависимости от уровня образования. Русские же школьники оказались более чувствительными к современным социо-экономическим реальностям. Пирамида предпочтений у них определяется экономическими возможностями, предоставляемыми профессиями.

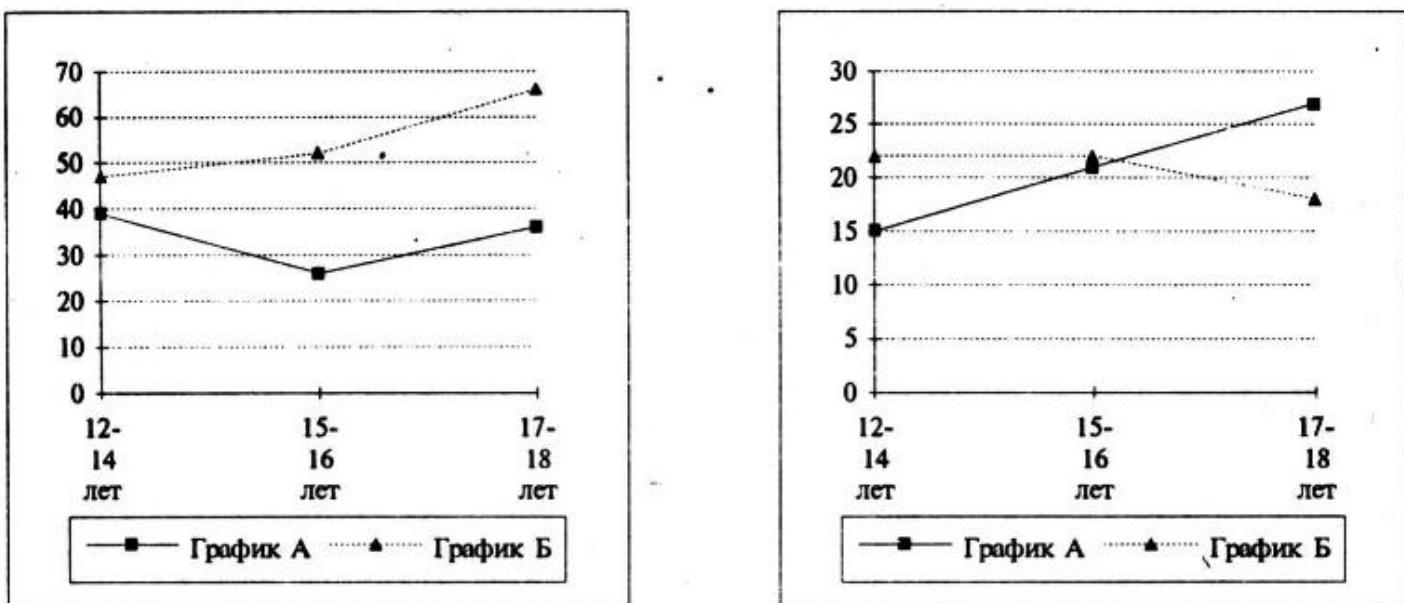
Профессиональные ориентации русских и тувинских школьников во многом определяются демографическими факторами: их половой принадлежностью и возрастом.

Так, службу в армии, ОВД и ГБ и работу на транспорте существенно чаще, чем девушки, называют своей будущей профессией русские и тувинские юноши (среди русских юношей выбравших армию - 29%, транспорт - 23%, а среди девушек армию выбрали всего 5%, транспорт - 1%; среди тувинских школьников выбравших армию юношей - 14%, транспорт - 18%, среди девушек связывают свою профессиональную деятельность с армией - 3%, а с транспортом - 2%).

Кроме того, несколько большая доля тувинских юношей связывают свою профессию с животноводством (18% юношей и 7% девушек) и спортом (15% юношей и 5% девушек).

В отличие от русских тувинские девушки несколько чаще связывают свою будущую профессию со сферами экономики (20% девушек и 7% юношей) и торговли (17% девушек и 7% юношей).

Рассмотрим возрастные изменения профессиональных ориентаций школьников Тувы (рис.7).

Сопоставление возрастных тенденций профессиональных ориентаций русских и тувинских школьников показывает, что здесь существуют некоторые различия, в частности, касающиеся динамики отношения школьников к отдельным профессиям.

Как среди русских, так и среди тувинских школьников с возрастом падает интерес к профессиям, связанным с торговлей (22% - 6% и 15% - 7%) и увеличивается предпочтение как русскими, так и тувинскими школьниками профессии юриста и экономиста (в среднем на 7%). Однако, если интерес к службе в армии, ОВД и ГБ среди тувинских школьников остается на одном и том же уровне (в среднем 7%), то среди русских школьников он возрастает (14% - 22%). У русских школьников более сильно, чем у тувинских, с возрастом падает первоначально достаточно высокий интерес к работе в общественных организациях (13% - 3% и 5% - 1%).

Следует отметить, что в целом с возрастом как у тувинских, так и у русских школьников происходит сужение круга выбираемых профессий, причем более интенсивно оно протекает в русскоязычных школах.

Помимо демографических факторов существенное влияние на выбор профессии оказывает стратификационный фактор - уровень образования родителей. Так, независимо от национальности школьника с повышением уровня образования матери растет вероятность его предпочтения экономики в качестве сферы своей профессиональной деятельности

Таблица 7.
Факторные нагрузки для мотивов выбора профессии русскими школьниками.

мотивы	1фактор	2фактор	3фактор	4фактор
уровень оплаты труда	-.11	.88	.07	.20
социальная престижность профессии	-.01	.83	-.08	-.16
простой и легкий характер труда	-.49	.10	.63	.06
возможность иметь много свободного времени	-.09	.15	.84	-.07
удовлетворение от труда в данной области	.12	.39	.44	-.58
возможность быстро сделать карьеру	.39	-.01	.79	-.05
традиционность профессии для семьи	.21	.67	-.04	-.07
возможность развить свои способности	.79	.05	.08	-.06
интеллектуальный характер профессии	.30	.18	.30	.62
возможность командовать другими	.75	.32	-.03	.10
творческий характер труда	.01	-.13	.45	-.01
возможность принести пользу людям	.56	-.32	.06	.14
возможность общения с людьми	.87	-.20	.04	.22
сложность профессии	.79	-.13	.34	.23
традиционность профессии для народа	.77	.13	-.02	-.06
возможность легко устроится на работу	.13	.12	-.16	.88

(от 5% тувинских школьников со средним образованием матери до 15% с высшим образованием; у русских соответственно: 8% и 17%). Заметно увеличивается в зависимости от уровня образования отца ориентация тувинских школьников на юридические профессии (от 9% со средним образованием отца до 17% с высшим образованием).

В ходе исследования мы попытались выявить мотивы профессионального самоопределения школьников.

Мотивы, на которые опираются школьники при выборе профессии, представлены в таблице 6.

Как видно из таблицы 6, наиболее сильной детерминантой выбора профессии для русских школьников является уровень оплаты труда (40%), в то время как тувинские школьники этот аспект профессии в качестве критерия ее привлекательности выдвигают заметно реже (24%).

Главное побуждение тувинских школьников в выборе профессии - это возможность принести пользу людям (48%). У русских этот мотив на втором месте (32%). Таким образом, два основных мотива выбора профессий поменялись местами в ответах двух разных по национальности частей выборки.

Для тувинских школьников обладает значительно большей, чем для русских, побудительной силой творческий характер труда (19% и 6%), в то время как русские школьники отдают явное предпочтение простому и легко-му труду (18% и 7%).

У тувинских школьников более важен мотив традиционности для народа соответствующей профессии (8.4%). Это различие обусловлено отчасти разницей в стилях воспитания, принятых в тувинской и русской семьях (поскольку родители-тувинцы занимаются животноводством и промыслами чаще, чем русские) и отчасти пробуждением национального самосознания тувинцев, всплеском интереса к самобытности своего народа.

Сопоставление данных в целом дает основание к выводу о том, что русские подростки в отличие от своих тувинских сверстников при выборе профессии более ориентированы на ее прагматические аспекты (уровень оплаты труда, простой и легкий характер труда). Для тувинских школьников более характерны при выборе профессии гуманистические ценностные установки (возможность принести пользу людям, творческий характер труда). Это наталкивает на мысль об общей тенденции к соци-

Таблица 8.
Факторные нагрузки для мотивов выбора профессии тувинскими школьниками.

мотивы	1фактор	2фактор	3фактор	4фактор
уровень оплаты труда	.80	.03	-.04	-.41
социальная престижность профессии	.86	.33	-.10	-.01
простой и легкий характер труда	.95	.09	-.01	-.06
возможность иметь много свободного времени	.81	.03	-.18	.31
удовлетворение от труда	.84	.10	.32	.12
возможность быстро сделать карьеру	.65	-.09	.62	.07
традиционность профессии для семьи	.67	-.22	.63	-.07
возможность развить свои способности	.12	-.02	.92	.23
интеллектуальный характер профессии	-.22	-.04	.80	-.21
возможность командовать другими	-.01	.21	.78	-.29
творческий характер труда	-.16	.25	.34	-.76
возможность принести пользу людям	-.09	.71	.17	-.51
возможность общения с людьми	-.04	.86	-.09	-.41
сложность профессии	.02	.90	-.07	-.16
традиционность профессии для народа	.19	.78	.05	.17
возможность легко устроится на работу	.24	.89	.05	-.05

альной маргинализации русских подростков, проживающих в Туве.

Рассмотрим возрастные тенденции изменения мотивации профессионального самоопределения школьников, проживающих в Туве. На рисунке 8 приведены наиболее контрастные различия возрастных изменений значимости факторов, определяющих выбор профессии русскими и тувинскими школьниками.

Помимо этого следует отметить, что среди тувинских школьников с возрастом также существенно увеличивается значимость мотива удовлетворения от труда при выборе будущей профессии (23% - 36%). У русских же уменьшается значимость мотивации: уровень оплаты труда (44% - 34%), традиционность профессии для семьи (11% - 3%), возможность быстро сделать карьеру (19% - 5%). Таким образом, прослеживаются важные возрастные тенденции, различающие мотивацию выбора профессии у тувинцев и русских.

Факторный анализ взаимосвязи мотивов выбора профессии с различными сферами профессиональной деятельности в предыду-

щих исследованиях Центра социологии образования РАО (6) показал, что в основе профессионального самоопределения московских школьников лежат три фактора: "стремление выбрать сферу профессиональной деятельности, которая могла бы принести материальное благополучие" - первый фактор; "стремление к творческой самореализации" - второй фактор; и, наконец, "стремление к самоутверждению".

В данном исследовании мы провели подобный же анализ. Исходную матрицу для факторного анализа составили 16 мотивов выбора профессии и 21 сфера профессиональной деятельности. Результаты обработки данных методом вращения varimax представлены в таблице 7.

Четыре выделенных фактора объясняют 67% общей дисперсии.

Как видно из таблицы 7, первый фактор с высокими значимыми нагрузками определили следующие мотивы выбора профессии: "возможность общения с людьми" (0.87), "возможность развить свои способности" (0.79), сложность профессии (0.79). По нашему мнению,

этот фактор профессионального самоопределения школьников можно определить как стремление к "личностной самореализации".

Второй фактор определили такие мотивы, как "уровень оплаты труда" (.88), "социальная престижность профессии" (.83). По своему содержанию этот фактор характеризует стремление к высокому социальному и материальному статусу.

В третий фактор с высокими нагрузками вошли следующие мотивы: "возможность иметь много свободного времени" (.84), "возможность быстро сделать карьеру" (.79), "простой и легкий характер труда" (.63). Этот фактор можно определить как стремление к легкому жизненному пути ("легко", "быстро", "много").

Наконец, четвертый фактор определили мотивы: "возможность легко устроится на работу" (.88).

Последний фактор достаточно интересен, поскольку свидетельствует о том, что русские старшеклассники становятся достаточно чувствительными к ситуации, складывающейся на рынке труда в связи с ростом безработицы.

В таблице 8 приведены результаты факторизации матрицы пересечений мотивов и конкретного выбора профессии тувинскими школьниками.

Четыре выделенных фактора объясняют 83% общей дисперсии.

Первый фактор определили со значимыми нагрузками следующие мотивы выбора профессии: "простой и легкий характер труда" (.95), "социальная престижность профессии" (.86), "удовлетворение от труда" (.84), "уровень оплаты труда" (.80), "возможность иметь много свободного времени" (.81), "возможность быстро сделать карьеру" (.65). Данный фактор характеризует прагматическое стремление выбрать сферу профессиональной деятельности, которая могла бы обеспечить социально-экономическое благополучие.

Во второй фактор с высокими нагрузками вошли мотивы: "сложность профессии" (.90), "возможность легко устроится на работу" (.89), "возможность общения с людьми" (.86), "традиционность профессии для народа" (.78) и "возможность принести пользу людям" (.71). Данный фактор характеризует в определенной степени стремление к реализации традиционистской системы ценностей профессиональной деятельности (с гуманистический смысл).

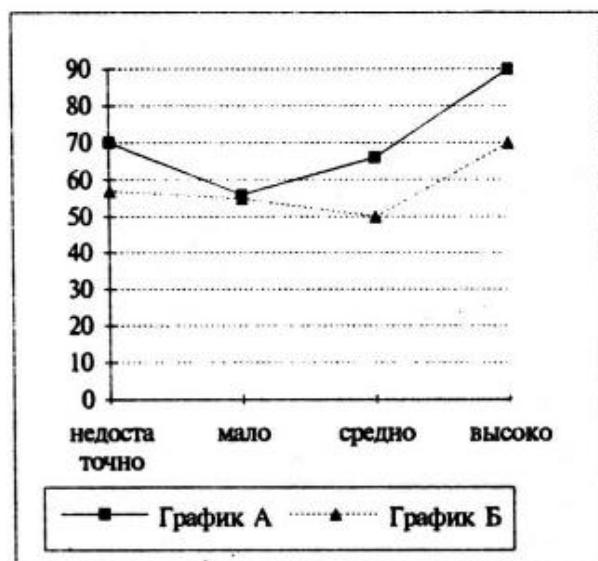

Рис.9. Зависимость доли отрицательных ответов на вопрос о возможности работать от уровня дохода семьи русского (график А) и тувинского (график Б) школьника.

Третий фактор определили следующие мотивы: "возможность развить свои способности" (.92), "интеллектуальный характер профессии" (.80), "возможность командовать другими" (.78), "возможность быстро сделать карьеру" (.62). Этот фактор можно определить как стремление к самореализации.

Четвертый фактор определил мотив: "творческий характер труда" (-.76). Этот фактор прост по своей структуре и определяет стремление к творчеству.

Таким образом, факторный анализ показывает, что структура мотивации выбора профессиональной деятельности у русских и тувинских школьников имеет весьма существенные особенности.

При этом важно подчеркнуть, что в отличие от своих русских сверстников тувинские школьники в целом в большей степени склонны воспроизводить традиционистскую систему мотивации при выборе своей профессиональной деятельности.

Теперь рассмотрим реальные возможности школьников совмещать работу и учебу.

Мы задали школьникам такой вопрос: "Имеете ли Вы возможность для заработка денег?" Если большинство (60%) тувинских школьников имеют возможность заработать деньги, то среди русских таких заметно меньше (46.7%).

Характерно, что среди тувинских и русских школьников с возрастом доля работающих фактически не меняется. Таким образом, взросление школьника никак не сказывается

Таблица 9. Причины, заставляющие школьников Тувы работать (в %).

причины	русские	тувинцы
желание помочь своим родственникам и близким	14	16
желание иметь свои собственные деньги	42	26
стремление быть материально независимым	20	8
интересный характер работы	10	20
самостоятельность в заработках	15	17.6
желание получить профессиональные навыки	9	6
желание попробовать свои силы	10	14
возможность общения с разными людьми	3	3
стремление помочь людям	4	11
желание приобрести жизненный опыт	7.6	9
плохое материальное положение	1	2
необходимость оплаты своего образования	0.8	2

на установках к поиску возможностей для дополнительного заработка. Можно думать, что подобные установки формируются в младшем подростковом возрасте.

Наряду с вопросом о возможности найти работу мы просили школьников отметить, имеет ли она постоянный характер.

Ответы распределились следующим образом. Постоянно работают вдвое больше тувинских, чем русских школьников (16% и 7%). Опять же несколько больше тувинских школьников работают только на каникулах (46% и 33%). Наконец, только периодически подрабатывают равное число как русских, так и тувинских школьников (16%).

В целом, можно констатировать, что среди русских школьников совмещают работу с обучением в школе примерно вдвое меньше, чем среди тувинских.

Этот факт можно объяснить проживанием большей части тувинских школьников в сельской местности, в которой школьники имеют больше возможностей для работы, особенно в летние каникулы, во время уборки урожая и на пастбищах.

В этой связи возникает вопрос о том, как уровень дохода и число детей в семье, влияют на совмещение работы и учебы у школьников.

Начиная с уровня малообеспеченной семьи к высокообеспеченным семьям, растет возможность для тувинских школьников зарабатывать деньги (56% - 90%) и падает доля школьников, которые указывают, что не имеют такой возможности (46% - 21%).

Такой зависимости нет среди русских школьников. Школьники из недостаточно обеспеченных, малообеспеченных, среднеобеспеченных семей имеют одинаковый шанс найти работу (55% в среднем).

На рисунке 9 можно увидеть, что основное различие тенденций связи между возможностями работать русского и тувинского школьника и уровнем дохода его семьи сводится к тому факту, что, если среди русских школьников с повышением уровня дохода семьи существенно увеличивается число их отрицательных ответов о возможности работать, то среди тувинских школьников с повышением уровня дохода семьи доля подобных ответов повышается незначительно.

Таблица 10.
Общая оценка школы русскими и тувинскими школьниками (в %).

ответы	русские	тувинцы
нравится	53	69
безразлична	20	7
совершенно не устраивает	19	14

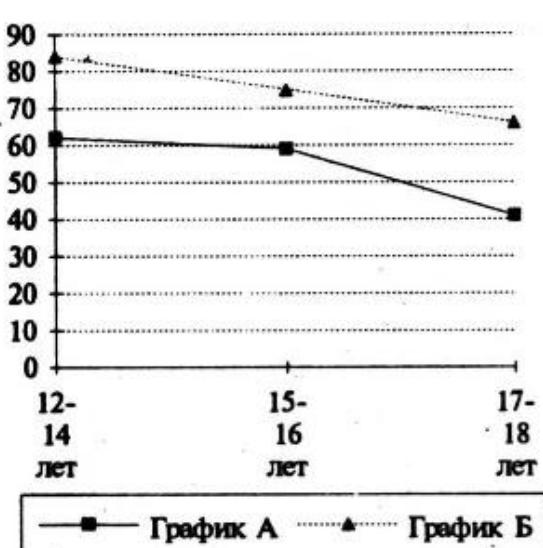

Рис. 10. Возрастная динамика отношения к школе русских (график А) и тувинских (график Б) школьников; школа нравится (слева), школа не устраивает (справа).

От многодетности семьи, в которой воспитывается школьник, его возможность подрабатывать зависит следующим образом. Если в зависимости от числа детей (от одного брата или сестры к трем и более) в семье русского школьника растет вероятность того, что он работает (50% - 64.5%), то в ответах тувинских школьников такой зависимости фактически нет (61% - 66.7%).

Анализируя социально-демографические факторы, побуждающие школьников работать, не менее важно определить и те субъективные факторы, которые заставляют школьников искать работу.

В таблице 9 отмечены причины, побуждающие русских и тувинских школьников работать.

Обращает на себя внимание тот факт, что главной причиной работы для школьников выступает желание иметь свои собственные деньги. Причем, этот мотив более характерен для русских школьников (42%). Близко к нему по смыслу стоит и стремление русских школьников быть материально независимыми (20%). У тувинцев же эта мотивация малозначима.

Тувинских школьников наряду с желанием иметь свои собственные деньги привлекает интересный характер работы (20%).

Характерно при этом, что материальное положение семьи редко служит причиной,

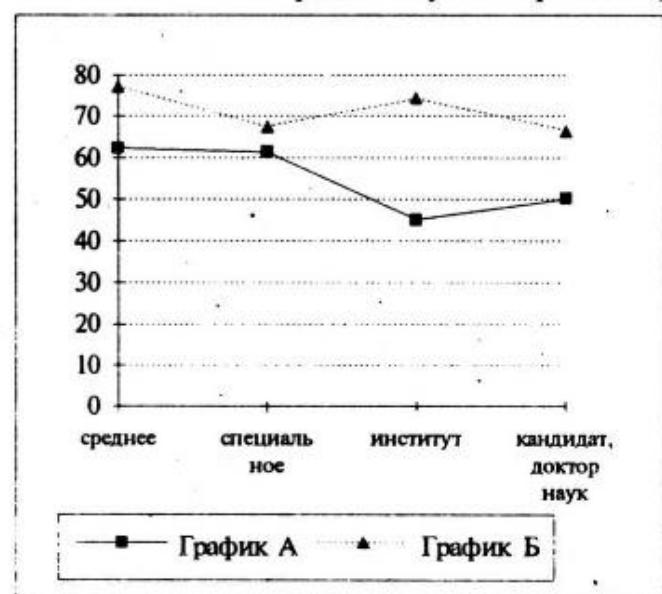
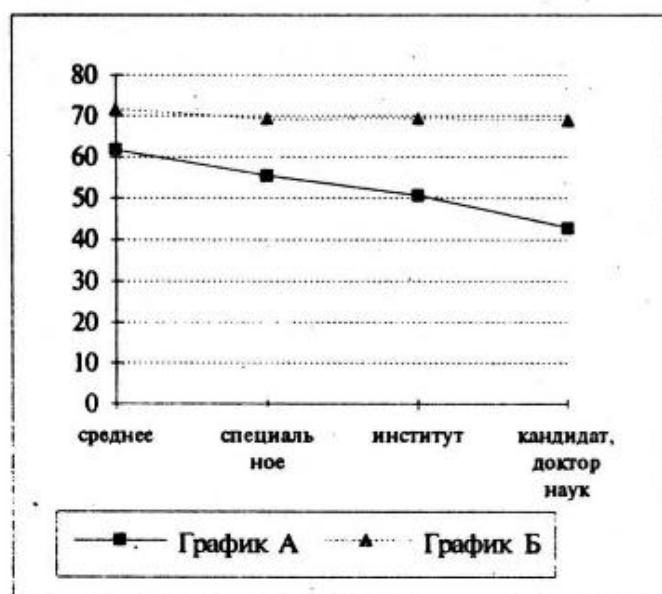
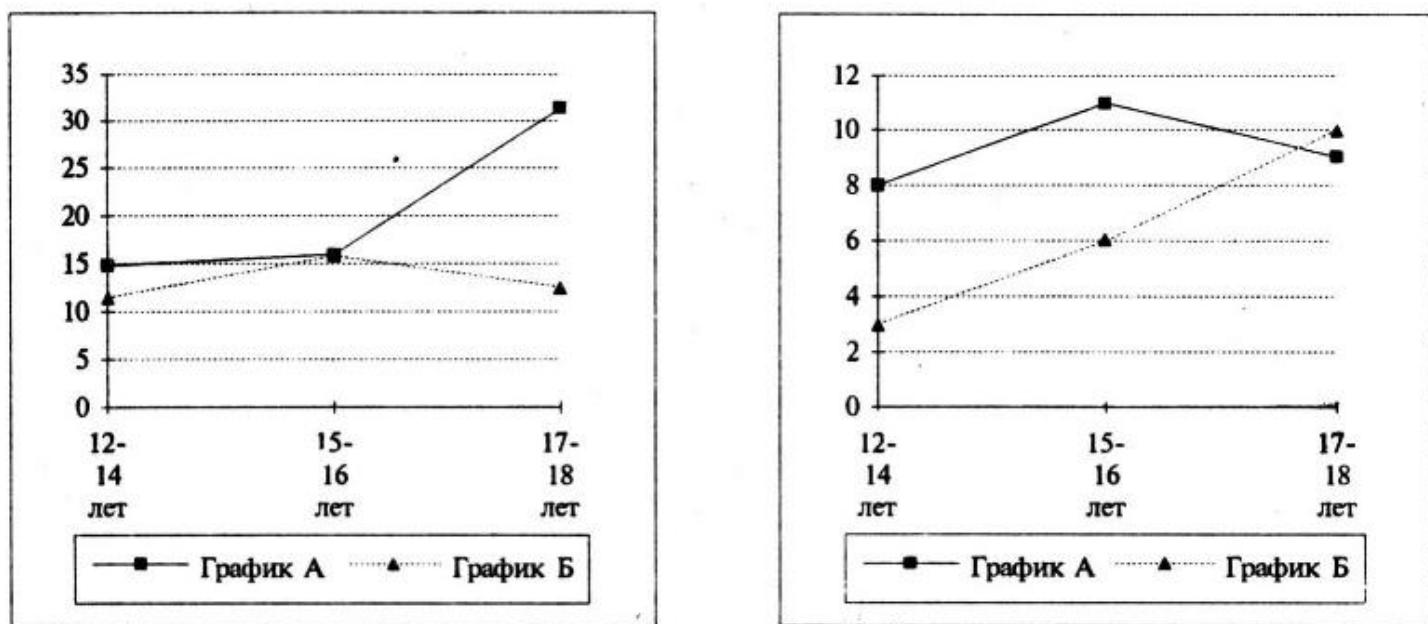

Рис. 11 Зависимость характера отношения русских (график А) и тувинских (график Б) учащихся к своей школе от уровня образования родителей: отца (слева) матери (справа).

Рис. 12. Возрастная динамика требований к школе русских (график А) и тувинских (график Б) учащихся: отсутствие специализации школы или классов (слева) и негативные отношения счителями (справа).

толкающей школьников работать; различия русских и тувинцев здесь незначительны.

Глава 4. Образовательные планы. Отношение к школе.

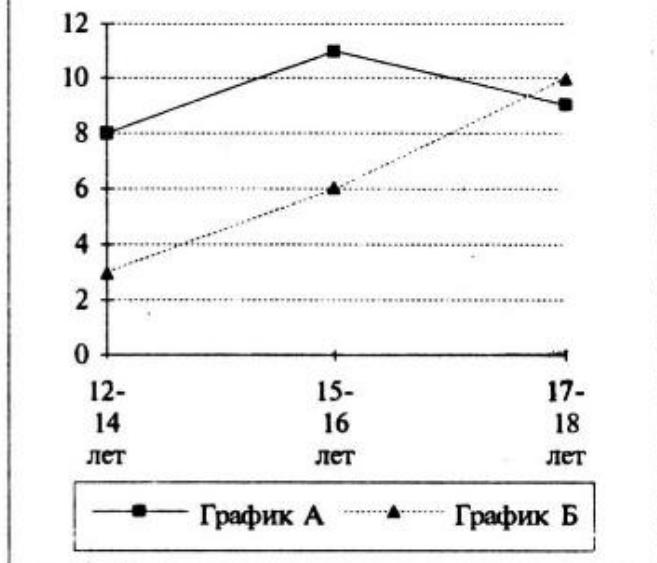
В данной главе мы рассмотрим ряд моментов, связанных с оценкой школьниками образовательной ситуации в Туве.

Важным источником образовательных ориентаций школьников является их мнение о школе, в которой они учатся. Попытаемся выяснить те положительные и отрицательные факторы, которые наиболее значимы при оценке школы, и то, как они изменяются с возрастом. Начнем с общего сопоставления отношения к школе русских и тувинских школьников(см. таблицу 10).

Как видно из таблицы, среди тувинских школьников заметно больше тех, кто положительно относится к своей школе.

Русские же школьники в целом более взыскательны по отношению к своей школе. Хотя больше половины из них утверждают, что им нравится их школа (53%), пятая часть совершенно безразлична к своей школе (20%) и почти стольких же школьников их школа совершенно не устраивает (19%). Посмотрим, как разделились мнения о школе в разных по возрасту группах учащихся.

Из рисунка 10 видно, что положительное отношение к школе у русских и тувинских школьников с возрастом постепенно падает (61% - 41% и 83% - 66%). Параллельно с этим

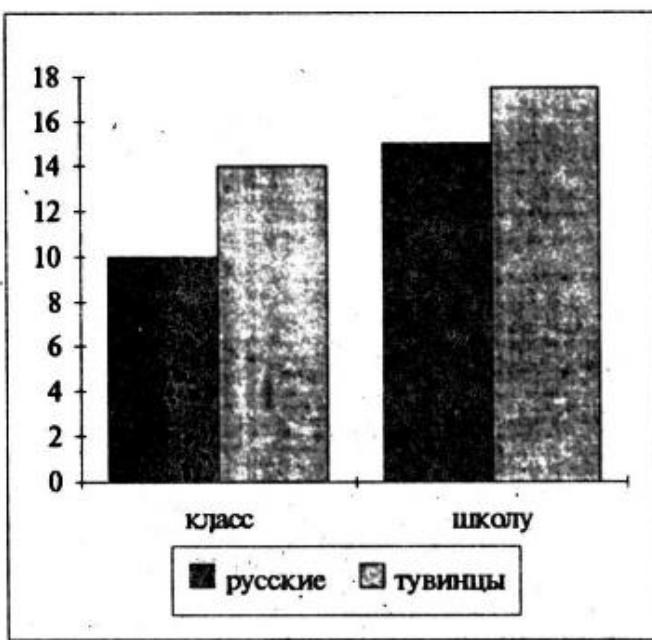
как среди русских, так и среди тувинских учащихся резко возрастает число *ю* недовольных (18% - 34% и 11% - 24%).

К выпускным классам каждый третий русский и каждый четвертый тувинский оказывается недовольным своей школой

Как свидетельствуют наши данные, характер отношения ученика к школе во многом определяется уровнем образования его родителей. Причем, здесь есть существенные различия между русскими и тувинскими школьниками. Если у тувинских школьников определяющим в их ответах на этот вопрос оказывается уровень образования матери, то у русских большое влияние на них оказывает уровень образования как отца, так и матери. Даные закономерности представлены на рисунке 11.

На рисунке 11 отчетливо выражена тенденция падения в зависимости от уровня образования отца у русских школьников положительного отношения к школе (61.8% со средним образованием отца и 43% - с высшим образованием отца). В то же время отношение к школе тувинского ученика никак не зависит от уровня образования отца.

По-разному у русского и тувинского школьника отношение к школе связано с уровнем образования матери. Если повышение уровня образования матери русских учеников приводит, также как и повышение уровня образования его отца, к падению доли хорошо относящихся к школе (62.3% со средним образованием матери и 50% - с высшим)

и увеличению доли безразличных к ней учеников (соответственно 15.8% и 33.3%), то с ростом образования матери тувинского учащегося его отношение к школе изменяется несколько скачкообразно. Так, переход от среднего к среднему специальному (ПТУ, техникум, колледж) образованию матери приводит к снижению доли тувинских учеников, которым школа нравится (77.3% - 67.5%) и увеличению доли тех, кого она совершенно не устраивает (12.8% - 22.2%). Высшее же образование матери, напротив, связано с повышением доли учеников, хорошо относящихся к школе (74.3%), и понижением доли среди них тех, кого школа абсолютно не устраивает (12.6%).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что с повышением уровня образования матери растет положительная мотивация уч-

ения у тувинских школьников. С нашей точки зрения, в социокультурном плане этот факт достаточно принципиален.

В связи с вышеизложенным логически возникает вопрос о причинах неудовлетворенности школой. В ходе исследования мы пытались выяснить, какие факторы, по мнению учащихся, обуславливают их неудовлетворенность школой.

Сопоставление ответов русских и тувинских школьников показывает отсутствие значимого различия между ними.

В целом, распределение ответов показывает, что в наибольшей степени школьники неудовлетворены отсутствием желаемой специализации школы (19.7% ответов русских и 14% тувинских школьников), плохой организацией досуга (16.3% среди тех и других), низким качеством дополнительных занятий (8.1% ответов русских и 12.3% ответов тувинских школьников), низким профессиональным уровнем педагогов (6.3% и 9.2% соответственно) и, наконец, негативными взаимоотношениями с учителем (6.3% и 9.2%).

Таким образом, двумя основными недостатками школы русские и тувинские школьники называют отсутствие специализации школы или классов и плохую организацию досуга.

Рассмотрим возрастную динамику изменения требований к школе учащихся Тывы.

Как видно из рисунка, с возрастом русские школьники чаще, чем тувинские требуют специализации школы или классов (14.8% - 31.3%), среди тувинских учащихся число таких требований фактически неизменно (11.5% - 12.6%). Кроме того, если среди рус-

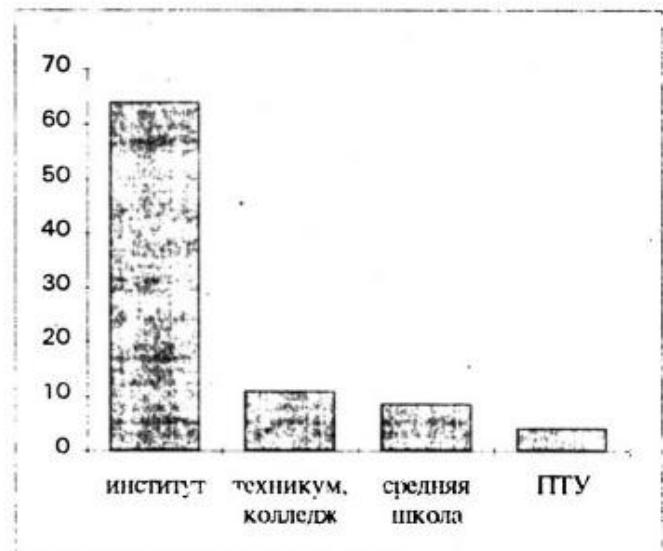
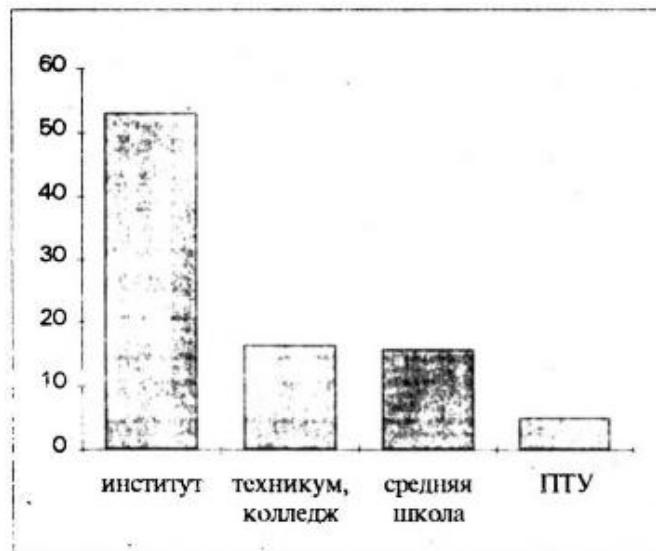

Рис. 14. Образовательные планы русских (слева) и тувинских (справа) школьников.

Таблица 11.
Причины, влияющие на продолжение образования (в %).

причины	русские	тувинцы
традиции семьи	16.5	20
престижность профессии	33	38
мнение родителей	36	41
уровень индивидуальных способностей	28.4	22
советы друзей	16	21
честолюбивые стремления	11	12
материальные возможности родителей	14	10
престижность учебного заведения	13.5	21
советы учителей	13	23

ских учащихся доля тех, у кого не сложились отношения с учителями, с возрастом не меняется, остается на уровне 10%, то среди тувинских школьников доля таких ответов растет от почти нулевого в седьмых к 10% уровню в одинадцатых классах.

Помимо этого сходным оказалось увеличение с возрастом неудовлетворенности тувинских и русских школьников плохой организацией их досуга (13% - 35% и 17% - 35%). Различия же возрастных тенденций отношения к школе русских и тувинских школьников сводятся к следующему. Общая для русских и тувинских школьников тенденция роста неудовлетворенности досугом дополняется еще и увеличением с возрастом числа жалоб русских школьников на отсутствие или низкое качество дополнительных занятий (12% - 20%).

Таким образом, среди русских школьников увеличивается неудовлетворенность отсутствием специализации школы или классов и низким качеством дополнительных занятий, иными словами, у них повышаются собственно образовательные требования.

Теперь рассмотрим, насколько сильно среди проживающих в Туве школьников стремление сменить класс или школу. Тенденции представлены на рисунке 13.

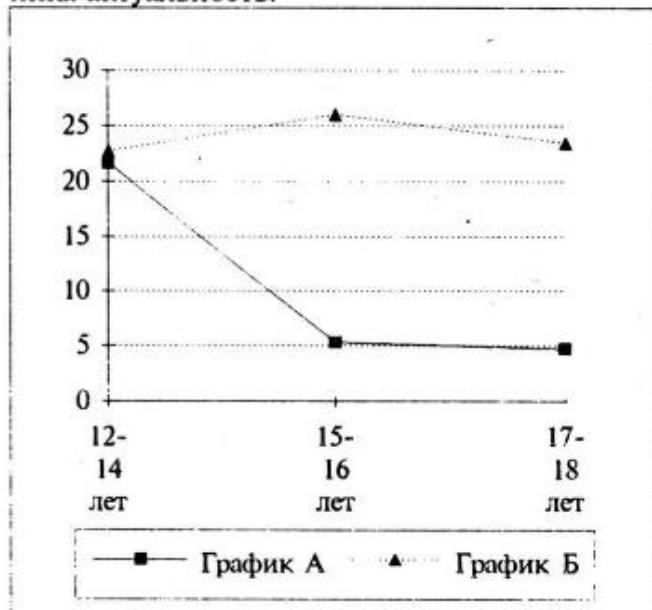
Приблизительно равные доли русских и тувинских школьников стремятся поменять свое место учебы. А именно, 10% русских школьников собираются поменять класс и 15% при возможности сменили бы школу, в то время как 14% тувинских школьников использовали бы шанс поменять свой класс, и 17.5% из них готовы перейти в другую школу.

В целом, эти факты свидетельствуют о достаточно высокой неудовлетворенности учащихся школой. Рассмотрим, как по возрастам распределилось стремление школьников, проживающих в Туве, сменить школу или класс.

Как среди тувинских, так и среди русских учащихся, несмотря на приближение конца обучения в школе, почти не меняется стремление к ее смене (22% - 19%, 16% - 10%).

Желание сменить класс падает более резко у тувинских школьников (23% - 6%), чем у русских (16% - 8%).

Таким образом, к окончанию школы вопрос о смене ее ли класса теряет для школьника актуальность.

Рис. 15. Возрастная динамика ориентации русских и тувинских школьников на советы учителей в вопросе о продолжении образования.

Таблица 12.
Представление школьников Тувы о препятствах на пути к продолжению их образования.

Причины	Русские	Тувинцы
слабое здоровье	11	14
недостаточные способности	20	17
отсутствие интереса к учебе	18.6	10
страх перед экзаменами	25	35
материальное положение семьи	12.6	11
невысокий уровень образования родителей	2	6
незанимательность учителей в моем развитии	7	10
низкий уровень знаний, полученных в школе	15	23
трудности при устройстве на работу	8.4	13
Неразвитость социальных программ помощи студентам	6.3	14
Среди большинства моих друзей образование не считается ценностью	11	4
Другое	4	6.6

Интересно проследить, как отношение к школе связано с образовательными ориентациями школьников. Для этого необходимо, во-первых, оценить тот уровень образования, который наиболее соответствует их жизненным планам. Во-вторых, мы можем оценить значимость тех или иных факторов, в том числе связанных со школой, которые по мнению русских и тувинских учащихся побуждают их принять решение о продолжении образования. Наконец, в третьих, мы можем выделить комплекс причин снижающих, по мнению школьников, их потребность в продолжении образования.

Подавляющее большинство старшеклассников уже определилось в вопросе о необходимом для себя уровне образования. Только лишь для 8.5% русских и 11.3% тувинских школьников вопрос о желаемом уровне образования остался нерешенным.

Половина как тувинских, так и русских школьников предполагают продолжить образование в институте или университете (52% и 48.6%). Несколько меньше тувинских, чем русских, школьников готовы удовлетвориться уровнем техникума или колледжа (11% и 16.4%). Вдвое больше тувинских, чем русских школьников считают возможным для себя либо достичь максимального образовательного уровня, стать кандидатами и докторами наук (12% и 6.6%), и, напротив, думают остановиться в своем образовании на уровне вы-

пусканика средней школы вдвое больше русских школьников (15.7% и 8.7%). Приблизительно одинаковое число тувинских и русских школьников думают завершить свое образование в ПТУ (5% и 4.2%).

В целом уровень образовательных притязаний тувинских школьников несколько выше. В ходе социологического опроса мы попытались выяснить, какие факторы, по мнению опрашиваемых, в наибольшей степени влияют на решение школьников о продолжении ими своего образования.

Как видно из таблицы 11, наиболее существенным фактором, обуславливающим решение школьников Тувы продолжить свое образование, является мнение родителей. Вторая наиболее важная причина, побуждающая и тувинских и русских школьников к этому решению - это престижность выбранной профессии. Не игнорируется при этом решении и реальная оценка школьниками своих способностей, причем у русских школьников она играет более важную роль. Тувинские школьники же более полагаются на советы учителей и друзей, учитывают при принятии решения престижность выбранного учебного заведения.

В целом же значимость причин, обуславливающих желание продолжить образование, практически не отличается у русских и тувинцев.

Рассмотрим возрастные тенденции изменения образовательных планов школьников. Сходными оказалась многие тенденции: принимая решение о продолжении образования, как русские, так и тувинские школьники с возрастом все меньше учитывают традиции семьи (22% - 8% и 28% - 13%). Все менее значимыми для них становятся советы друзей (25% - 14% и 25% - 3%), причем тувинские школьники к окончанию школы фактически теряют к ним интерес. Школьники все больше учитывают престижность выбранной профессии (38% - 52% и 32% - 51%) и оценку уровня индивидуальных способностей (20%-28% и 25% - 49%). С возрастом те, и другие, хотя это более выражено у русских школьников, чем у тувинских, меньше ориентируются на мнение родителей (47% - 35% и 49% - 41%).

Различие же возрастных изменений значимости факторов, влияющих на продолжение образования сводится к тому факту, что русские школьники с возрастом все меньше прислушиваются к советам своих учителей (24% - 5%), в то время как внимание тувинских школьников к ним не ослабевает (25% - 27%) (см. рисунок 15).

Важно отметить, что только 2% русских и 1.5% тувинских школьников в принципе не планируют продолжить свое образование. Большинство школьников хотели бы продолжить свое образование. Однако при конкретном планировании своего будущего им приходится учитывать множество факторов, препятствующих этому решению. В связи с этим был

задан вопрос о том, что, по их мнению, мешает им продолжить свое образование. Распределение ответов на него русских и тувинских школьников представлено в таблице 12.

Как видно из таблицы, для школьников главная преграда к продолжению образования - это страх перед экзаменами. Причем тувинских школьников экзамены пугают значительно больше, чем русских (35% и 25%). Кроме того, тувинские школьники чаще, чем русские, связывают свое нежелание продолжать образование с низким уровнем знаний, получаемых ими в школе (23% и 15%), а русские школьники чаще прямо указывают на отсутствие интереса к учебе (18.6% и 10%).

Сопоставление ответов русских и тувинских школьников показывает, что различия между ними обусловлены противоположностью общей направленности их интересов. Если тувинские школьники чаще, чем русские, видят причину своего отказа от продолжения образования в низком уровне знаний, полученных в школе, в самооценке своих способностей, страхе перед экзаменами - то есть они все же испытывают желание учиться, то русские школьники, напротив, чаще, чем тувинские школьники, такого желания не испытывают.

Таким образом, тувинские школьники стремятся к продолжению образования и указывают множество внешних причин, мешающих им это сделать - это именно преграды к продолжению образования. Неуверенность в себе тувинских школьников выливается в

Таблица 13.
Сопоставление политических ориентаций тувинских и русских школьников Тывы.

партии	русские	тувинцы
социал-демократы	11.3	16
националисты	0.8	7.2
зеленые	12.3	6.1
монархисты	2.1	2
коммунисты	6.4	17.5
социалисты	2.3	9.2
консерваторы	1	2.6
христианские демократы	2.3	2.9
либералы	8.5	2
анархисты	0.8	0.9
никакое	50	41.4

страх перед экзаменами, низкую оценку полученных в школе знаний.

Русские школьники в целом видят меньше причин для отказа от продолжения образования. У них часто просто нет стремления к нему. Так, каждый десятый из них указывает, что среди большинства его друзей образование не считается ценностью (11%). Рассмотрим, как оценивают преграды к продолжению обучения школьники разных возрастов.

Сходными оказались следующие возрастные изменения. Взрослея, тувинские и русские школьники все чаще в числе преград к продолжению образования называют материальное положение своей семьи (15% - 25% и 10% - 27%) и неразвитость социальных программ помощи студентам (10% - 29% и 5% - 22%).

В то же время тувинские и русские школьники по-разному оценивают роль фактора "трудности при устройстве на работу специалиста с высшим образованием". Если для тувинских школьников увеличивается значимость этого фактора при переходе от подросткового к юношескому возрасту (14% - 22%), то для русских школьников его значение остается неизменным (13% - 12%). Так же различно отношение тувинских и русских школьников к следующим факторам, снижающим потребность в образовании: "недостаточные способности" и "страх перед экзаменами". Если с возрастом уменьшается для русских школьников значимость этих факторов (32% - 16% и 38% - 31%), то для тувинских школьников их значимость, особенно последнего, не меняется (22% - 18% и 42% - 40%).

Таким образом, можно заметить, что для школьников Тувы в целом увеличивается значимость объективных причин отказа от образования: материальные возможности семьи и программы помощи студентам. Причем тувинцы с возрастом все чаще к ним добавляют трудности при устройстве на работу специалистов с высшим образованием. Существенно значимыми с возрастом для них становятся и субъективные факторы - страх перед экзаменами и оценка своих способностей.

Глава 5. Школьник и его отношение к политике.

В ходе исследования нами изучались и политические ориентации старшеклассников. Одним из аспектов при этом было выяснение того, какие из существующих политических

течений они склонны поддерживать. Данные приведены в таблице 13.

Как видно из таблицы 13, большинство как русских, так и тувинских школьников аполитично, не склонно поддерживать ни одно из существующих в настоящее время политических течений, причем среди русских таких заметно больше.

Наиболее популярной партией для тувинских школьников являются коммунисты. В этом отношении они заметно отличаются от русских. По сравнению с русскими среди тувинцев заметно больше тех, кто поддерживает националистов. Русские же школьники чаще, чем тувинские, адресуют свои политические симпатии зеленым и либералам. Однаково популярны как среди тувинских, так и русских школьников социал-демократы, которые занимают второе место в списке их политических предпочтений.

Таким образом, политические ориентации русских и тувинских школьников характеризуются весьма заметными различиями.

Ряд вопросов анкеты был направлен на выяснение мнений школьников о внешней и внутренней политике Тувы. В частности, мы спрашивали, что должно лежать в основе взаимоотношений Тувы с другими субъектами РФ.

Большинство как русских, так и тувинских школьников с миролюбивых позиций подходят к решению этого вопроса. Для них любой ценой должно быть сохранено мирное сосуществование народов. За такое решение вопроса высказалось несколько больше тувинских, чем русских школьников (67% и 59%). Несколько меньшая часть тех и других считает, что важнее сохранить существующие границы своей республики. Среди выбранных такой вариант ответа русских школьников оказалось чуть больше (24% и 16%). Стремление расширить границы Тувы за счет других краев и областей поддержало небольшое число как тувинских, так и русских школьников (9.7% и 6.5%, соответственно).

Важно отметить, что в ответах русских школьников явно выражена ностальгия по СССР. Так, 18% считают, что государственные границы России должны определяться границами Российской империи до 1913 года (18%), другие 18% - границами СССР после Великой Отечественной войны. Лишь 16% считает, что границы России должны определяться территориями той или иной нации или народности,

Таблица 14.

Представления русских и тувинских школьников о том, на какие социальные группы должна ориентироваться государственная власть в республике Туве.

интересы	русские	тувинцы
людей с минимальным уровнем дохода	40.5	36
рабочего класса	34.5	27
богатых людей	9	9.6
людей со средним доходом	34.5	27.4
сельского населения	25	38.5
интеллигенции	13	9
деятелей науки и искусства	19.4	20.6
государственных служащих	8	17
частных предпринимателей	21.2	10.3

исторически проживавшей на территории бывшего СССР.

Характерно, что именно этот вариант передела карты России оказался наиболее популярен среди тувинских школьников (24%). Чуть меньшая их группа решила провести государственные границы России по границам республик СССР, признавая каждую из них суверенным государством (20%). У русских 16% согласились с этим вариантом ответа.

Таким образом, если в ответах русских школьников доминирует вариант восстановления границ либо СССР, либо Российской империи, то тувинских школьников больше устраивает проведение границ России вокруг территорий наций и народностей, исторически проживавших на территории бывшего СССР.

По нашему мнению, это противоречие геополитических взглядов школьников Тувы сложилось в силу одного очень важного для Тувы исторического события, произошедшего за год до окончания войны. 10 октября 1944 года Тува добровольно вошла в качестве автономной республики в состав РСФСР. Этот факт, по-видимому, негативно воспринимается тувинскими школьниками. Ведь неслучайно Верховный Совет Республики Тувы принял закон о возможности выхода Тувы из состава России.

Мы попытались выяснить, как проживающие в Туве школьники отнесутся к следующим утверждениям: "Каждое государство вправе стремиться сохранить нерушимость своих границ", "Каждый народ имеет право на самоопределение", "Вопрос о выходе республики из состава РФ должен решаться совмест-

ными усилиями представителей РФ и республики".

Большинство как русских, так и тувинских школьников считают, что каждое государство вправе стремиться сохранить нерушимость своих границ (43%). Однако, если среди русских ответов "нет" на этот вопрос меньше одного процента, то почти четверть ответивших на этот вопрос тувинских школьников по известным причинам не согласились с данным утверждением (25%). Ведь если речь опять же идет о границах России, то стремление части коренного населения Тувы к выходу из состава России противоречит этому утверждению.

Наконец, с суждением о том, что вопрос о выходе республики из состава РФ должен решаться совместными усилиями представителей РФ и республики согласилась почти половина тувинских школьников (46%), чуть меньшая их часть, напротив, не согласна с этим утверждением, считая, что этот вопрос должен решаться только республикой (40%).

Характерно мнение русских школьников об этом варианте. Большая их часть вообще отказалась высказать по нему свое мнение (58%).

Последнее время в Туве популярно требование суверенитета. Однако о каком его варианте идет речь? Мы спросили школьников: "Какой суверенитет Тувы представляется Вам наиболее важным: политический, экономический или национально-культурный?"

Около половины тувинских школьников считают, что наиболее важным для Тувы является ее национально-культурный суверенитет (47%), четверть из них считает, что суверенизация Тувы должна носить преиму-

Таблица 15.

Факторы, формирующие с точки зрения школьников Тувы их представление о национальной принадлежности.

фактор	тувинцы	русские
семья	28.6	44.7
ближайшее соц. окружение	9.1	9.1
школа	28.6	24.5
общение со сверстниками	18.8	18
средства массовой коммуникации	25.1	8.4
искусство	11	4.5
научная литература	6.6	4.4
движения возрождения национального самосознания	10	4.4

щественно экономический характер (25%), и самая меньшая часть тувинских школьников поддерживает политическую обособленность Тувы (16%).

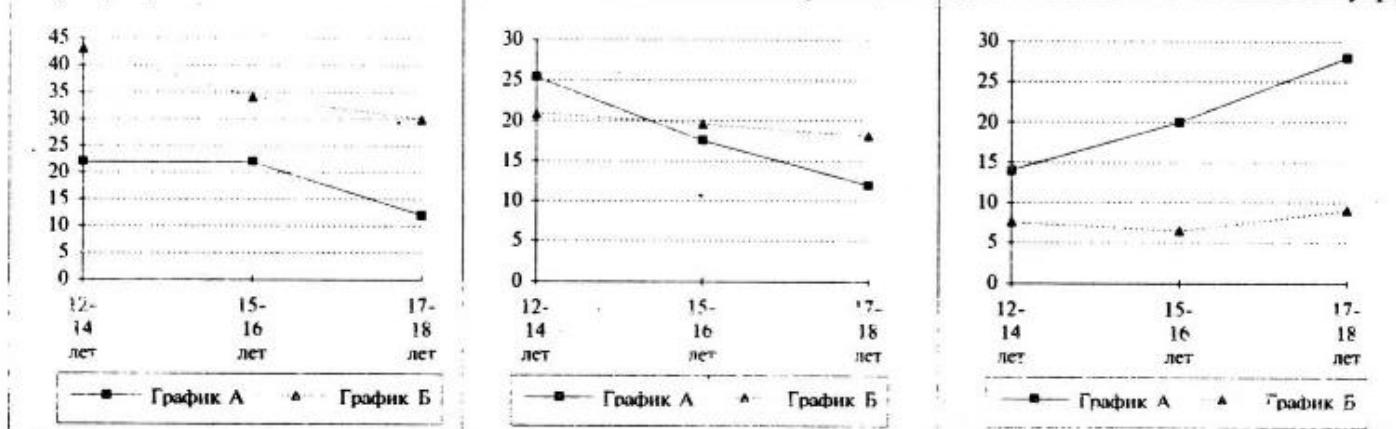
Среди русских школьников большинство считает, что Тува должна получить большую свободу в экономическом плане (37%). В отличие от тувинцев среди них национально-культурный суверенитет поддерживает заметно меньше (30%). Мнения о необходимости политического суверенитета придерживается такой процент, что и среди тувинцев - 16%.

Таким образом, представления русских и тувинских школьников о суверенитете различны. Если для тувинских школьников важнее национально-культурная обособленность Тувы, то русские школьники на первое место ставят ее экономическую самостоятельность.

Мы предложили школьникам ответить на вопрос о том, на интересы какой части населения должна ориентироваться власть в республике. Мнение школьников по этому вопросу представлены в таблице 14.

Как видно из таблицы 14, русские школьники чаще, чем тувинские, полагают, что власть республики должна ориентироваться на интересы частных предпринимателей (21.2%) и рабочего класса (34.5%). В то же время, тувинские школьники чаще, чем русские, считают, что власть должна ориентироваться на интересы сельского населения республики (38.5%) и государственных служащих (17%). Большинство коренного населения в республике, как известно, составляют сельские жители. Тува является животноводческой республикой. Поэтому тувинские школьники, в основном дети животноводов и сельскохозяйственных работников, считают, что интересы этой самой многочисленной группы населения должны стать руководящими для властей Тувы.

Помимо этого мы выясняли мнение школьников о национальной внутренней политике в республике. Школьникам нужно было ответить на вопрос о том, какой из трех принципов должен лежать в основе внутрен-

Рис. 16. Динамика воздействия социальных факторов: семьи (слева), школы (в центре) и средств массовой информации (справа) на становление национальной идентичности у русских (график А) тувинских (график Б) школьников.

Таблица 16.

Причины национальных конфликтов с точки зрения тувинских и русских школьников (в %).

причины	русские	тувинцы
распад социалистических государств	30	32
неравномерность темпов экономического развития	14.6	23
несовпадение взглядов на собственность территории	36	33
несовпадение этических и культурных ценностей	13.6	14
различие в религиозной принадлежности	14.4	15.5
исторически обусловленные предрассудки и стереотипы	12	10
различие в темпераментах и образе жизни	17	16
различие в образовании	17	13
негативные стереотипы, возникшие в ходе обыденного взаимодействия	13.6	6.6

ней политики: принцип равноправия всех наций и народностей; принцип первенства интересов коренного населения и принцип отсутствия правового разграничения населения по национальному признаку.

Больше половины как русских, так и тувинских школьников согласились с тем, что в основе внутренней политики Тувы должен лежать принцип равноправия всех национальностей и народностей (54%, 51%). Как и следовало ожидать, вторым по популярности среди тувинских школьников стал принцип первенства во внутренней политике республики интересов коренного населения (23%). Среди русских этого принципа придерживаются значительно меньше. Принцип отсутствия правового разграничения населения по национальному признаку поддерживают русские и тувинские школьники в равной степени - 17%. Таким образом, тувинские школьники в отличии от русских школьников свои политические взгляды в большей степени связывают с коммунистическими и националистическими движениями и в то же время считают, что власти в республике должны ориентироваться на интересы сельского жителей, поддерживать интересы коренного населения.

Глава 6. Школьник и национальный вопрос.

В ходе исследования мы предложили школьникам ответить на вопрос о том, что более всего формирует представление об их национальной принадлежности. Результаты представлены в таблице 15.

В целом мнения русских и тувинских школьников носят сходный характер. Однако здесь есть и заметные различия. Если для русских чаще, чем для тувинцев, источником становления национального самосознания является семья (45% и 29%), то на тувинских школьников большее влияние оказывают средства массовой коммуникации (25% и 8%). Видимо, в связи с процессом возрождения национального самосознания, проходящего сейчас в Туве, тувинские школьники стали особенно чутко воспринимать любую новую информацию по этому вопросу. Возрастная динамика представлена на рисунке 16.

Как видно из рисунка, в процессе взросления как у русских так и у тувинских школьников резко падает значимость семьи в становлении их национальной идентичности.

Роль школы оценивается тувинскими и русскими школьниками по-разному. Если для первых ее роль практически не меняется, то роль школы в формировании национального самосознания у русских школьников заметно снижается. На рисунке 17 отчетливо видно возрастание значимости средств массовой коммуникации у тувинских учащихся.

Следует также отметить, что, если роль ближайшего социального окружения как фактора национальной идентичности с возрастом увеличивается у тувинских школьников (7% - 15%), то среди русских она неизменна (11% - 13%).

Таким образом, роль семьи и школы как источников формирования представления о национальной принадлежности школьника падает в связи с возрастом как среди русских,

так и тувинских школьников. Вместе с тем роль средств массовой информации и ближайшего социального окружения возрастает только в ответах тувинских учащихся. Это свидетельствует о принципиально разном социокультурном контексте, в котором происходит формирование национальной идентичности русских и тувинцев.

В ходе опроса мы предложили школьникам ответить на вопросы о том, как часто и с чьей стороны, как правило, они испытывают унижение в связи со своей национальной принадлежностью.

Большинство как русских, так и тувинских школьников указывает, что унижение, связанное с их национальной принадлежностью, они испытывают редко (63% и 68%). Только 14% тувинских и 5% русских школьников заявили, что их унижают в этой связи периодически, и лишь 5% тувинцев и 3.6% русских страдают от этого постоянно. Отрицают саму возможность такого 26% русских и 13% тувинских школьников. Унижения по поводу своей национальной принадлежности тувинские школьники чаще всего испытывают со стороны взрослых (43%), меньше со стороны учителей (12%) и со стороны ровесников (24.8%). Русские школьники, напротив, чаще испытывают оскорблений в адрес своей национальности от ровесников (32%), в меньшей степени от взрослых (25%), почти никогда от учителей (5%).

Нами специально выяснялся вопрос о том, как часто в школах Тувы бывают конфликты на национальной почве.

Большинство тувинских и чуть меньше половины русских школьников заявили, что в их школе никогда не бывает конфликтов на национальной почве (53% и 46%). Вместе с тем около трети тех и других указали, что в их школах иногда бывают конфликты на национальной почве (32%). Наконец, несколько больше русских, чем тувинских, школьников считают, что в их школе достаточно часто бывают конфликты на национальной почве (13.5% и 8%).

Вообще же конфликты среди русских школьников между учениками возникают довольно часто (46%), а среди тувинских школьников несколько реже (37%). В целом с классом конфликты бывают часто у 13% русских и 19% тувинских школьников. С учителями постоянно конфликтуют 16% тувинских школьников и 12% русских. С администрацией школы чаще конфликтуют русские школьники (48%) и реже тувинские школьники (30%). Какие же наиболее важные причины для возникновения национальных конфликтов в обществе? Мнения школьников представлены в таблице 16.

Ответы русских и тувинских школьников фактически не различаются. В целом национальные конфликты с точки зрения школьников Тувы обусловлены, во-первых, несовпадением взглядов на собственность территории, во-вторых распадом "социалистического лагеря".

Наряду с вопросом о причинах национальных конфликтов мы выясняли мнение школьников о способах их разрешения.

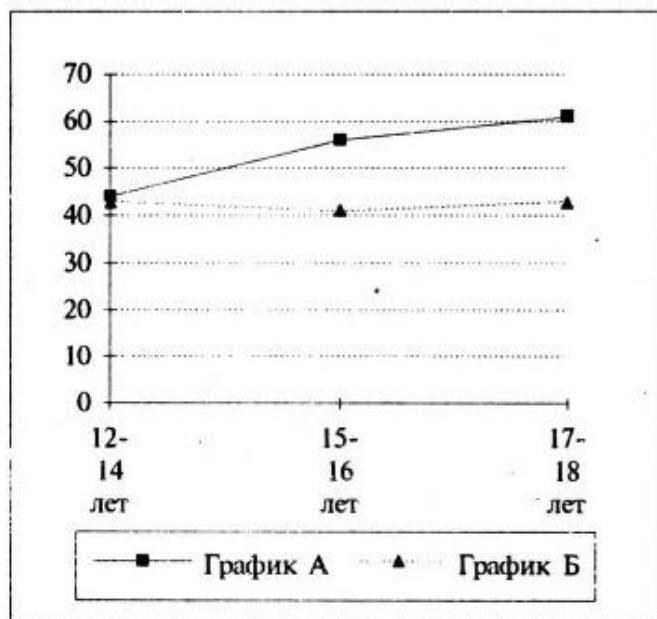
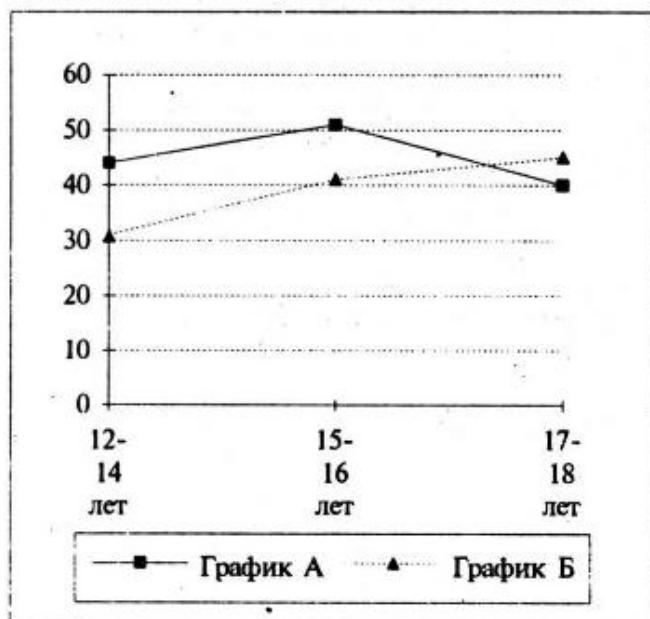

Рис. 17. Возрастная динамика изменения доли русских и тувинских школьников, указывающих на наличие (слева) или отсутствие (справа) мест, в которых они предпочитают постоянно общаться с друзьями.

Таблица 17.
Распространенность негативных явлений в среде школьников (в %).

негативные явления	русские	тувинцы
наркомания, токсикомания	4	1.7
курение	23.2	14.9
потребление спиртных напитков	12.8	10.5
воровство	1.9	2.9
половая распущенность	3.0	2.0
жестокость, насилие	3.2	2.6
нарушение общественного порядка	5.6	5.8
потребительское отношение к жизни	3.0	5.2
проституция	3.4	1.5
сквернословие	10.7	6.4
спекуляция	3.7	4.9
вызывающее отношение к старшим	8.8	8.0

Большая часть русских школьников считает, что только твердая власть в стране может предотвратить и прекратить национальные конфликты (34%). Среди тувинцев таких 26%. Треть тех и других уверена в том, что национальные конфликты нужно решать только путем мирных переговоров (33% и 32%).

Наконец, лишь 5% русских и 8% тувинских школьников утверждают, что национальные конфликты разрешимы только путем войны.

Помимо проблем, связанных с национальными конфликтами, мы предложили русским и тувинским школьникам ответить на вопрос о том, как они оценивают перспективы своего народа.

В целом перспективы своей национальности русские и тувинские школьники оценивают по-разному. Если большая часть тувинских школьников считают, что представители их национальности могут с оптимизмом смотреть в будущее (40%), то среди русских таких 31%. Четверть тувинских школьников не знают как ответить на этот вопрос (26%). Пятая часть тувинских школьников сомневается в том, что тувинский народ ожидают благоприятные перспективы (21%). Вдвое меньше таких оказалось среди русских школьников (12%).

Глава 7. Криминогенность в среде школьников Тувы.

Политические ориентации и взгляды школьников на национальный вопрос зачастую связаны с их стремлением объединиться в группу. "Самочувствие" групп подростков в городской среде часто определяется их возможностью иметь собственную "территорию". В этой связи мы задали школьникам вопросы о наличии или отсутствии в городе или селе особых мест или районов, где они предпочитают постоянно собираться и общаться с друзьями, и таких мест или районов, которые они предпочитают обходить стороной.

Около половины русских и несколько меньше тувинских школьников отмечают, что есть несколько мест их постоянного общения (47.6% и 40.1%) и приблизительно у пятой части школьников есть только одно такое место (23.2% русских и 24.3% тувинских школьников).

В отличие от школьников-тувинцев среди русских школьников существенно больше доля таких, кто утверждает, что нет таких мест в их городе или селе, которые они предпочитают обходить стороной (44.6% среди русских и 34.3% среди тувинских школьников).

И, напротив, среди тувинских школьников несколько больше таких, кто утверждает, что в их городе или селе есть места, которые

они предпочитают обходить стороной (46.4% среди тувинских и 36.8% среди русских школьников).

Таким образом, можно сделать вывод, что на территории городов или сел Тулы обычно действует несколько больше группировок школьников тувинской национальности, которые и "выясняют отношения" между собой.

Рассмотрим возрастные особенности отношения школьников к территориальным группировкам подростков. Различия возрастных тенденций участия школьников в территориальных группировках изображено на рис. 17.

Как видно из рисунка 17, с возрастом среди русских школьников существенно возрастает доля таких, у кого есть несколько (44%- 67%) мест, где они постоянно общаются с друзьями, в то время как среди тувинских школьников это число не меняется.

Интересно различие возрастной динамики отношения русских и тувинских школьников к местам, где обычно собираются подростки. Так, от подросткового к юношескому возрасту среди тувинских школьников растет доля тех, кто отрицает наличие мест в своем городе или селе, которые они предпочитают обходить стороной (31% - 45%). В отличие от них у русских школьников тенденция противоположна (51%- 40%). Иначе говоря, с возрастом тувинские школьники все чаще фиксируют для себя криминогенные зоны.

С ростом обеспеченности семьи существенно уменьшается доля русских школьников,

выделяющих опасные для себя места в городе или селе (от 52% в недостаточно обеспеченных до 38% в высокообеспеченных семьях).

В ходе анализов представлений школьников о степени криминогенности среди мы изучали насколько распространены в их окружении некоторые криминальные явления. В анкете были предложены четыре варианта ответа для описания степени распространенности явлений: "очень часто", "часто", "редко", "никогда". В таблице 17 приведены доли ответов русских и тувинских школьников по пункту - "очень часто".

В целом ответы тувинских и русских школьников не отличаются.

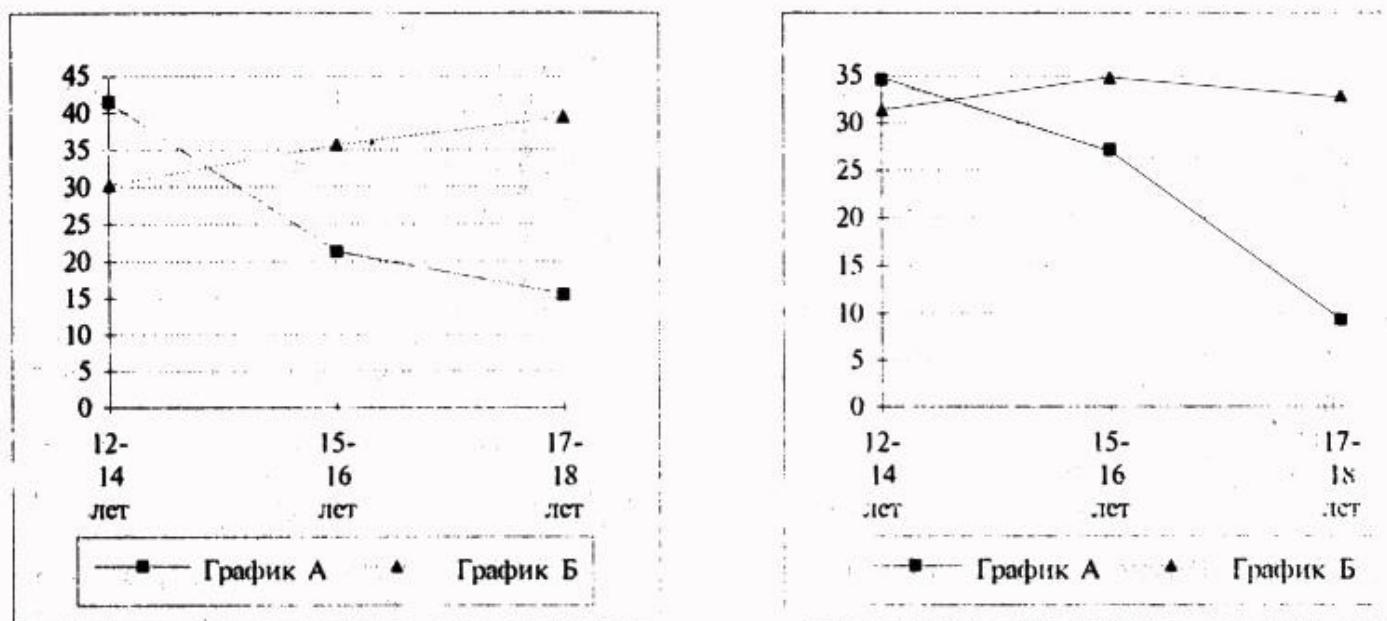
Наиболее распространенными русские и тувинские школьники называют курение, употребление спиртных напитков, потребительское отношение к жизни и сквернословие.

Следует заметить, что с возрастом школьники все чаще фиксируют среди сверстников распространенность таких явлений как курение и употребление спиртных напитков. Причем, существует различие в возрастной динамике их распространения среди тувинских и русских школьников. Если в возрасте 12-14 лет лишь 15.5% русских школьников отмечают, что очень часто встречают среди своих ровесников и знакомых таких, кто курит, то в возрасте 15-16 лет - 29.8%, а в возрасте 17-18 лет - 42.2%. Среди тувинских школьников 12-14 летнего возраста только 11.7% указывают на широкое распространение среди своих ровесников и знакомых курения,

Таблица 18.

Наиболее опасные преступления по мнению старшеклассников (в %).

преступления	русские	тувины
кража личного имущества	20.7	27
грабеж, разбойное нападение	25.8	24.2
убийство	89.0	50.4
изнасилование	77.1	76.3
истязание	37.8	30.7
хулиганство	6.2	12.4
порча, кража общественного и государственного имущества	8.1	20.0
участие в забастовках, несанкционированных митингах	3.7	2.6
антигосударственная деятельность	6.2	11.8
террористическая деятельность	25.3	21.3
разжигание межнациональной розни	25.0	21.3
торговля наркотиками	47.5	52.1
проституция	31.1	32.7
гомосексуализм	29.5	32.2

Рис. 18. Возрастная динамика оценки русскими (график А) и тувинскими (график Б) школьниками степени опасности гомосексуализма (слева) и проституции (справа).

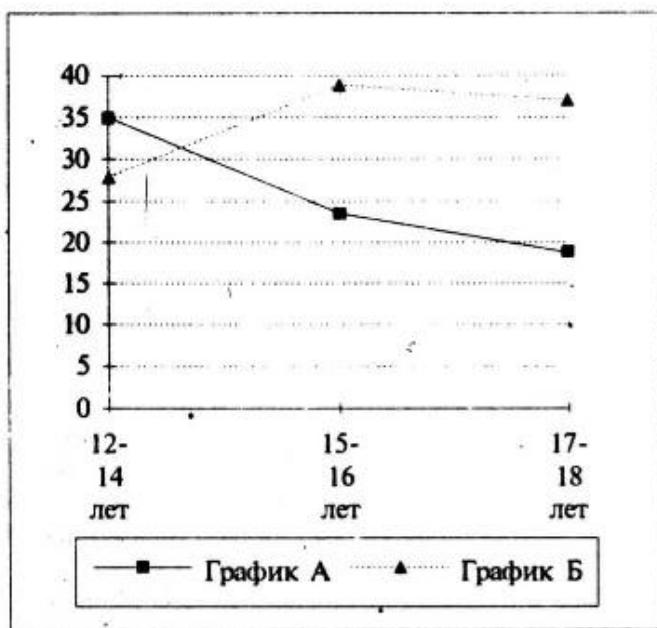
в 15-16 лет и позднее, в 17-18 лет доля таких ответов не меняется (18.5%). Такая же картина с употреблением спиртных напитков. Если у русских школьников тенденция распространения употребления спиртных напитков с возрастом усиливается: 12-14 лет - 6.5%, 15-16 лет

- 18.7%, 17-18 лет - 23.4%; то у тувинских школьников так же, как и в случае с курением, эта тенденция в юношеском возрасте не прогрессирует: 12-14 лет - 7%, 15-16 лет - 14.3% 17-18 лет - 13.4%.

Таблица 19.

Причины, побуждающие подростков совершать правонарушения, по мнению школьников (%).

причины	русские	тувицы
проводят время с друзьями и знакомыми	50.1	53.1
не способны сочувствовать пострадавшему	22.4	21.3
не считаются с существующими нормами	9.2	5.2
попали в безвыходную ситуацию	47.6	32.8
боятся нарушить законы своей группы	29.8	14.3
не думают о последующем наказании	32.1	22.5
недооценивают тяжести преступлений	18.2	23.4
расчитывают на то, что не попадутся	43.4	22.7
надеются на социальное положение родителей	12.5	11.3
расчитывают на адвокатскую защиту	5.7	4.7
результат важнее наказания	4.4	2.8
стремятся к острым ощущениям	20.9	5.4
не знают законов	16.4	22.2
плохо владеют собой	28.2	32.8
стремятся получить удовольствие	15.1	8.0
легко поддаются дурному влиянию	36.0	21.2
другое	9.1	3.9

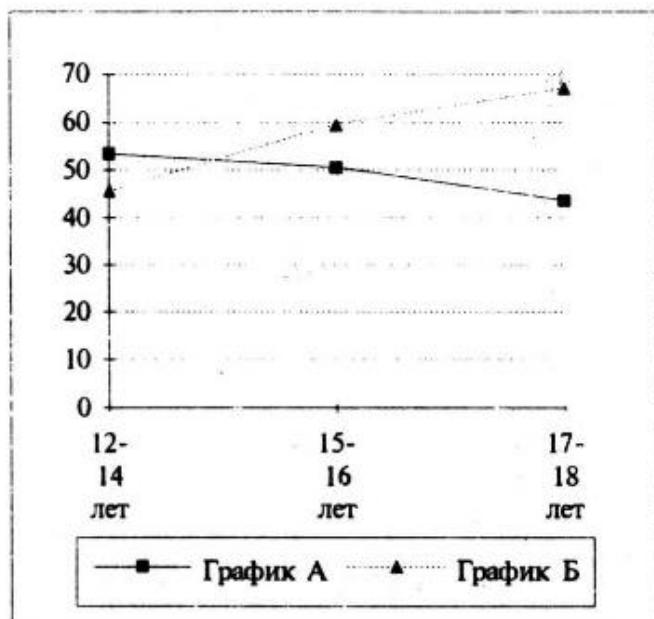
Рис. 19. Возрастная динамика представлений русских (график А) и тувинских (график Б) школьников о значимости неумения владеть собой (слева) и провокаций друзей и знакомых (справа) как факторов, ведущих к совершению правонарушений.

Как видно из таблицы 17, школьники указывают на низкую распространенность в своей среде наркомании или токсикомании. Тем не менее публикации местной прессы республики говорят о широком распространении среди учащихся этого порока. В этой связи мы спросили школьников о том, пробовали ли они сами наркотики?

Большинство школьников указало, что они ни разу не пробовали наркотики (82.7% среди русских и 85.7% среди тувинских школьников). Одн раз попробовали вдвое больше русских, чем тувинских школьников (8.9% русских и 4.8% тувинских школьников). Наконец, несколько раз, многократно пробовали или постоянно употребляют наркотики около 10% учащихся 7, 9, 11 классов школ Тувы. Это очень тревожный факт.

Рассмотрим, как употребление наркотиков связано с возрастом и полом учащегося. Если возраст тувинских школьников никак не влияет на их ответы на этот вопрос, то при взрослении русских школьников падает доля ответов: "ни пробовал ни разу" (от 91% учащихся подросткового возраста до 78% учащихся в возрасте ранней юности) увеличивается доля таких учащихся, которые пробовали наркотики один раз и более (от 15% до 23% соответственно).

Как среди русских так и тувинских школьников девушки существенно чаще, чем юноши, указывают, что ни разу не пробовали наркотики (87.6% девушек и 78.3% юношей

среди русских и 92.5% девушек и 77.7% юношей среди тувинских школьников).

Помимо демографических на отношения к наркотикам влияют социально-стратификационные факторы: уровень материальной обеспеченности семьи и образование родителей. Например, если в недостаточно обеспеченных семьях 26.5% русских и 29.7% тувинских школьников периодически употребляют наркотики, то среди высокообеспеченных соответственно 9.4% и 2.1%.

Помимо оценки распространенности негативных явлений в среде школьников, в ходе опроса выяснялось также и то, какие преступления учащиеся считают наиболее опасными. В таблице 18 представлены эти данные.

Как видно из таблицы 18, существенные расхождения между представлениями русских и тувинских школьников о наиболее опасных преступлениях заключаются в двух пунктах. Если убийство называют большинство русских школьников, то среди тувинских учащихся так отвечает лишь половина. У них оно оказалось лишь на третьем месте после изнасилования и торговли наркотиками. Кроме того, большая доля тувинских, чем русских, школьников считают порчу, кражу государственного имущества опасным преступлением.

В остальном представления русских и тувинских школьников о наиболее опасных преступлениях достаточно схожи.

Интересно, что среди школьников Тувы вдвое меньше, чем среди московских учащихся, доля тех, кто считает разжигание межнациональной розни и истязание наиболее опасными преступлениями (у московских школьников истязание наиболее опасным преступлением называют 60%, разжигание межнациональной розни - 45.3%) (7).

Среди школьников Тувы, напротив, несколько больше, чем среди московских учащихся доля тех, кто считает наиболее опасными преступлениями проституцию и гомосексуализм (среди москвичей проституцию называют таковой 21.3%, гомосексуализм - 20.7%) (7).

Фактор возраста оказывает существенное влияние на ответы школьников. Причем в возрастной динамике ответов русских и тувинских школьников можно обнаружить как различные, так и прямо противоположные тенденции. Так, если у тувинских школьников с возрастом растет доля тех, кто считает проституцию серьезным преступлением, то у русских она, напротив, падает. Если у русских школьников с возрастом все меньшая доля называет гомосексуализм среди наиболее опасных преступлений (34.7% - 9.4%), то у тувинских школьников она неизменно высока (32%). Кроме того, если среди тувинских школьников с возрастом увеличивается доля тех, кто считает наиболее опасными изнасилование (от 73% 12-14-летних до 87% 17-18-летних), истязание (от 29.8% до 42% соответственно) и террористическую деятельность (от 15.6% до 27.7%), то среди русских она не меняется. Описанные закономерности представлены на рисунке 18.

Можно сделать вывод, что по мере взросления учащихся-тувинцев для них становятся наиболее опасными преступления против личности и государства, в том числе возрастает и оценка противоправных действий, связанных с проявлением сексуального поведения. Среди русских фактора возраста, напротив, приводит к снижению оценки степени опасности последнего.

Наряду с оценкой степени опасности преступлений школьникам было предложено высказать свое мнение по поводу мотивов преступлений, совершаемых старшеклассниками. Эти данные приведены в таблице 19.

Как видно из представленных в таблице 19 данных, между представлениями русских и тувинских школьников о причинах преступлений есть существенные различия. Так, русские

школьники чаще считают, что правонарушители попали в безвыходную ситуацию или боятся нарушить законы своей группы, легко поддаются дурному влиянию, не думают о последующем наказании или расчитывают на то, что не попадутся, стремятся к острым ощущениям.

Таким образом, русские школьники считают, что большую роль среди приводящих к преступлению факторов играет ближайшее социальное окружение ("давление группы").

Фактор возраста существенно влияет на ответы учащихся. Причем здесь так же можно заметить противоположные тенденции. Так, среди тувинских школьников с возрастом увеличивается доля тех, кто считает, что правонарушители не умеют владеть собой, в то время как среди русских доля таких школьников, напротив, падает.

Кроме того, если среди тувинских школьников с возрастом становится все больше тех, кто думает, что на правонарушения провоцируют друзья и знакомые, то среди русских доля учащихся, отвечающих таким образом, падает.

Среди русских школьников с возрастом увеличивается доля тех, кто называет наиболее важными причинами преступлений надежду правонарушителей на то, что они не попадутся, их стремление к острым ощущениям, неспособность сочувствовать пострадавшему, отрицание существующих норм поведения. Среди тувинских школьников с возрастом становится больше доля тех, кто думает, что правонарушители недооценивают последствий своих поступков. Эти закономерности представлены на рис. 19.

Обобщая возрастную динамику ответов русских и тувинских школьников, можно отметить, что для русских школьников с возрастом падает значимость объяснений преступного поведения его связью с внешним давлением ближайшего социального окружения. Вместе с тем у них увеличивается понимание психологических детерминант ("неспособность сочувствовать", "склонность к риску") и социально-нормативных условий этого поведения (незнание и отрицание правовых норм).

Среди тувинских школьников с возрастом, напротив, усиливается мнение о том, что преступное поведение обусловлено неадекватностью внешнего контроля поведения подростков.

Выводы.

Обобщая результаты проведенного исследования, считаем возможным обратить внимание читателей на следующие основные, с нашей точки зрения, моменты.

1. Как показывают материалы проведенного исследования, по сравнению с проживающими в Туве русскими школьниками представители коренного населения более оптимистичны относительно успешности своих жизненных перспектив. Более того, если среди тувинских школьников число сомневающихся в том, что их жизнь сложится удачно, заметно падает, то у русских школьников по мере их взросления доля сомневающихся увеличивается. Немалоожжен, с нашей точки зрения, и тот факт, что у русских школьников уверенность в успешности своего будущего детерминирована социально-стратификационными факторами (уровнем материального положения семьи, образованием родителей). Показательно, что на позитивное отношение тувинских школьников к своему будущему социально-стратификационные факторы не оказывают сколько-нибудь заметного влияния. По-видимому, здесь имеют место иные более глубинные социо-культурные детерминанты.

2. Представители коренного населения по сравнению со своими русскими сверстниками чаще имеют более определенное представление о своем будущем. Среди них заметно больше тех, кто уже определился в своих жизненных планах. С нашей точки зрения, это может говорить о том, с одной стороны, что национально-культурные особенности социализации тувинского подростка предполагают его более раннее взросление, с другой, можно думать, что на русских школьников оказывает заметное влияние их культурная маргинальность, в частности, растягивающая временной интервал подросткового возраста.

3. Заметные различия обнаружены в значимости тех или иных ценностей для русских и тувинских школьников. Так, если русские подростки более ориентированы на прагматические ценности (материальное благополучие, счастливая семейная жизнь), то для тувинских школьников более значимы гуманистические аспекты (полноценное общение с людьми, полноценное приобщение к культуре). Возможно, за этими различиями лежат более глубинные аспекты, связанные с неудовлетворен-

ностью материальных потребностей у одних и духовных у других. Здесь также важно обратить внимание на возрастные тенденции изменения значимости тех или иных ценностей, например, на резкое падение значимости для тувинских школьников такой жизненной ценности как полноценное приобщение к культуре; или на падение у русских школьников значимости такой ценности как развитие своих способностей. В этой связи, пожалуй, наиболее существенным результатом является то, что у русских школьников ценность достижение материального благополучия с возрастом все менее связывается с успешностью своей будущей профессиональной деятельности.

4. Материалы исследования показывают достаточно заметное различие в религиозных ориентациях тувинских и русских подростков. Причем различие - не только в самих ориентациях (на православие и буддизм), но и касается степени приобщенности школьников к соответствующей религии. Здесь важно выделить по меньшей мере два момента. Первый связан с прямо противоположными тенденциями, которые возникают на рубеже 15-16 летнего возраста у школьников тувинской и русской национальностей. Если у тувинцев наблюдается заметный рост тех, кто считает себя верующими, то среди русских школьников на этом возрастном этапе заметно падает доля верующих. Второй момент касается соблюдения школьниками соответствующих национальных и религиозных обрядов. Здесь следует отметить, что по сравнению со своими русскими сверстниками тувинцы гораздо более склонны воспроизводить соответствующий национальный и религиозный тип поведения. Таким образом, можно сделать вывод о том, что среди тувинцев сохраняется и воспроизводится национальный и культурный стиль поведения.

5. Результаты опроса показывают весьма существенные различия профессиональных ориентаций русских и тувинских школьников. Основное различие заключается в том, что тувинские школьники склонны воспроизводить в своих профессиональных ориентациях традиционалистскую модель, характерную для 60-70-х годов, когда статус профессии определялся соответствующим уровнем образования. Русские же школьники оказываются наиболее чувствительными к современной социально-экономической ситуации в России. Они оказываются предпочтения таким профессиям, ко-

торые пользуются спросом на рынке труда и гарантируют стабильность. Характерно, что наряду с различием престижа тех или иных профессий заметно отличается и мотивация выбора своей будущей профессии. Так, для тувинских школьников заметно чаще значимыми оказываются такие мотивы как возможность принести пользу людям и интересный характер работы. У русских же - уровень оплаты труда, социальная престижность профессии.

6. Как показали материалы опроса, в целом тувинские школьники более положительно относятся к своей школе, чем их русские сверстники. Однако, с возрастом у тех и у других проявляется общая тенденция: положительно отношение к школе падает. Следует обратить внимание, что, если у русских школьников с повышением уровня образования родителей растет критическое отношение к школе, то у тувинцев, наоборот, чем выше уровень образования (особенно матери), тем чаще наблюдается проявление позитивного отношения к школе. По-разному относятся русские и тувинские школьники к оценке роли ближайшего социального окружения в формировании их планов на получение образования. Если мнение учителей для русских школьников в этом отношении оказывается все менее авторитетным, то у тувинских школьников авторитет учителя сохраняется на протяжении всего школьного возраста.

В целом же структура мотивации, определяющая желание продолжить свое образование, у русских и тувинских школьников имеет сходный характер. Однако можно выделить заметные различия в оценке значимости тех или иных преград, которые, по представлению тувинских и русских школьников, могут влиять на их планы в продолжении образования. Если для русских школьников такими преградами чаще выступают отсутствие интереса к учебе, то для тувинцев - страх перед экзаменами, низкий уровень знаний, полученных в школе.

7. В своих политических ориентациях русские и тувинские школьники заметно различаются. Так, представители коренного населения более склонны поддерживать коммунистов и движения националистической ориентации. Важно также отметить, что в оценке современных политических процессов русские школьники достаточно болезненно воспринимают распад СССР и тенденции к децентрализации.

8. Характерно, что перспективы своей национальности тувинские школьники оценивают более позитивно, чем русские. При этом важно подчеркнуть, что с возрастом у русских школьников весьма заметно падает значимость семьи и школы как факторов, влияющих на формирование их национальной идентичности. У тувинцев же, напротив, оценка роли факторов ближайшего социального окружения с возрастом увеличивается. В этой связи следует подчеркнуть, что с возрастом тувинские школьники все более позитивно оценивают роль средств массовой коммуникации как факторов определяющих их национальное самосознание.

9. По сравнению со своими русскими сверстниками тувинцы в среднем чаще фиксируют распространность в своей среде криминогенных тенденций. Вместе с тем следует обратить внимание на возрастные различия. Если среди тувинских школьников фиксация распространности тех или иных негативных явлений остается практически одинаковой как в подростковом, так и юношеском возрасте, то среди русских школьников явно прогрессирует фиксация распространности в своей среде таких негативных явлений как употребление спиртных напитков, курение, употребление наркотиков. В плане социологического анализа важно подчеркнуть, что криминализация подростковой и юношеской среды у тувинских и русских школьников определяется одними и теми же социальными детерминантами. Чем ниже уровень социальной страсти, тем более криминализована среда подростков.

Литература:

- Емельянов А. Ф. О музыкальных предпочтениях старшеклассников. В кн. Художественное воспитание подрастающего поколения. Новосибирск, 1989.
- Емельянов А. Ф., Монгуш К. Межегейская школа искусств в системе социального воспитания. В кн. Народная педагогическая культура и художественное воспитание детей, М, 1991.
- Кенин-Лопсан М. Шаманизм в Туве. Новосибирск, 1976.
- Кочетов А.Н. Буддизм. М.: Наука, 1983.
- Молодежь Тувы. Новосибирск, 1988.

6. Собкин В.С., Писарский П.С. Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе. М.:РЦСО, 1992.

7. Собкин В.С., Писарский П.С. Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ, Москва - Амстердам. М.: Центр социологии РАО, 1994.

8. Собкин В.С., Емельянов Г.А. Динамика становления исследований по социологии образования (в период 60-90 годов). В кн. Социология образования. Труды по социологии образования. Том 1. Выпуск 1./ Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии РАО, 1993.

ПСИХОСЕМАТИЧЕСКИЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ КАТЕГОРИЙ СОЗНАНИЯ РУССКИХ И ЕВРЕЙСКИХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ОБЛАСТИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Грачева А.М.

Настоящая работа, посвященная сопоставительному анализу категориальных структур сознания старшеклассников русской и еврейской национальностей, проведена в традиции классической отечественной психологической школы и опирается на положение А.Н. Леонтьева о сознании как неаддитивной структуре - системе значений, данных в единстве с чувственной тканью и личностным смыслом [3].

Наиболее общими формами значений (понятий) выступают категории как базисные структуры, которые фиксируют общие атрибутивные характеристики объектов, включенных в человеческую деятельность [5, стр.35]. Эти базисные категории могут быть не только объектными, но и отражать субъект-субъектные отношения.

Категории значений (понятий), с одной стороны, являются образующими индивидуального сознания, а, с другой, - частью общественного сознания, включая в себя как научные, так и житейские компоненты общественно-исторического опыта. Соответственно, существуют различные формы общественного сознания - национально-культурные, групповые, возрастные, профессиональные, обусловленные половой принадлежностью и т.п. Каждая из этих форм налагает определенные ограничения на категориальную структуру собственно сознания субъекта, которое в свою очередь имеет еще и свои специфические индивидуальные особенности как продукт субъективного опыта.

В настоящей работе сделана попытка исследования категориальной структуры той формы общественного сознания, которую называют национально-культурной в ее представлении на групповом уровне учащихся старших классов. В эксперименте участвовали московские старшеклассники русской и еврейской национальностей в возрасте от 15 до 17 лет. Мы максимально старались минимизировать влияние побочных социальных переменных - национальная принадлежность и вероисповедание было единственным различием в группах испытуемых. Тем не менее сле-

дует отметить, что поскольку опыт проведения опросов показывает трудность выделения репрезентативной выборки представителей той или иной нерусской национальности в пределах России, мы сочли целесообразным осуществлять анкетирование еврейских старшеклассников - учащихся национальных школ (так, нами были опрошены ученики следующих еврейских школ г.Москвы: воскресные школы "ТАЛИ" и "Гахилит", Московская национальная еврейская средняя общеобразовательная школа N 1311, религиозная национальная еврейская школа Менгалор , педучилище). При этом все старшеклассники русской национальности являлись учащимися общеобразовательных школ.

В психологической литературе накоплен определенный опыт экспериментальных исследований сознания ряда социо-этнических групп с помощью основного метода экспериментальной психосемантики [3, 4, 6, 7] - метода реконструкции семантических пространств, которые представляют собой "совокупность определенным образом организованных признаков, описывающих и дифференцирующих объекты (значения) некоторой содержательной области" [5, стр. 45] - в данном случае области межнационального восприятия.

Предлагаемая работа представляет собой сопоставительный анализ ментальных пространств, описывающих реальность представлений старшеклассников русской и еврейской национальностей в области этнических отношений. Опираясь на опыт предыдущих исследований [4, 7], мы сочли целесообразным провести дифференцированный анализ объектных категорий и категорий, отражающих область субъект-субъектных отношений. Основанием подобного разделения послужило то, что в результате устного опроса испытуемых, участвовавших в этих экспериментальных исследованиях, было выявлено, что часть из них оценивала представителей той или иной национальной группы, остальные же оценивали народ в целом. При этом самими испытуемыми отмечалось, что для них было

существенным моментом более однозначная конкретизация объекта шкалирования, потому что в одном случае их оценка отличалась бы от другого.

Таким образом, мы предположили, что оценка представителя той или иной национальности, этноса исходит во многом из опыта реального взаимодействия, из опыта практического общения или определяется восприятием конкретных стереотипов культуры - литературы, кино, телевидения, т.е. предполагает описание субъекта отношений. Оценивание же народа, национальности в целом опирается прежде всего на знание истории, традиций, культуры этого народа, современной социополитической ситуации, а также на определенные представления, основанные на материалах средств массовой коммуникации и мнении той социальной группы людей, в которую включен сам оценивающий. Таким образом, здесь речь идет об оценке народа как объекта социо-этнической реальности. Соответственно, нами были построены две серии эксперимента, в одной из которых испытуемым предлагалось по ряду шкал оценить определенные народы, национальности, а во второй - представителей тех же самых народов, национальностей.

Первое исследование по выявлению категориального пространства восприятия народов, национальностей, присущего старшеклассникам русской и еврейской национальностей, служило как бы объектным контекстом для осмыслиния особенностей национального сознания подростков при восприятии субъектов национально-религиозных отношений, что составляло предмет нашего основного экспериментального исследования.

Особое выделение для оценивания национальных и религиозных стереотипов как субъектов отношений позволило нам поставить в этот ряд псикия "Я" и "идеальное Я". Тем самым мы определили проблему роли национальной идентификации в самоопределении подростка центральной задачей нашего исследования. Здесь мы продолжаем линию анализа "Я-концепции" в старшем подростковом возрасте, начатую при исследовании соотношения образов "Я-реальное" и "Я-идеальное" в сознании подростков в области социо-профессиональной сферы [6].

В рамках отечественной возрастной психологии практически отсутствуют публика-

ции, касающиеся проблемы особенностей национальной идентификации подростков. Тем не менее, изучение этих особенностей чрезвычайно важно для понимания особенностей самоопределения, процесса социализации, происходящего в старшем подростковом возрасте у представителей тех или иных национальных групп.

Настоящее исследование представляет собой попытку проследить особенности национально-религиозной идентификации, присущие подросткам русской и еврейской национальностей, проживающих в мегаполисе.

Семантические особенности оснований классификации у русских и еврейских старшеклассников при оценке народов, национальностей

Методическая процедура настоящего эксперимента представляла собой модифицированный Семантический Дифференциал, апробированный нами в предыдущих исследованиях [4, 7]. Испытуемым давалась инструкция оценить определенные народы, национальности по предъявленному набору характеристик по 6-балльной шкале от 0 до 5 (0 означало отсутствие того или иного качества у того или иного объекта, 5 - его максимальную выраженность).

Объектами шкалирования являлись, впервые, интересующие нас национальности - русская, еврейская, украинская, татарская и греческая (основания выбора этнических групп - см.[1]), а также ряд оценочных и обобщенных позиций - "народ, которым я восхищаюсь", "антитипичный мне народ", "народ-завоеватель", "покоренный народ".

Оценивание проводилось по 15 характеристикам: спокойный, покорный, открытый, отсталый, воинственный, выносливый, талантливый, сплоченный, гостеприимный, сильный, религиозный, расчетливый, мудрый, свободолюбивый, трудолюбивый.

В эксперименте принимали участие 236 испытуемых: 167 русских и 69 евреев - московских старшеклассников в возрасте от 15 до 17 лет.

Две суммарные матрицы данных (по русским и по евреям*) обрабатывались методом факторного анализа с вычислением зна-

* В настоящей главе мы не будем касаться специфики половых различий по группам.

чений факторов для каждого объекта шкалирования.

В результате нами были получены две факторные матрицы, согласно которым при восприятии народов русские испытуемые имеют три значимых основания классификации, а евреи - два.

Первые два фактора в обеих подвыборках представлены в Таблице 1. Обе стороны Таблицы 1 отражают два инвариантных основания классификации, присущих старшеклассникам русской и еврейской национальностей. Одно из них может быть интерпретировано как **Открытость** того или иного народа (левая половина Таблицы 1), другое - как **Сила - Покорность** (правая половина Таблицы 1). Говоря об инвариантности категорий, мы отнюдь не утверждаем их тождественность, поскольку каждая из них имеет свои специфические семантические нюансы.

1. У еврейских старшеклассников доминирующий фактор Открытости народа включает в себя характеристику "религиозный", что свидетельствует о том, что в сознании подростков еврейской национальности факт различия вероисповедания не является препятствием для межнационального взаимодействия. У русских испытуемых эта характеристика составляет самостоятельный фактор (с нагрузкой .71), что заставляет предполагать, что **Религиозность** для старшеклассников русской национальности отражает особую, не связанную с другими категорией сознания в области восприятия этно-социальных объектов действительности.

2. Тот же доминирующий фактор в еврейской подвыборке в отличии от инвариантного основания классификации, полученного в группе русских испытуемых, имеет оппози-

ционную характеристику - "воинственный". Таким образом, настоящую категорию сознания в данном случае определяют полюса **Открытость народа - Враждебность**.

3. Другой фактор в группе еврейских подростков - категория **Силы народа** как единой сплоченной единицы противопоставляется Покорности как выражении слабости народа, его отсталости. Для русской группы это основание является доминирующим в сознании и, кроме того, полюс Силы включает в себя характеристику "воинственный". Это позволяет нам интерпретировать данный фактор, полученный в подвыборке русских старшеклассников, в терминах концепции Л.Гумилева [2] как **Сила, пассионарность - Покорность, апассионарность**, что придает особую содержательную специфику данного основания классификации.

Таким образом, на основании рассмотрения полученных факторных структур в русской и еврейской подвыборках испытуемых можно сделать вывод, что при наличии инвариантности категорий сознания в области межнационального восприятия, имеющиеся определенные семантические особенности свидетельствуют об этнически обусловленной специфике ментального пространства старших подростков данных национальных групп.

Ниже представлены рисунки, на которых показано, как в пространстве рассмотренных доминирующих категорий размещены предложенные нами старшеклассникам те или иные народы.

При анализе размещения этно-социальных объектов в категориальном пространстве полученных в двух национальных группах инвариантных оснований классификации хоте-

Таблица 1.

Факторные нагрузки шкал, выделенные в группах русских и еврейских старшеклассников.

качества	русские	евреи
открытый	.99	.95
гостеприимный	.95	.93
трудолюбивый	.95	.90
спокойный	.94	.95
талантливый	.79	.83
мудрый	.72	.83
религиозный	---	.95
воинственный	---	-.71

качества	русские	евреи
сильный	.95	.95
расчетливый	.91	.92
сплоченный	.89	.83
свободолюбивый	.84	.88
выносливый	.78	.78
воинственный	.77	---
покорный	-.95	-.92
отсталый	-.81	-.69

Рис. 1. Размещение народов в пространстве категорий Сила (пассионарность)-Покорность (апассионарность) и Открытость в русской подвыборке испытуемых.

лось бы отметить ряд наиболее существенных, на наш взгляд, моментов.

Как видно из рисунков, факторные оппозиции в обеих подвыборках задаются стереотипными категориями "народ-завоеватель", "антитипатичный мне народ", "покоренный народ" и "народ, которым я восхищаюсь", каждая из которых воплощает в себе определенное оценочное качество. Так, "покоренный народ" определяется Покорностью (Апассионарностью); "антитипатичный народ" воплощает в себе и Покорность (Апассионарность), и отсутствие Открытости (Воинственность); "народ-завоеватель" фиксирует, с одной стороны, отсутствие Открытости (Воинственность), а, с другой стороны, - Силу (Пассионарность); "народ, которым я восхищаюсь" воплощает в себе Открытость и Силу (Пассионарность).

В контексте этих оценочных оппозиций остальные народы размещены по сути дела вокруг нулевых осей обоих факторов. Это означает, что наличие той или иной содержательной категории в сознании отнюдь не однозначно предполагает ее конкретное воплощение в реальном объекте, если соответствующий объект не является заданным. Иными словами, предложенные старшеклассникам в нашем эксперименте народы не вызывают в

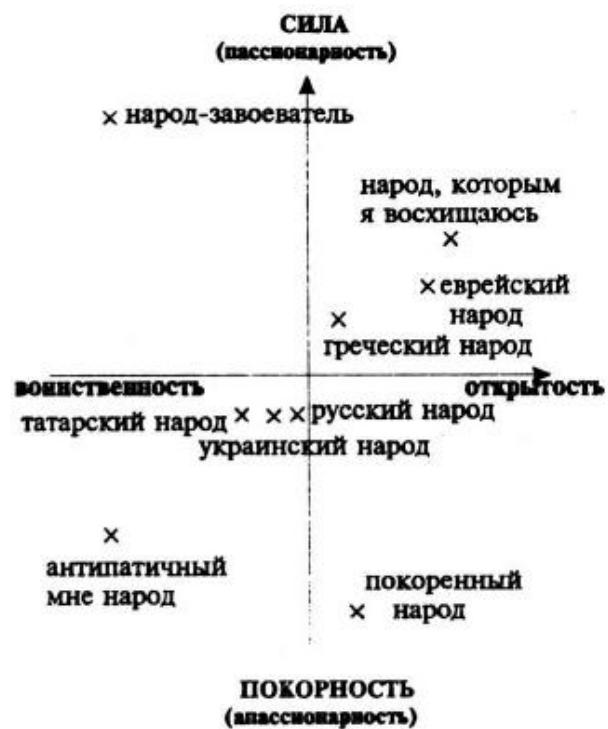

Рис. 2. Размещение народов в пространстве категорий Сила-Покорность и Открытость-Воинственность в еврейской подвыборке испытуемых.

их восприятии сильной аффективно окрашенной как позитивной, так и негативной оценки. И здесь в первую очередь для нас важно то, что представители двух рассматриваемых национальностей - русской и еврейской - воспринимают народы друг друга нейтрально, т.е. мы можем сделать вывод об отсутствии у старшеклассников на уровне оценки народов (подразумеваем, народов как этно-социальных объектов) ни антисемитских, ни сионистских тенденций.

Итак, ни с одной из таких оценочных категорий как "народ-завоеватель", "антитипатичный мне народ", "покоренный народ" старшеклассниками не идентифицируется ни один из предложенных нами народов, национальностей. Однако, на основании рисунков мы можем отметить наличие такой идентификации собственного народа с категорией "народ, которым я восхищаюсь", т.е. неким Идеалом народа. Подобная идентификация весьма показательна, поскольку отражает вообще стремление к национальной идентичности у подростков в процессе их социализации. Обращает на себя внимание, что разрыв значений между категориями "народ, которым я восхищаюсь" и собственным народом, одинаково незначительный в обеих подвыборках по шкале Открытость, по оси Силы у русских значитель-

но больше. Определение русскими подростками своего народа как намного менее пассионарного, сильного, чем Идеал народа, свидетельствует, с нашей точки зрения, о наличии личностно переживаемой напряженности, касающейся положения русского народа именно на сегодняшней день. Можно думать, что русскими подростками остро переживается ситуация распада СССР и изменения в связи с этим положения и статуса русского населения в СНГ, и в мире.

Кроме того, для старшеклассников русской национальности характерно восприятие религии как границы, противопоставляющей группу Мы группе Они, как барьер для понимания и взаимодействия. Об этом свидетельствует тот факт, что все народы, исповедующие иные религии, чем христианство - евреи-иудаисты, татары-мусульмане -, размещены в факторном пространстве на полюсе оппозиции категории Открытость, тогда как все народы - представители даже разных христианских конфессий оцениваются как Открытые для других. Можно предположить, что религия в восприятии русских старших школьников, воспитанных в раннем детстве на ортодоксальной атеистической идеологии, а потом втянутых в зачастую демонстративную приверженность православию, выступает как бы смысловой границей взаимопонимания между различными народами. Недаром Религиозность выступает для русских подростков даже особым основанием классификации.

Семантические особенности оснований классификации у русских и еврейских старшеклассников при оценке представителей народов

Во второй части экспериментального исследования участвовало 228 испытуемых - 159 русских (98 мальчиков и 90 девочек) и 69 евреев (32 девочки и 37 мальчиков) в возрасте от 15 до 17 лет.

Методическая процедура также представляла собой модифицированный Семантический Дифференциал, апробированный нами в предыдущих исследованиях [4, 7]. Испытуемым давалась инструкция оценить ряд субъектов межнациональных отношений по предъявленному набору характеристик по 6-балльной шкале от 0 до 5 (0 означало отсутствие того или иного качества у определенного

стереотипа , 5 - его максимальную выраженность).

Объектами шкалирования являлись представители тех национальностей, которые оценивались испытуемыми в предыдущем эксперименте - русский, еврей, украинец, татарин и грек (основания выбора этнических групп - см.[1]), религиозные стереотипы - христианин, мусульманин, иудаист, атеист, а также ряд оценочных ролевых позиций - "мой идеал" и "мой враг", категория "Я".

Оценивание проводилось по 18 характеристикам: терпимый, хитрый, эмоциональный, расчетливый, активный, слабоволный, добрый, спокойный, агрессивный, честный, ленивый, зависимый, эгоистичный, красивый, умный, завистливый, справедливый, отзывчивый.

В целях анализа характера идентификации старшеклассников мы сочли необходимым разделение старшеклассников обеих национальностей по половой принадлежности.

Суммарные матрицы данных по 4 подвыборкам (мальчики и девочки русской и еврейской национальностей) обрабатывались методом факторного анализа с вычислением значений факторов для каждого объекта шкалирования. В результате нами были получены: 5 факторов у мальчиков и 4 - у девочек русской национальности и 3 фактора у мальчиков и 4 фактора у девочек еврейской национальности.

Ввиду того, что полученные нами категории сознания, как и в первом эксперименте, отражают инвариантную структуру оснований классификации, присущую старшеклассникам обеих национальных групп в области восприятия национальных и религиозных стереотипов, представляется целесообразным провести последовательный анализ каждой из этих категорий.

Категория 1. Полное совпадение содержания оценочного фактора (см. Табл. 2) во всех четырех подвыборках испытуемых свидетельствует о наличии единой категории сознания у москвичей русской и еврейской национальностей независимо от половой принадлежности, которая фиксирует поляризацию оценочно-положительных (нравственных, толерантных) черт личности и агрессивно-эгоистическую детерминанту поведения человека как враждебного по отношению к другим.

Говоря о совпадении факторных структур и наличии одинаковой для русских и еврейских московских старшеклассников кате-

Таблица 2
Факторные нагрузки шкал, выделенные в 4 подгруппах испытуемых
(доминирующие факторы во всех подвыборках)

характеристики	факторные нагрузки			
	русские		евреи	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки
терпимый	.92	.94	.95	.94
спокойный	.90	.88	.92	.95
добрый	.88	.92	.96	.90
честный	.78	.94	.91	.90
отзывчивый	.80	.85	.91	.85
справедливый	.80	.95	.90	.91
умный	.81	.95	.82	.53
красивый	.76	.76	.83	.64
агрессивный	-.89	-.90	-.90	-.89
завистливый	-.82	-.90	-.77	-.81
эгоистичный	-.72	-.87	-.82	-.88
хитрый	---	-.80	---	---

гории сознания в области восприятия национальных и религиозных стереотипов, нельзя утверждать полную идентичность смыслового содержания этой категории. Во-первых, речь идет не об индивидуальной структуре сознания, следовательно, всегда существует вариативность внутри исследуемой группы - это является как бы изначальным допущением психосемантического метода изучения особенностей группового сознания. Во-вторых, нагрузки общих для всех четырех групп шкал по теории вероятности просто не могут совпадать друг с другом. Так, у русских мальчиков и еврейских девочек наиболее доминирующими являются характеристики "терпимый" и

"спокойный"; для русских девочек - это "умный", "справедливый" и "терпимый"; для еврейских мальчиков - "добрый" и "терпимый". В смысловой оппозиции у русских старшеклассников первые две позиции занимают "агрессивный" и "зависимый", а у евреев - "агрессивный" и "эгоистичный". Кроме того, у русских девочек еще добавляется характеристика "хитрый", включение которой, однако, не меняет общую картину.

Несмотря на эти нюансы, несомненно, речь идет о категории, фиксирующей оценочную модальность. Выделение инвариантной базисной категории свидетельствует, во-первых, о валидности используемой методической

Таблица 3.
Факторные нагрузки шкал, выделенные в 4 подгруппах испытуемых

характеристики	факторные нагрузки			
	русские		евреи	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки
расчетливый	.90	.86	.64	.54
хитрый	.73	.50	.88	.94
активный	---	---	.83	---
эмоциональный	---	---	.82	---

Таблица 4
Факторные нагрузки шкал, выделенные в 4 подгруппах испытуемых

характеристики	факторные нагрузки			
	русские		евреи	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки
зависимый	.96	---	.67	.94
слабовольный	.69	---	.79	.64
ленивый	---	.85	.79	.80
активный	-.74	---	-.98	-.42
				-.64

процедуры (test-retest), а, во-вторых, о том, что доминирующим основанием классификации национальных и религиозных стереотипов, характерном для русских и еврейских московских старшеклассников независимо от половой принадлежности, является категория **Альтруизм (Терпимость) - Эгоизм (Враждебность)**. Хотелось бы подчеркнуть, что даваемое нами название категории достаточно условно, поскольку в едином понятии представляется весьма трудным выразить весь спектр вошедших в фактор оценочных характеристик.

Категория 2. Настоящая категория также является инвариантной для русских и еврейских московских старшеклассников обоего пола. Интересно отметить, что у русских старших подростков характеристика "расчетливый" имеет значимо большую факторную нагрузку, чем характеристика "хитрый", в то время как в еврейской подвыборке - наоборот.

Несмотря на это, данную категорию можно также считать инвариантным основанием классификации, присущую русским и еврейским старшеклассникам обоего пола при восприятии национальных и религиозных стереотипов и определяемую нами как **Расчетливость**. При этом следует подчеркнуть, что дан-

ное основание классификации выражает интеллектуальную модальность восприятия - некую макиавеллиевскую категорию отношения к жизни.

Категория 3. Как мы видим из таблицы 4, данное основание классификации можно также считать инвариантным для всех четырех подвыборок испытуемых. Оно определяет собой категорию **Зависимость (пассивность) - Активность**.

Однако здесь имеется, с нашей точки зрения, весьма существенная особенность, выделенная в группе мальчиков русской национальности, где данная категория разбивается на два самостоятельных не коррелирующих между собой блока - **Зависимость (пассивность) - Активность и Лень**.

Кроме того, у мальчиков европейской национальности по сути дела отсутствует полюс оппозиции, поскольку характеристика "активный" включена здесь в содержательный блок, фиксирующий категорию Расчетливость (см. таблицу 3). По всей видимости, это можно объяснить различием в самом понимании активности, специфичном для мальчиков и девочек.

Категория 4. Из таблицы 5 видно, что характеристика "эмоциональный" в трех под-

Таблица 5
Факторные нагрузки шкалы "Эмоциональность", составляющей
отдельный самостоятельный фактор в трех подвыборках испытуемых

характеристика	факторные нагрузки			
	русские		евреи	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки
эмоциональный	.97	.85	---	.79

выборках составляет самостоятельный фактор, тогда как у группы мальчиков еврейской национальности она включена в блок, фиксирующий такое основание классификации национальных и религиозных стереотипов как Расчетливость. Несмотря на это, мы полагаем целесообразным рассматривать все же этот фактор как самостоятельную категорию, инвариантную для представителей двух национальных групп, поскольку у девочек еврейской национальности это является также отдельным некоррелирующим с другими фактором, как и в русской группе старшеклассников. Таким образом четвертым инвариантным основанием классификации, присущим старшеклассникам, является Эмоциональность.

Таким образом, при рассмотрении оснований классификации этно-социальных стереотипов, присущих старшеклассникам русской и еврейской национальностей, нами были выделены следующие инвариантные категории:

1. АЛЬТРУИЗМ (ТЕРПИМОСТЬ) - ЭГОИЗМ (ВРАЖДЕБНОСТЬ)
2. РАСЧЕТЛИВОСТЬ
3. ПАССИВНОСТЬ (ЗАВИСИМОСТЬ)
- АКТИВНОСТЬ
4. ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ (кроме мальчиков еврейской национальности)

Наличие трех доминирующих инвариантных базисных категорий сознания старшеклассников в области восприятия субъект-субъектных межнациональных отношений дает нам возможность сделать вывод о тождественности ментального пространства московских подростков русской и еврейской национальностей в области восприятия субъектов межнациональных отношений и религиозных стереотипов.

Наиболее существенной особенностью при рассмотрении полученных категориальных структур является их различие в иерархической структуре оснований классификации. Заметим, что это различие обусловлено не национальной, а половой принадлежностью испытуемых. Так, нами было установлено, что доминирующим основанием классификации для всех 4 групп является категория Альтруизм-Эгоизм. Это подтверждает и результаты

нашего предыдущего эксперимента [7], согласно которым основной категорией сознания при восприятии этнических стереотипов выступает фактор, также определенный нами как Альтруизм-Эгоизм. Таким образом, в этих двух исследованиях факторы по составу шкал оказались идентичными.

У мальчиков обеих национальностей вторую позицию занимает категория Расчетливость, а у девочек - Зависимость(пассивность)-Активность.

Теперь обратимся к анализу размещения стереотипов в пространстве полученных категорий-факторов (рис.3-10)*.

При анализе "Я-концепции" в контексте рассмотрения особенностей национальной идентификации подростков нас в первую очередь интересует то, как размещаются в пространстве полученных базисных категорий позиции "Я" и "идеал". Значимые разрывы (расстояния по осям факторов) между факторными значениями этих позиций, а тем более поляризация их модальностей (положительное или отрицательное значение по оси соответствующего фактора) дают нам возможность судить о тех содержательных основаниях, по которым различаются представления старшеклассников русской и еврейской национальностей о своем Я и идеальном образе. Можно думать, что подобный разрыв позволяет говорить о наличии определенного смыслового напряжения, противоречия, дающего основание для движения личности к своему идеалу. Соответственно, расстояние между факторными значениями образа Я и образа автостереотипа или религиозного автостереотипа позволяют судить об идентификации или, наоборот, об отчуждении от своей национальности или своей религии. Остановимся подробнее на наиболее существенных, на наш взгляд, моментах особенностей "Я-концепции" подростков,

Обратившись к размещению позиций "Я", "идеал", "русский", "еврей", "христианин", "иудаист" (рис. 3-6), мы обнаруживаем единство оценки этих позиций по основанию Альтруизм. Однако по оси другой категории - Расчетливость - мы видим весьма значимые различия в их факторных значениях.

Ввиду того, что категория Эмоциональность выделена не во всех подвыборках испытуемых, кроме того она занимает последнюю позицию в иерархии оснований классификации, мы сочли нецелесообразным проводить анализ идентификации по линии аффективной близости "Я-образа" с "идеалом", автостереотипом и религиозным автостереотипом. Это же касается и выделенной в группе мальчиков русской национальности категории Лень.

Рис. 3. Размещение ряда стереотипов и ролевых позиций в пространстве категорий Альтруизм-Эгоизм и Расчетливость в подвыборке мальчиков русской национальности.

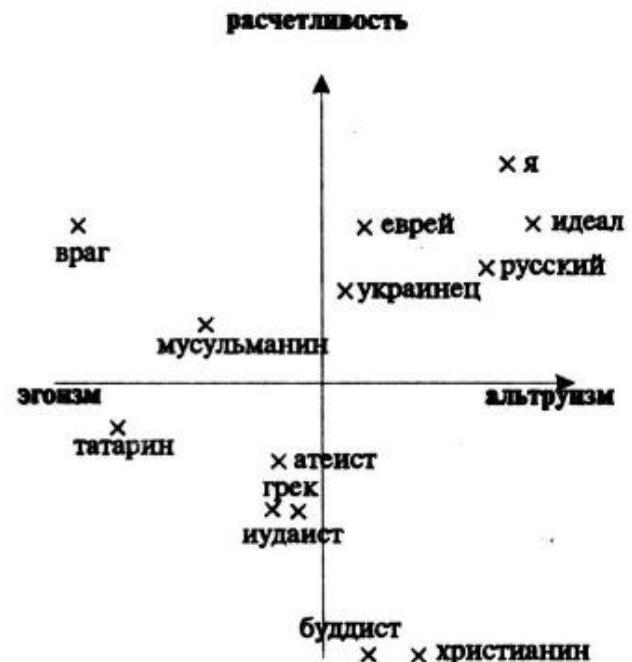

Рис. 4. Размещение ряда стереотипов и ролевых позиций в пространстве категорий Альтруизм-Эгоизм и Расчетливость в подвыборке девочек русской национальности.

Рис. 5. Размещение ряда стереотипов и ролевых позиций в пространстве категорий Альтруизм-Эгоизм и Расчетливость в подвыборке мальчиков еврейской национальности.

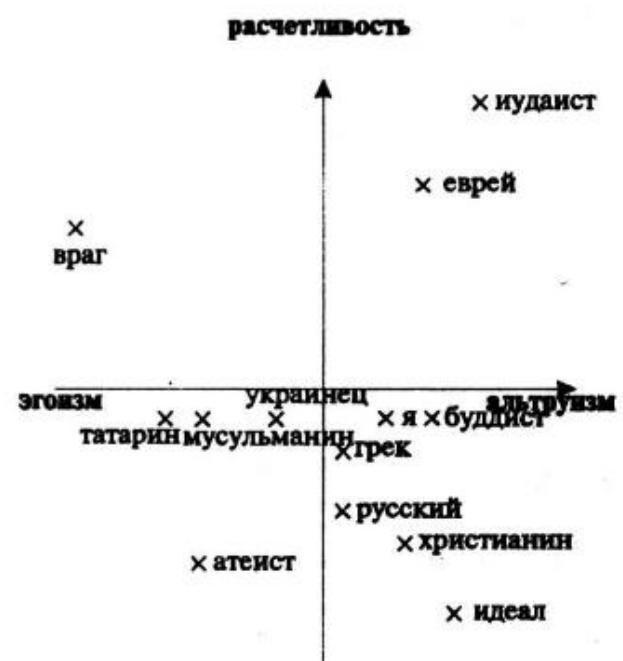

Рис. 6. Размещение ряда стереотипов и ролевых позиций в пространстве категорий Альтруизм-Эгоизм и Расчетливость в подвыборке девочек еврейской национальности.

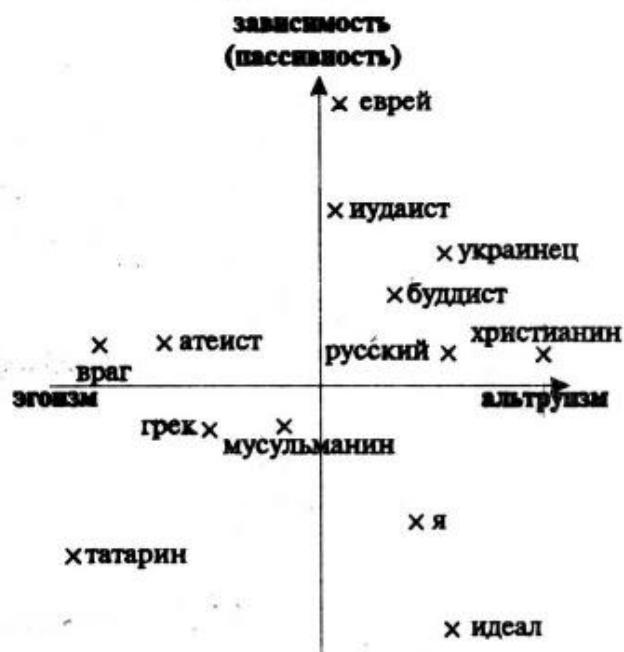

Рис. 7. Размещение стереотипов и ролевых позиций в пространстве категорий Альтруизм-Эгоизм и Зависимость (пассивность) - Активность в подвыборке мальчиков русской национальности.

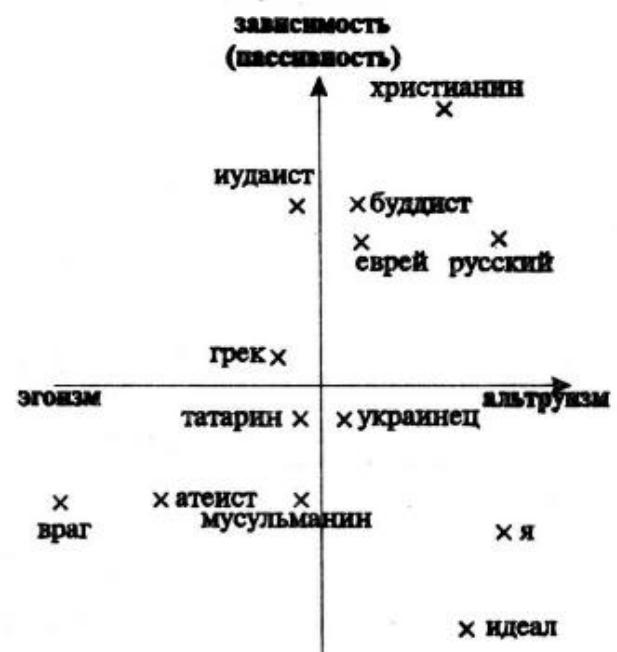

Рис. 8. Размещение стереотипов и ролевых позиций в пространстве категорий Альтруизм-Эгоизм и Зависимость (пассивность) - Активность в подвыборке девочек русской национальности.

Рис. 9. Размещение стереотипов и ролевых позиций в пространстве категорий Альтруизм-Эгоизм и Зависимость (пассивность) - Активность в подвыборке мальчиков еврейской национальности.

Рис. 10. Размещение стереотипов и ролевых позиций в пространстве категорий Альтруизм-Эгоизм и Зависимость (пассивность) - Активность в подвыборке девочек еврейской национальности.

Так, у русских (рис. 3-4) образ "Я", "идеал", автоэтностереотип ("русский") расположены в плоскости Расчетливость, тогда как образ религиозного стереотипа - "христианин" имеет максимальное значение на противоположном полюсе данного фактора. Это свидетельствует о том, что в своем собственном представлении о себе, своем народе, своем личностном идеале как расчетливом, адаптивном к современной действительности образе русские старшеклассники дифференцируют его от идеала своей религии: образ христианина выступает в их сознании как бескорыстный, нерасчетливый.

Напротив, у подростков еврейской национальности (рис. 5-6) позиции "еврей" и "иудаист" расположены в плоскости Расчетливость, тогда как личностный идеал - на противоположном полюсе. Иными словами, общим для еврейских мальчиков и девочек является отчуждение личностного идеала от собственной национальности и религии по этому основанию классификации. Допустимо предположить, что христианское окружение, христианская культура как контекст социализации московских еврейских подростков оказывает существенное влияние на формирование личностных идеалов, ценностей, установок и является тем самым причиной этого отчуждения.

Характерным моментом, фиксирующим особенности социализации еврейских подростков, с нашей точки зрения, является также и то, что у мальчиков позиция "Я" расположена в единой плоскости с национальным и религиозным стереотипами, тогда как у девочек - в противоположной плоскости. Причина этого лежит, на наш взгляд, не в области различий, обусловленных половой принадлежностью, а заключается именно в особенностях контекста социализации. Дело в том, что в нашем исследовании приблизительно половина мальчиков являлось учащимися религиозной еврейской школы, тогда как все опрошенные девочки были из светских еврейских школ. По всей видимости, преобладание религиозного воспитания способствует большей национально-культурной идентификации, чем светское воспитание даже в национальных школах. И для еврейских мальчиков оно привело к разрыву представлений о собственном образе как еврея, иудаиста от личностного идеала, сформированного общим культурным контекстом. Таким образом, для еврейских подростков, проживающих в хри-

тианской культурной среде, неизбежно будет существовать противоречие между тенденцией к национально-культурной идентичности и движением к личностному идеалу. Приближаясь к собственному идеалу, еврейские подростки отчуждаются от своей нации, религии (девочки в нашем эксперименте); слияние с национально-культурным образом вызывает противоречие с образом личностного идеала (мальчики).

Таким образом, подводя итог рассмотрению рисунков 3-6, можно сказать, что выделенная нами базисная инвариантная категория Расчетливость является ключевым основанием классификации, фиксирующим особенности национальной идентификации подростков русской и еврейской национальностей.

В этой связи хотелось бы отметить наличие своеобразной инверсии размещения в факторном пространстве стереотипов в обеих подвыборках. В особенности это касается местоположения позиции "идеал" относительно образа "Я" и религиозных стереотипов. Как мы уже говорили, у русских "Я-идеальное" находится вместе с "Я-реальным" и автоэтностереотипом ("русский") в оппозиции к бескорыстному, нерасчетливому образу, воплощением которого является христианин. У евреев же, напротив, "идеал" находится в оппозиции к национально-культурным стереотипам и за-ключает в себе бескорыстие, нерасчетливость. Иными словами, у русских и еврейских подростков различается само понятие личностного идеала, причем совершенно противоположным образом. Возникает парадоксальная картина - идеал еврейских подростков ближе к христианскому понятию об идеале, а идеал для русских ближе к их представлению об образе еврея. Объясняется этот парадокс у еврейских подростков культурным контекстом, в котором происходит их социализация, мы должны выделить содержательные особенности контекста социализации у русских подростков. И здесь, с нашей точки зрения, детерминирующей является общая социальная тенденция, связанная с ориентацией на материальные ценности, характерная для сегодняшнего дня. Преобладающее влияние тенденции к достижению материального благосостояния обнаруживает отчуждение сегодня русских подростков от христианских идеалов бескорыстия, причем не только в их представлениях о себе самом и своем личностном идеале, но и в представлении о русском как представителе

своего народа. Таким образом, несмотря на социальные установки признания православия, разрыв между осознанием себя как русского и как православного становится еще более значимым.

По категории Зависимость (пассивность) - Активность (рис. 7-10) мы также обнаруживаем в обеих подвыборках противоречия, отражающие различные аспекты национальной идентификации подростков.

У русских представление о себе слито с личностным идеалом и воплощает Активность, находясь по сути дела в оппозиции к образам русского и христианина, оцениваемыми как зависимые, пассивные (рис. 7-8).

У евреев мы обнаруживаем факт оппозиции активного личностного идеала и представления о себе самом как представителе иудейской нации и религии - зависимом и пассивном (рис. 9-10). Допустимо, на наш взгляд, предположить, что смысловым содержанием данного основания классификации является в большей степени Зависимость-Независимость, чем Пассивность-Активность. Это объясняет исторически обусловленное стремление еврейских подростков именно как представителей бывшей много лет бесправной и гонимой нации и религии к независимости, выраженное в образе личностного идеала..

При анализе размещения остальных национальных и религиозных стереотипов в пространстве выделенных инвариантных для русских и еврейских старшеклассников-москвичей оснований классификации, мы обратили внимание еще на некоторые характерные моменты, которые мы считаем значимыми при изучении вопроса межнациональных отношений. Так, представители ислама во всех четырех подвыборках находятся на полюсе Эгоизм (Враждебность), что свидетельствует о том, что и русские, и евреи достаточно негативно воспринимают представителей этой религии, хотя вероятнее всего имеют различные основания для подобной оценки.

Выводы

1. На основании анализа выделенных в результате нашего экспериментального исследования базисных категорий сознания старшеклассников можно сделать вывод о наличии тождественного ментального пространства, присущего подросткам русской и еврейской национальностей в области восприятия как субъект-объектной, так и субъект-субъектной

этно-социальной реальности. При этом сфера субъект-субъектных отношений обнаруживает большую многомерность, дифференцированность категориальной структуры сознания подростков, чем область восприятия этно-социальных объектов.

Наличие инвариантного ментального пространства у старшеклассников - жителей Москвы независимо от национальной принадлежности свидетельствует о доминирующем влиянии социо-культурной среды, системы мегаполиса на имплицитную картину представлений подростков в области этно-социальной реальности.

2. В процессе анализа "Я-концепции" мы обнаружили в обеих группах подростков особые проблемы, связанные со спецификой их самоопределения и социализацией, обусловленные этно-культурными реалиями.

Стремление еврейских подростков к независимости как выражение исторически обусловленного стремления к этому еврейского народа в целом отражает их тенденцию к национальной идентификации даже в большей степени, чем слияние образа "Я" и национально-культурных стереотипов по категориям Альтруизм или Расчетливость. Проблема, характерная для еврейских подростков, заключается в противоречии между несомненной тенденцией к национально-культурной идентичности и движением к личностному идеалу, сформированному под влиянием христианского окружения, когда происходит противопоставление национально-культурных ценностей, установок ценностям, установкам общего социально-культурного контекста. В этом случае проблема отчуждения собственного идеала от представлений об идеале своей нации, религии является проблемой самоопределения личности. В этом смысле национальная школа как носитель функции трансляции национальной культуры своим влиянием по сути дела усиливает это противоречие, в особенности же религиозная школа. И в этом, по всей видимости, и заключается вся сложность работы национальной школы, когда она, спасая от ассимиляции, ставит перед подростком совершенно иные проблемы самоопределения, связанные с интериоризацией этнических ценностей в обстановке инонационального окружения, инонациональной культуры.

Как ни странно, проблема самоопределения русских подростков представляется еще более сложной, неоднозначной. Прежде всего

для них характерно переживание, связанное с представлением об унизенном положении собственного народа сегодня, о чем свидетельствует значимое расстояние между значениями позиций "русский народ" и "народ, которым я восхищаюсь" по категории Силы.

Формой компенсации этого переживания для русских подростков выступает следование двум основным, в какой-то степени противоположным социальным тенденциям, характерным для России в настоящее время - религиозности и ориентацией на материальные ценности.

На основании полученных нами результатов можно полагать, что религиозность в сознании русских подростков, являясь автономным основанием классификации, представлена как смысловая граница противопоставления группы Мы группе Они, как барьер для понимания и взаимодействия. И именно таким образом у подростков проявляется стремление к религиозности, а не в плане интериоризации ценностей христианской культуры. Мы имеем основание делать подобный вывод, поскольку, как показывают результаты исследования, у русских подростков происходит отчуждение от своей религиозной принадлежности на уровне духовных ценностей не только в представлениях о себе самом и своем личностном идеале, но и о себе как представителе русского народа. И здесь как раз отражена другая общая социальная тенденция - ориентация на материальные ценности, когда личностный идеал подростка как совокупный образ принятого сейчас определения "нового русского" противопоставлен бескорыстному образу истинного христианина.

Литература

1.Грачева А.М. Национальный вопрос как предмет исследования социологии образования// "Социология образования", М., 1993

2.Гумилев Л.Н. Биография научной теории или автонекролог // "Знамя", 1988, № 4, С. 202 - 216.

3.Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975

4.Нистратов А.А., Грачева А.М. Психосемантическое исследование общественного сознания//Тезисы докладов межрегиональной науч.-практ.конференции "Общественное сознание и идеологическая работа", Кострома, 1990

5.Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988

6.Собкин В.С.,Грачева А.М.,Нистратов А.А.Возрастные особенности ориентации в социально-профессиональной сфере// "Вопросы психологии", N4,1990, С 23-31

7.Собкин В.С., Писарский П.С. Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе. - М., 1992, С. 66-76.

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ТУВИНСКИХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

А.М.Грачева

Параллельно с социологическим опросом старшеклассников Тувы нами было проведено психосемантическое исследование*, направленное на выявление особенностей восприятия тувинскими школьниками представителей других национальностей, а также своей собственной национальности.

Суть данного психосемантического исследования заключается в оценке представителей различных национальностей по ряду характеристик типа: "терпимый", "свободолюбивый", "добрый" и т.п.

Исследование состояло из двух серий. В первой серии основным предметом анализа было выявление особенностей восприятия тувинскими старшеклассниками различных народов. В качестве объектов оценивания выступали следующие народы: тувинский, русский, монгольский, бурятский, алтайский, хакасский и татарский народы, а также оценочные объекты - "народ, которым я восхищаюсь", "антропатичный мне народ", "воинственный народ", "покоренный народ". Все перечисленные объекты оценивались по шкале от 0 до 5 по следующим характеристикам (подросткам давалась соответствующая инструкция - они должны были оценить, насколько каждое качество характеризует каждый объект, причем 0 означал полное отсутствие этого качества, а 5 - его максимальную выраженность): сильный, религиозный, мудрый, спокойный, сплоченный, открытый, выносливый, гостеприимный, покорный, талантливый, расчетливый, свободолюбивый, отсталый, трудолюбивый, воинственный.

Вторая серия была ориентирована на оценку представителей народов и включала следующие объекты: национальные стереотипы - тувинец, русский, монгол, алтаец, бурят, хакасс, татарин; религиозные стереотипы - буддист, христианин, атеист; оценочные позиции - "мой идеал" и "мой враг", а также категорию "Я-сам". Названные объекты подростки должны были оценить по следующему набору характеристик (таким же образом, как и в первом эксперименте): справедливый, слабоволный, расчетливый, умный, отзывчивый,

Сбор материалов исследования был осуществлен Емельяновым Г.А.

хитрый, честный, агрессивный, терпимый, застенчивый, добрый, ленивый, эгоистичный, активный, эмоциональный, красивый, спокойный, зависимый.

Полученный материал обрабатывался методом факторного анализа, который позволяет выделить глубинные семантические структуры, определяющие оценку тувинскими старшеклассниками тех или иных народов (первая серия), и семантические основания оценки ими представителей соответствующих национальностей (вторая серия).

В первой серии экспериментального исследования нами были выделены следующие основания классификации - категории-факторы: Открытость-Воинственность, Сила (свободолюбие), Отсталость (покорность)-Сплоченность, Творческость. Иными словами, указанные выше категории составляют семантическое пространство, в котором происходит восприятие народов тувинскими старшеклассниками.

Ниже представлены рисунки, на которых показано размещение народов в пространстве выделенных оснований классификации.

Остановимся на наиболее интересных, с нашей точки зрения, моментах, отраженных в рисунках. Так, по оси "Открытость-Воинственность" тувинские старшеклассники оценивают свой собственный народ достаточно сходным образом с алтайским, хакасским и бурятским, считая эту группу народов открытыми для взаимодействия и близкими в этом смысле к образу идеального народа - народа, который вызывает восхищение. К воинственным тувинским подросткам относят русский и татарский народы, т.е. по этому основанию классификации эти народы оцениваются далекими от идеала. Характерно, что по такой категории как "Сила, свободолюбие" все предложенные народы оцениваются старшеклассниками тувинской национальности положительно.

Наиболее интересным, с нашей точки зрения, представляется рис. 2. Как можно заметить, ось абсцисс задает оппозицию таких

Рис.1.

Рис.2.

Размещение народов в пространстве категорий-факторов

категорий как "Сплоченность" и "Покорность". Показательно, что тувинские школьники именно по этому основанию характеризуют большинство народов, включая свой собственный народ, как "покорных" - далеких от идеала. Иными словами, идеалом народа как некого сплоченного этнического единства не выступает ни сам тувинский народ, ни другие окружающие его народы - алтайский, хакасский, бурятский, ни даже такое крупное этническое образование как русский народ. С точки зрения тувинских подростков, все они раздроблены, разобщены внутри себя, а, следовательно, доступны к завоеванию другими.

При этом все эти народы оцениваются как имеющие высокий духовный потенциал ("талантливость", "мудрость").

В целом можно сделать вывод о том, что собственный народ в оценке тувинских старшеклассников близок к идеалу по критериям открытости и духовности и далек от идеала по критерию сплоченности, единства. Подростки склонны скорее оценивать собственный народ как "покорный".

Во второй серии эксперимента при оценке представителей ряда национальностей и религий нами были выделены следующие основания классификации национальных и религиозных стереотипов: Альтруизм (беско-

рыстие)-Эгоизм (прагматизм), Зависимость-Ум, Эмоциональность, Внешняя привлекательность. Следует отметить, что, как показали наши предыдущие исследования, проведенные на представителях других национальностей (русских, татарах, евреях), категориальная оппозиция "Альтруизм-Эгоизм" является инвариантной, т.е. она выделяется в любой национальной группе испытуемых. Это же касается и категории "Эмоциональность". Характерной же особенностью тувинских подростков при оценке национальных и религиозных стереотипов выступает категориальная оппозиция "Зависимость-Ум", которую мы не обнаруживаем ни в одной из исследованных нами ранее этнических групп.

На рисунке, приведенном ниже, показано размещение национальных и религиозных стереотипов, а также оценочных позиций в пространстве основных полученных категорий - "Альтруизм-Эгоизм" и "Зависимость-Ум".

В первую очередь нас интересует то, как расположены по осям категорий-факторов такие объекты как "идеал", "тувинец", "буддист" и "Я". Дело в том, что расстояния между позицией "Я", т.е. тем, как подросток оценивает самого себя, и понятиями "идеал", "буддист" и "тувинец" показывают, насколько старшеклассники тувинской национальности

Рис. 3 Размещение национальных и религиозных стереотипов и оценочных позиций в пространстве ключевых категорий-факторов.

оценивают себя близкими к своему собственному личностному идеалу, к представителям своей нации, религии. Значительное расстояние между позицией "Я" и идеалом по тем или иным основаниям классификации показывает наличие личностного напряжения подростка относительно той или иной соответствующей смысловой ориентации. Расстояние между позицией "Я" и стереотипами "буддист" и "тувинец" фиксирует наличие религиозной и национальной идентификации или, напротив, об отчуждении от своей религиозной или национальной принадлежности.

Как видно из рисунка, по оси абсцисс (категория-фактор "Альтруизм"- "Эгоизм") мы не обнаруживаем особенно существенных разрывов между интересующими нас объектами. Как бескорыстных альтруистов тувинские подростки оценивают буддистов (как представителей основной религии своего народа), тувинцев, самих себя и свой идеал. Все остальные национальности имеют ту или иную негативную оценку и смешены в плоскость "Эгоизм".

По оси ординат - "Зависимость-Ум" - обращает на себя внимание огромный разрыв в оценке идеала, самого себя и буддиста с представителем собственной национальности. В этой связи можно говорить не об отчуждении личностного идеала от представителя соб-

ственной национальности, а об их противопоставлении. Так, наиболее приближенным к "идеалу" оказывается "буддист", который, находясь с ним в единой плоскости фактора, также противопоставляется "тувинцу". Это же касается и оценки подростками самих себя - позиции "Я".

Таким образом, основное разотождествление себя с представителями своей национальности у тувинских школьников происходит в рамках оппозиции "Ум-Зависимость". Так, по глубинным семантическим основаниям тувинские подростки склонны оценивать тувинцев как "зависимых". Идеал же рассматривается ими как олицетворение независимости, в основе которой лежит интеллектуальный потенциал.

Что касается восприятия представителей других народов, национальностей, то мы здесь не обнаруживаем особой дифференциации в оценке. Практически все национальные стереотипы расположены в квадранте, описываемом осями категорий-факторов - "Эгоизм (расчетливость)-Зависимость". Исключение составляет представитель русской национальности, который оценивается как несколько более независимый.

***

Имея возможность сравнивать результаты настоящего экспериментального исследования с проведенным нами ранее психосемантическим анализом особенностей межнационального восприятия русских, еврейских и татарских подростков, мы можем отметить ряд, с нашей точки зрения, наиболее интересных моментов. Во-первых, сама структура оснований классификации - категориальная структура сознания тувинских подростков в области межнациональных отношений имеет как общие, инвариантные характеристики, так и отличительные, этно-специфичные признаки. Инвариантными явились большинство выделенных нами категорий как в первом, так и во втором эксперименте (Открытость народа, Сила народа - первая серия эксперимента; Альтруизм-Эгоизм, Эмоциональность - вторая серия). Однако в обоих случаях мы обнаруживаем и ряд содержательных особенностей выделенных категорий-факторов, имеющих несомненно национальную природу. В первом эксперименте "Покорность (отсталость)" народа противопоставляется его "Спленченности" (в трех ранее исследуемых национальных группах "Покорность" однозначно противопоставлялась "Силе"). Данный факт представля-

ется весьма показательным, поскольку свидетельствует о том, что в сознании тувинских подростков сплоченность, единство народа делает его способным к развитию и противостоянию завоеванию. Допустимо предположить, что здесь обнаруживается специфика самосознания представителей малого народа, видящих в единстве и сплоченности спасение от ассимиляции и аккультурации.

Во втором эксперименте, как мы уже отмечали, категория "Зависимость" противопоставляется "Уму", тогда как для старшеклассников иных национальностей (русских, евреев, татар) характерным является противопоставление "Зависимость-Активность".

Таким образом, на основании полученных данных можно сделать общий вывод о том, что тувинские подростки обнаруживают иную, этнически специфичную категориальную структуру сознания в области межнациональных отношений - иной менталитет, чем их русские, еврейские или татарские сверстники, которые имеют между собой несколько большее сходство.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание, несмотря на то, что он имеет меньшее значения для академической психологии, он несравненно более важен с точки зрения реальной жизненной практики. Оба наши эксперимента показали наличие четкой тенденции отчуждения тувинских подростков от своего народа. Тувинский народ, оцениваемый старшеклассниками в ряду дру-

гих народов, является для них таким же далеким от образа идеального народа - народа, который вызывает восхищение, как и все остальные. Как показывают результаты наших исследований, адекватной является такая ситуация, когда собственный народ хотя бы по одному из ключевых оснований классификации является приближенным к идеалу, поскольку это отражает даже часто неосознаваемое чувство национальной гордости, приверженности своему народу, любви к нему. Кроме того, во втором эксперименте по категории "Зависимость-Ум" представитель собственного народа - тувинец - даже противопоставлен не только идеалу, но и представителю собственной религии и самому себе. Вывод напрашивается следующий. Острое переживание положения собственного народа на сегодняшний день - его зависимости, ассимиляции, аккультурации - приводит подростков к отчуждению от него. Настоящий вывод весьма гипотетичен, поскольку требует дополнительных исследований как собственно психологических, так и историко-социологических. Однако, возможно, полученные в нашем эксперименте данные дадут возможность серьезно задуматься над проблемой поиска возможностей возрождения у тувинских детей стремления к национальной идентичности, поиску средств и путей возрождения у них гордости быть представителем своего народа.

Раздел II

Социально-психологические исследования

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКА В УСЛОВИЯХ БЫСТРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ.

Е.П.Авдуевская
С.А.Баклушкинский

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ.

Подростковый возраст традиционно рассматривается как промежуточный между детством и взрослым состоянием. Его также описывают как период выборов, стрессов, повышенных нагрузок, в течении которого подросток должен многое сделать для достижения нового для него взрослого статуса (O.Tzeng, A.Everett 1985; Мюссен П., и др. 1987). Процесс адаптации подростка к взрослому миру получил название социализации. Результатом этого процесса является усвоение подростком ценностей мира взрослых.

Данная статья посвящена социально-психологическому анализу проблемы подростковой социализации в изменяющемся обществе и отражает результаты нескольких эмпирических исследований авторов, проведенных в 1991 и 1993-94 годах и ставящих в качестве своих основных задач изучение двух важнейших психологических реалий социализационного процесса: с одной стороны, субъективной представленности социального окружения подростка, с другой - таких основных структур его самосознания как ценностно-нормативные ориентации.

Ранее мы уже частично представляли полученные результаты - ту их часть, которая касается особенностей влияния социальной сети на Я-концепцию в юношеском возрасте (см. С.А.Баклушкинский, 1993) и эмпирические данные, отражающие взаимосвязь ценностно-нормативных ориентаций подростка с уровнем его социально-психологической адаптированности и отношением к социальным изменениям (см. Е.П.Авдуевская, 1993).

Вместе с тем представляется интересным, и в определенной степени необходимым попытаться дать комплексное освещение полученных эмпирических данных, и, таким образом, целью данной работы явилось изучение особенностей трансформации в условиях социальной нестабильности таких специфических задач подросткового периода как освоение предлагаемой обществом системы норм и ценностей и формирование на этой основе собст-

венной Я-концепции. Однако прежде чем перейти к предмету нашего анализа, зададим некоторые акценты нашего понимания современной социо-культурной ситуации развития подростка.

Традиционно в социально-психологической литературе понятие социализации - при всей множественности его конкретных трактовок, - определяется как усвоение личностью существующей совокупности социальных норм и правил. На уровне конкретных эмпирических исследований подобная трактовка этого понятия традиционно трансформируется в задачу выяснения условий, способствующих выработке личностью конформных установок по отношению к тем или иным социальным требованиям.

В частности, подобная логика социально-психологической эмпирики была характерна для американских исследований процесса социализации в 70-е годы. При этом представляется в целом возможным выделить два основных направления данных исследований. Для первого из них характерно было обращение внимания на процессуальную сторону социализации - когда в центре исследований оказывался вопрос о механизмах и стадиях социализации, а для второго - основным предметом анализа стали некоторые конечные результаты ее, когда преимущественно речь шла о формировании того или иного социального типа личности или же набора психологических качеств, возникающих в результате социализации.

Оба этих направления исследований явно или неявно подразумевали под основной функцией социализации процесс определенной интериоризации социальных требований, превращения их, по выражению Л.Колберга, в автономные стимулы социального поведения (Л.Колберг, 1991)

Не менее традиционным при этом был и выбор основного объекта подобных исследований, а именно - подросткового этапа социализации, что объясняется в первую очередь тем фактом, что типично социализационные задачи являются для подростка одновременно

¹⁾ Данное исследование выполнено при поддержке Фонда "Культурная Инициатива".

и основными возрастными задачами. Последнее делает социализационные закономерности более презентированными - как в их субъективном выражении, так и в их объективных проявлениях.

Общепринятым является положение о том, что одной из основных возрастных задач отечества, во многом определяющей ход и характер социализационного процесса, является освоение подростком предлагаемой обществом системы норм и формирование на этой основе собственных ценностей. Как трансформируется эта возрастная задача в ситуации ценностно-нормативного кризиса общества, каковы закономерности нормативной социализации подростка в изменяющемся социуме, - актуальность теоретического и эмпирического освещения этих проблем не нуждается в развернутых доказательствах.

Отметим также, что, несмотря на известную традиционность сюжета, содержание ценностей и нормативных моделей подростка было изучено в отечественной социальной психологии в силу понятных идеологических причин явно недостаточно, а полученные по этой проблеме данные стремительно устаревают. Как изменилось за последнее время содержание ценностей, предлагаемых обществом подростку, каковы механизмы их освоения, как воспринимается подростком актуальная ситуация общественного развития, что определяет юношеский социальный выбор и принятие различных норм - поиск ответов на эти вопросы интересен сегодня не только психологам, но и педагогам, социальным работникам образования, всем, кто в повседневной практике работы с детьми сталкивается с этими проблемами.

Итак, если согласиться с тем, что потенциальная объективная заданность трудностей хода нормативной социализации подростков в современной ситуации вытекает прежде всего из факта общей дестабилизации социальной жизни и нормативного кризиса нашего общества в целом, то представляется необходимым отметить, что последний выражается, возможно, не только и не столько в отсутствии социальных норм и ценностей, сколько в том, что сегодня они не образуют четко структурированных нормативных моделей. В итоге современный подросток оказывается на традиционном возрастном перекрестке множественных социальных выборов, в условиях, когда привычные социальные ориентиры таковыми уже не являются.

Образно говоря, особенности социализации подростка в условиях быстрых социальных изменений во многом напоминают широко известную апорию Зенона об Ахилле и черепахе. Однако, в апории Ахилл двигался не в пример быстрее черепахи - что обычно и происходит в "нормальных" условиях социализации, когда скорость индивидуального развития подростка много выше скорости социальной динамики и подросток в процессе своего развития "догоняет" и достаточно мягко "вписывается" в существующую социальную структуру. Процесс же социализации в этих условиях представляет собой именно постепенное усвоение подростком норм, правил и социальных представлений, характерных для данного общества, что, заметим, и было предметом большинства исследований подростковой социализации.

Однако, актуальная социальная ситуация в нашей стране открывает перед исследователями социализационного процесса новые возможности. Ведь куда более интереснее и сложнее оказывается ситуация в условиях, когда скорость социальных изменений и скорость индивидуального развития соизмеримы, или более того, когда социальные изменения происходят много быстрее способности человека адаптироваться к ним. Когда едва полученный опыт оказывается неприменим в социальной практике, а усвоенные нормы и ценности не только не являются ориентирами в этом меняющемся мире, но, напротив, в первую очередь и подвергаются пересмотру.

Обращаясь в этой связи к известной мысли Л.С.Выготского о социальной ситуации развития ребенка, задаваемой содержанием его многопозиционных отношений со взрослыми (Выготский Л.С., 1983), подчеркнем, что сегодняшние особенности подростковой социализации могут быть поняты через изменения как в самих этих позициях, так и через новообразования в их субъективном восприятии.

Для Л.С.Выготского данное содержание многообразных отношений ребенка со взрослым миром было прежде всего обусловлено социо-культурно, и с этой точки зрения современная социальная динамика отражается (в том числе) и в "ломке" социо-культурных стереотипов возможных позиционных отношений взрослого и ребенка. Последняя на более конкретном уровне может выражаться как противоречивость требований, предъявляемых социумом ребенку: во-первых, как проти-

воречивость требований предъявляемых одним взрослым, во-вторых, как противоречивость требований предъявляемых разными субъектами взрослого мира. В связи с этим новые эмпирические данные о ходе нормативной социализации подростков в ситуации социальной нестабильности могут быть интересны не только в практическом отношении, но и позволят внести определенный вклад в разработку теоретических проблем социализации в целом.

Необходимо однако отметить, что одна из трудностей состоит при этом, на наш взгляд, в том, что в современной неопределенной социо-культурной ситуации возможно изменяется не только содержание ценностей, предлагаемых обществом подростку, но и сам механизм их освоения. Ведь одновременное существование в настоящие времена многих пластов ценностей, ни один из которых не представляет собой четко структурированной нормативной модели, затрудняет для подростка ситуацию социального выбора и принятия норм.

Сложным в современной ситуации является и решение другой важной возрастной задачи этого периода - формирования жизненного плана, так как сейчас это требует учета направления и темпов изменения социальной реальности, а также высокой личной толерантности к неопределенности. При этом наиболее интересным с исследовательской точки зрения представляется вопрос о возможных способах, факторах и агентах субъективной стабилизации объективной нестабильности, что является частью более широкой проблемы определения соотносительного влияния макро- и микро-уровней социального окружения на ход и характер социализационного процесса.

В этой связи заметим, что существуют некоторые эмпирические данные зарубежных исследований (выполненных, как правило, на подростковых выборках мигрантов), в результате которых оказалось возможным выделить ряд факторов, определяющих успешность социально-психологической адаптации к социальным изменениям. В качестве таковых исследователи отмечают, во-первых, способность человека к изменению своих ценностных ориентаций и образа Я (A.Inkeles, 1983; M.Zavolone 1984), во-вторых, умение находить определенный "баланс" между своими ценностными ориентациями и социальной ролью (Kelley G.A., 1961), в-третьих, ориентация не

на конкретные социальные требования, а на принятие универсальной системы ценностей (Л.Колберг, 1992).

Отдавая предпочтение первому направлению исследований, заметим, что сама по себе отмеченная способность к ценностно-нормативной динамике раскрывается, как правило, лишь с точки зрения ее структурно-содержательных особенностей, и при этом не дается ответа на вопрос о возможных механизмах ее реализации, в частности, на вопрос о том, как, по каким именно социальным каналам происходит процесс трансляции норм и ценностей.

Итак, если характеризовать выбранную проблему исследования в целом, то отметим, что особенности современной социо-культурной ситуации развития в подростковом и юношеском возрасте анализировалась нами двояко. Во-первых, через субъективное восприятие подростком актуальных социальных изменений, задающих новое содержание процессу социализации, (что, предположительно, должно найти свое отражение в особенностях подростковых ценностно-нормативных ориентаций и в характеристиках Я-концепции), а во-вторых - через изменения в субъективной презентированности тех или иных агентов социализации (например, семьи и/или группы сверстников) - в основном с точки зрения ценностно-нормативного влияния на личность подростка.

ОБЩАЯ ЛОГИКА ИССЛЕДОВАНИЯ.

При рассмотрении влияния социальных изменений на индивидуальное развитие подростка мы опирались на известную модель Бронfenбреннера (Bronfenbrenner, 1992). В рамках данной теоретической модели социум рассматривается как совокупность входящих друг в друга (наподобие "матрешки") социальных структур, которые как непосредственно, так и косвенно оказывают влияние на поведение и развитие подростка. Согласно Бронfenбреннеру, эти структуры представляют собой :

- микросоциальные структуры - а именно, те группы, в которые подросток входит непосредственно - например, семья, компания сверстников, класс и прочие;
- социальные структуры, в которые подросток непосредственно не входит, но кото-

рые оказывают свое влияние на него через лиц ближайшего социального окружения;

- макросоциальные структуры, например, политическая и экономическая системы общества, системы образования, социальной защиты и т.п. При этом, макросоциальные структуры оказывают свое влияние как непосредственно (через законы, нормы, ценности, социальную политику), так и опосредованно (через влияние на группы членства подростка).

Отметим, что согласно данной модели, изменения, которые происходят на макросоциальном уровне, оказывают свое влияние как на микросоциальный уровень, так и на личностные переменные.

При планировании настоящего исследования мы не ставили своей целью специальный анализ текущих изменений на макросоциальном уровне, - это скорее задача юристов, историков, политологов, социологов, к тому же они достаточно подробно анализируются в ряде работ предметом которых являются именно изменения на макроуровне (см., например, Собкин В.С., 1993). Но констатируя, что эти изменения имеют место, отметим, что, составляя первый, как бы "верхний", уровень социальной нестабильности, они могут быть рассмотрены двояко: как совокупность некоторых объективных изменений и как их субъективная представленность в рамках общественного и/или индивидуального самосознания.

Так, во-первых, социальная нестабильность связана прежде всего с изменениями существующих форм социальной организации. Сама по себе подобная "перестройка" социальной жизни в обычных условиях, вероятно, еще не влекла бы за собой явлений социальной нестабильности. Однако в наши дни и в нашем обществе она происходит при достаточно своеобразных обстоятельствах.

Общеизвестно, что исторически существует два способа социальной регуляции человеческого поведения. Это культурные факторы, сводимые в основном к существующим ценностям и нормам, содержащим в себе стереотипы социально одобряемого поведения, систему запретов, образцы деятельности и форм взаимодействия; и система власти, регулирующая социальное поведение человека с позиций силы. Причем в мировом процессе происходило, как правило, постепенное усиление первого способа социальной регуляции при условии все большей трансформации второ-

рого, его реализации в превращенном, "снятом" виде.

Особенностью же современных отечественных социальных изменений является то, что их протекание в очень малой степени подкреплено социо-культурно. Субъективным отражением этого на уровне общественного сознания является кризис нормативных представлений об отношении личности и общества.

Осмысление "изжитости" существовавших в недавнем прошлом социальных воззрений на их взаимосвязь (вспомним публицистические дискуссии 3-4-х летней давности) само по себе еще не ведет к реальному появлению каких-либо конструктивных предложений в настоящем. Они существуют лишь в залоге существования, причем в зависимости от приверженности к властно-силовому или ценностно-нормативному способу социальной регуляции их авторы симпатизируют либо "сильной руке", либо "общечеловеческим ценностям". Однако и в том, и в другом случае преодоление существующего нормативного кризиса представляется сомнительным, ибо каждый из предлагаемых способов решения проблем нацелен на общественное развитие "по образцу", и разница между ними лишь в том, из какой социальной действительности берется этот образец - прошлой отечественной или настоящей зарубежной.

Вторым объективным проявлением социальной нестабильности, имеющим значение для подростковой социализации в ее ценностно-нормативном аспекте, представляется резкое усиление социальной стратификации, существенной особенностью которой является, на наш взгляд, осознание этого явления самими его субъектами. В результате на уровне общественного сознания данная стратификация субъективно переживается как кризис целого ряда социальных ценностей и идеалов (например, идеалов справедливого общественного устройства, когда каждому дается "по труду"), что не может не отражаться на системе представлений о содержании социального успеха, современной карьере и т.п., составляющих значительную часть потенциального жизненного плана подростка.

Но, повторимся, как в силу методических сложностей, так и в силу некоторой удаленности от предмета собственно социально-психологического анализа данная реальность осталась за рамками данного эмпирического исследования. Основное внимание в настоя-

щей работе мы уделили тому, какие изменения происходят под воздействием глобальных социальных, политических и экономических изменений на микросоциальном уровне подростка.

Это тем более представляется интересным, что в настоящее время, как мы думаем, на уровне различных групп членства подростка возрастает число неопределенных социальных ситуаций, когда конкретная социальная группа не имеет четких нормативных предписаний о целях и результатах своей деятельности - ни идущих "сверху", со стороны групп более высокого уровня общности, ни лежащих в собственном групповом контексте.

Обратим также внимание на тот факт, что часто говоря о тех или иных социальных изменениях мы сводим их просто к изменениям в законах, ценностях, нормах или стандартах поведения принятых в данном социуме, забывая при этом тот факт, что сами эти изменения являются результатом структурных изменений, происходящих в данном социуме. Современные структурные исследования, посвященные социальному изменению, обращают особое внимание на то, что они связаны в первую очередь с изменениями во взаимоотношениях между индивидами, группами и организациями, при этом изменение норм и ценностей зачастую является следствием указанных структурных изменений (Wellman B., Berkowitz S.D. 1988; Richardson R.J., Wellman B. 1985).

Для подростка основными социальными структурами, которые оказывают на него наибольшее влияние являются семья и группы сверстников (Мюссен П. и др. 1987; Кле М., 1991; Weinstock et al, 1991).

Исходя из этого возможно, как минимум, два пути социализационного процесса в условиях, когда социальное окружение претерпевает быстрые социальные изменения. Первый путь проходят эмигранты, когда семья оказывается в условиях иного социального окружения и вся структура норм, ценностей и стандартов поведения изменяется практически скачкообразно. Причем скорость, с которой подросток и взрослые члены семьи включаются в новый социальный контекст и адаптируются к нему, различна.

Как показывают исследования семей мигрантов, подросток проходит этот путь намного быстрее, чем взрослые, что ведет к возникновению конфликтов в установках, ценностях и поведении между ним и взрослыми

и членами семьи (Der-Karabetian, 1980; Rosental & Cichello, 1986; White & Burke, 1987). В этих условиях роль и значимость членов семьи в процессе социализации падает, в то время как роль и значимость сверстников возрастает.

Такие изменения могут проявиться как в структурных (относительное повышение числа и значимости сверстников), так и в динамических (интенсивность взаимодействия, поддержка и тому подобное) изменениях социальной сети подростка.

Другой возможный путь связан, напротив, с повышением роли семьи, как одного из наиболее стабильных и консервативных социальных институтов. В этом случае восприятие и интерпретация социальных изменений будет осуществляться через призму семьи. При этом, возможно снижение роли сверстников в нормативной социализации подростка.

Таким образом, цель настоящей работы можно было бы сформулировать как попытку выяснить, в какой степени происходящие социальные изменения затронули микросоциальный уровень, и, в частности, как они влияют на процесс ценностно-нормативной социализации в подростковом возрасте.

При этом предполагалось, что те изменения, которые происходят на макроуровне, в первую очередь находят свое отражение в:

- изменениях ценностно-нормативной ориентации подростка, поскольку на макроуровне эта сфера, как уже отмечалось, подверглась максимальным изменениям,
- структурно-динамических изменениях социальной сети подростка, которая опосредует макросоциальные изменения,

ГИПОТЕЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

В качестве основных гипотез были выдвинуты следующие положения, - быстрые социальные изменения, социальная нестабильность и ценностно-нормативный кризис общества влияют на:

1) изменение роли и значимости нормообразующих микросоциальных структур в социальном окружении подростка, что отразится в изменении относительной роли семьи и сверстников в процессе социализации подростка;

2) в изменении ценностно-нормативных ориентаций подростка: Мы рассматривали альтернативные варианты этой гипотезы:

а) семья, как наиболее стабильный и, следовательно, максимально сохраняющий социо-культурную функцию, элемент социальной структуры, оказывает ведущее влияние на процесс формирования ценностно-нормативных ориентаций подростка.

б) группа сверстников, в силу возрастных особенностей более склонная к активному ценностному самоопределению и адаптации, оказывает ведущее влияние на процесс формирования ценностно-нормативных ориентаций подростка.

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ.

В настоящем исследовании мы использовали следующие основные группы показателей:

- показатели социальной нормативности;
- показатели восприятия ситуации социальной нестабильности;
- показатели, отражающие структурно-динамические характеристики социальной сети подростка.

Остановимся на этом более подробно.

Выделение показателей социальной нормативности представлялось нам достаточно сложным и вот почему. Традиционно исследование ценностно-нормативных ориентаций следует логике описания их конкретного содержания и на эмпирическом уровне обычно сводится к использованию той или иной модификации широко известной методики Рокича, причем не менее традиционными являются ссылки на ее недостаточную валидность.

Также, в исследованиях нормативной социализации присутствует и логика "от противного", когда за высокий уровень социальной нормативности принимается низкая склонность к девиантному поведению. Однако, нас интересовало собственно отношение к общесоциальным нормам, а не к асоциальным вариантам поведения, к тому же их конкретное содержание представлялось хотя и интересным, но в определенном смысле вторичным - ведь для определения индивидуальной социальной нормативности неважно, что именно понимается под системой социальных норм, гораздо более существенным является ее определенная интериоризация, степень ее принятия в качестве внутренних регуляторов социального поведения. При этом достаточно

интересной представляется также задача выявления наличия или отсутствия внутренних ценностно-нормативных конфликтов и изучение соотносительного влияния социальных и групповых норм.

В итоге данный блок методик составили шкала социальной нормативности и опросник принятия/непринятия общесоциальных норм и правил и модифицированный опросник Братиславского НИИ детской психологии и патопсихологии, направленный на выявление представлений о возможных вариантах социально одобряемого и неодобряемого поведения.

Таким образом, в качестве показателей социальной нормативности в исследовании использовались:

- суммарный балл по шкале принятия/непринятия общесоциальных норм и правил, представляющий собой общую социальную нормативность;
- разность в оценках тех или иных вариантов социального поведения как "интересных" и "симпатичных", то есть большие значения по данному показателю являлись свидетельством рассогласования когнитивной и эмоциональной оценок возможного социального поведения, что в свою очередь интерпретировалось нами как внутренний ценностно-нормативный конфликт;
- разность в оценках тех или иных вариантов социального поведения как "симпатичных" и "вызывающих одобрение взрослых", то есть минимальные значения по данному показателю являлись свидетельством ориентированности подростка на нормы взрослого мира, показателем его социализированности (отметим, что под социализированностью мы, вслед за А.С. Волович, понимаем усвоение норм предыдущего актуальному этапа социализации - см. Волович А.С., 1990);
- разность в оценках тех или иных вариантов социального поведения как "симпатичных" и "вызывающих одобрение сверстников", то есть в свою очередь минимальные значения по данному показателю отражали ориентацию подростка на нормы своей возрастной группы;
- разность в оценках тех или иных вариантов социального поведения как "вызывающих одобрение взрослых" и "вызывающих одобрение сверстников", то есть большие значения по данному показателю являлись свидетельством рассогласования для респондента норм детского и взрослого мира, отражением

определенной дифференцированности социального восприятия.

Перейдем теперь к показателям отношения к актуальной социальной ситуации. В силу того, что основной ее особенностью является, как уже отмечалось, стремительная динамика, нам прежде всего представлялось необходимым выделить такой показатель как восприятие ее стабильной или нестабильной. Этот показатель измерялся при помощи шкалы Восприятия социальной ситуации как стабильной/нестабильной, оценки своей способности адаптации к социальным изменениям, оценки позитивности социальной ситуации для себя и для других.

Для исследования структурно-динамических особенностей социального окружения подростка использовалась методика Социальная сеть подростка и Диаграмма социальной сети.

Под социальной сетью понимают всю совокупность межличностных взаимосвязей внутри группы людей, значимых для данного индивида. Каждый человек имеет личную социальную сеть, те или иные части или аспекты которой становятся важными в разное время и в разных ситуациях (Wellman, 1990). Внутри социальной сети выделяются, как правило, отдельные кластеры, такие как семья, одноклассники, друзья и так далее, в которые входят значимые для индивида лица, поддерживающие прямые отношения между собой. Такое "структурообразование" понятия "значимые другие" позволяет по новому взглянуть на процессы происходящие в социальном окружении подростка.

К структурным показателям социальной сети, использовавшимся в данном исследовании, относятся:

- категориальный состав лиц, включенных подростком в социальную сеть (например, родители, сибсы, учителя, друзья и так далее);
- ранг значимости этих лиц для подростка.

В качестве динамических показателей социальной сети, рассматривались:

- продолжительность связи с данным человеком;
- интенсивность этой связи (с какой интенсивностью поддерживаются контакты);
- доступность связи (насколько доступен данный человек, когда он бывает необходим);
- откровенность связи (каков уровень откровенности, при обсуждении с ним тех или иных вопросов);

- практическая помощь оказываемая данным человеком подростку;

- практическая помощь которую оказывает подросток данному человеку;

- моральная поддержка оказываемая данным человеком подростку;

- моральная поддержка которую оказывает подросток данному человеку.

Диаграмма социальной сети - это рисуночная методика, позволяющая оценить плотность связей в сети и значимость отдельных лиц в нее входящих. Методика позволяет также выделить кластеры сети, то есть членов сети поддерживающих между собой тесное взаимодействие, и слабо включенных во взаимодействие с другими членами данной социальной сети (Казьмина О.Ю., 1993).

Все шкалы были апробированы в ходе пилотажного исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Характеристика выборки.

Исследования проводились в 1992 и 1993-94 годах. В ходе него опрашивались учащиеся 10-х классов общеобразовательных школ Москвы и ближнего Подмосковья. Средний возраст респондентов 15,5 лет. Общее количество подростков, опрошенных в ходе исследования составило 217 человек, из них 64 юноши и 153 девушки. Выборка школ и классов, участвовавших в исследовании формировалась случайным образом, но мы отдаляем себе отчет в том, что класс как малая группа оказывает определенное влияние на содержание и структуру ценностей и норм, свойственных подростку. Однако, так как общее количество классов, участвовавших в опросе, было относительно невелико, то мы не имели возможности специально проследить влияние групповых ценностей и правил на процесс формирования индивидуальных ценностно-нормативных систем. К тому же, как представляется, подобное влияние неминуемо будет достаточно разнонаправленным и в силу этого элиминированным.

Структура социальной сети подростка.

Структурный анализ связей, проведенный на основе графических диаграмм социальной сети (Казьмина О.Ю., 1993), позволил выделить два больших кластера - семья и сверстники, а также группу лиц (8-9%), кото-

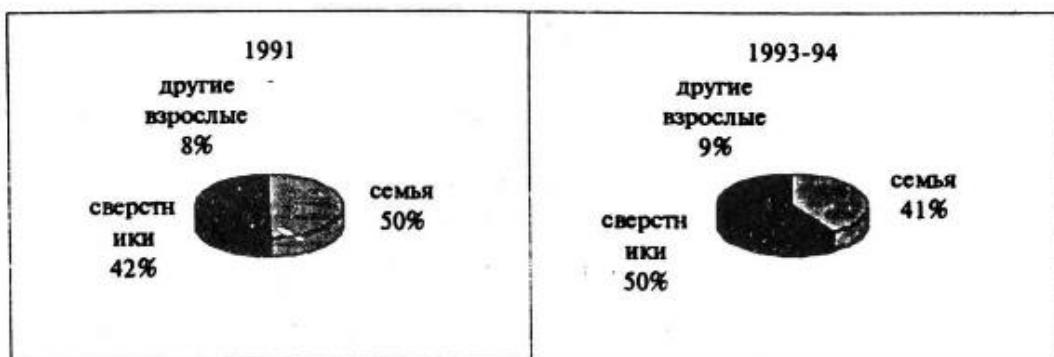

Рис. 1

Доля связей приходящаяся в социальной сети подростка на кластеры "семья", "сверстники" и "другие взрослые" в %.

рые не входят в вышеназванные кластеры структурно, и кроме того, отличаются от них по динамическим характеристикам. На диаграмме они, как правило, обособлены и не включены в систему связей с другими ее членами. В дальнейшем эта группа будет фигурировать, как "другие взрослые", в нее, как правило, входят учителя, репетиторы, тренеры, и другие знакомые лица, которые на 5 и более лет старше подростка. В дальнейшем, на основе этих выделенных групп и проводился анализ.

Доля связей, приходящаяся на выделенные группы в социальной сети подростка, по результатам опроса 1991 года и 1993-94 гг., показана на круговых диаграммах Риунка 1.

Хотя из графика видно, что доля сверстников в социальной сети подростка возросла с 42% до 50%, в то время, как доля семьи, напротив снизилась с 50% до 41%, однако, эти изменения не достигают статистически значимого уровня. Таким образом, пока можно говорить только о наметившейся тенденции к структурным изменениям в социальной сети подростка. Вместе с тем, структурные сдвиги могли бы проявиться и иным образом, а именно, в изменении или перераспределении значимости для подростка тех или иных людей в рамках его социальной сети.

Для проверки этой гипотезы подростка просили назвать лиц наиболее значимых для него, к мнению которых он прислушивается. При этом его просили назвать первым наиболее важного для него человека, вторым наиболее значимого, после первого, и так далее. Другими словами, подростка просили проранжировать лиц его ближайшего окружения по степени субъективной значимости. Полученные результаты приведены в Таблице 1.

Из Таблицы 1 видно, что как в исследовании 1991 года, так и в исследовании 1993 -

1994 года семья составляет для подростка ядро его социальной сети, наиболее значимую и авторитетную ее часть, и занимает все верхние позиции в списке значимости.

Следующим по значимости, после членов семьи, оказываются друзья, подруги и другие сверстники - седьмая и восьмая позиции в опросе 1991 года, и шестая и восьмая позиции в опросе 1993-94 года.

И завершает этот список группа "другие взрослые", как в первом, так и во втором случае не поднявшаяся выше девятой, последней, позиции в списке значимости членов социальной сети подростка.

Как видно из приведенной таблицы, никаких сколько-нибудь заметных различий в значимости лиц, включенных подростком в свою социальную сеть в опросе 1991 и опросе 1993-94 года нет. Другими словами, ранговый список Таблицы 1 отражает скорее возрастную специфику, чем влияние каких-либо социальных изменений.

Таблица 1.
Субъективные ранги значимости лиц, включенных в социальную сеть.

	опрос 1991	опрос 1993-94
мать	1	1
отец	2	2
бабушка	3	4
дед	6	5
брать/сестра	4	3
другие родственники	5	7
друг/подруга	7	6
другие сверстники	8	8
другие взрослые	9	9

Таблица 2.

Средние значения динамических характеристик связей в кластере "семьи" и кластере "сверстники" социальной сети подростка (оценки даны по 5-ти балльной шкале).

	значимость различий	семья (ср.зн.)	сверстники(ср.зн.)
Продолжительность связи (лет)	$p < .001$	13.24	5.20
Доступность связи	$p < .001$	3.68	2.99
Практическая помощь получаемая подростком	$p < .001$	3.91	3.10
Практическая помощь оказываемая подростком	$p < .001$	3.36	3.14
Моральная поддержка получаемая подростком	$p < .001$	3.78	3.25
Моральная поддержка оказываемая подростком	$p < .001$	3.69	3.29

* - значимость различий дана по T-test'у.

Следующим источником возможных изменений являются динамические характеристики социальной сети, к которым традиционно относят всю область взаимодействия между лицами данной социальной сети (B.Wellman, 1988; О.Ю.Казьмина, 1993). Однако, так как задачей настоящей работы было рассмотрение структурно-динамических и ценностно-нормативных изменений, проходящих на микроуровне, то в дальнейшем анализе мы сузим рассматриваемые взаимодействия до взаимодействий между подростком и его "значимым" окружением, оставив за скобками взаимодействия членов данной социальной сети между собой.

Как видно из Таблицы 2, основные различия динамических характеристик связей между кластером "семья" и кластером "сверстники" относятся к сфере поддержки, где, безусловно, лидирующая роль принадлежит семье - это относится и к доступности членов

этого кластера и к моральной и практической помощи. Причем, как видно, помощь и поддержка получаемая от семьи подростком больше, чем оказываемая им членам семьи. В то же время со сверстниками картина обратная - помощь и поддержка получаемая от сверстников ниже, чем та, которую оказывает им сам подросток.

В Таблице 3, приведены основные различия динамических характеристик связей между кластером "семья" и кластером "другие взрослые", которые относятся также к сфере поддержки, где, как и в предыдущем случае основная роль принадлежит семье. Однако, в этом случае и в кластере "семья" и в кластере "другие взрослые" помощь и поддержка, которая оказывается подростку выше, чем та, которую оказывает он сам.

Таким образом, взрослые, будь то родственники, учителя или просто знакомые, продолжают рассматриваться подростком

Таблица 3.

Средние значения динамических характеристик связей в кластере "семья" и кластере "другие взрослые" социальной сети подростка. (оценки даны по 5-ти балльной шкале).

	значимость различий	семья (ср.зн.)	др.взросл. (ср.зн.)
Продолжительность связи (лет)	$p < .001$	13.24	2.86
Откровенность связи	$p < .01$	3.88	3.36
Практическая помощь получаемая подростком	$p < .01$	3.91	3.41
Практическая помощь оказываемая подростком	$p < .001$	3.36	1.93
Моральная поддержка получаемая подростком	$p < .001$	3.78	2.93
Моральная поддержка оказываемая подростком	$p < .001$	3.69	2.21

* - значимость различий дана по T-test'у.

этого возраста в качестве основного источника, как практической помощи, так и моральной поддержки.

Уровень откровенности является еще одной переменной по которым отличаются эти два кластера. Причем, если при сравнении кластеров "семья" и "сверстники" эти различия не достигали значимого уровня, то в случае с "другими взрослыми" тенденция большей открытости и откровенности в кругу семьи проявляется сильнее ($p<0.01$).

И, наконец, результаты сравнения динамических характеристик связей в кластерах "сверстники" и "другие взрослые" можно найти в Таблице 4. Как видно из этой таблицы, различия здесь касаются уровня откровенности, который в кластере "другие взрослые" имеет самое низкое значение, а также сферы поддержки, которой мы уже касались ранее.

Если обратить внимание на такую важную характеристику социальной сети, как продолжительность связи, то можно отметить, что кластер "другие взрослые" является самым молодым. Другими словами, можно отметить, что рост социальной сети подростка в этом возрасте происходил преимущественно за счет кластера "другие взрослые". Действительно, если в кластере "семья", этот показатель мало информативен (так как здесь продолжительность связи, как правило, определяется возрастом подростка и числом "новых" членов семьи, например, младших братьев и сестер), то для кластеров "сверстники" и "другие взрослые" он отражает то время, которое подросток поддерживает тесные отношения с этими значимыми для него людьми, и, с одной стороны, является показателем устойчивости сети подростка, а с другой, - маркером инновационных изменений в структуре социальной сети.

Таблица 4.

Средние значения динамических характеристик связей в кластере "сверстники" и кластере "другие взрослые" социальной сети подростка (оценки даны по 5-ти балльной шкале).

	значимость различий	сверстники (ср.зн.)	др.взросл. (ср.зн.)
Продолжительность связи (лет)	$p < .001$	5.20	2.86
Откровенность связи	$p < .01$	3.81	3.36
Доступность связи	$p < .001$	2.99	3.69
Практическая помощь оказываемая подростком	$p < .001$	3.14	1.93
Моральная поддержка оказываемая подростком	$p < .001$	3.29	2.21

* - значимость различий дана по T-test'у.

Любопытно также отметить, что такая характеристика связи, как уровень интенсивности общения, имея достаточно высокие значения, является примерно одинаковой для всех трех кластеров и не достигает значимых различий. Это, в частности, может быть связано с тем, что, сам по себе, этот показатель тесно связан с включением подростком того или иного человека в свою социальную сеть.

Результаты сравнения динамических характеристик связей в социальной сети подростка, полученные в опросе 1991 года и в опросе 1993-94 годов приведены в Таблице 5.

Сравнение динамических характеристик в кластере "семья", позволяет выявить единственное значимое отличие - это продолжительность связи, что объясняется более частым включением младших сибсов в число членов социальной сети подростками выборки 1993-94 годов. Само по себе, это отличие любопытно и, видимо, имеет свое объяснение, но на наш взгляд, оно выходит за рамки данной статьи, так как роль младших сибсов на процесс ценностно-нормативной социализации подростка весьма незначительна, и оказывает влияние скорее на самооценку и Я-концепцию подростка (Rosenberg M., 1965; Ziller et al, 1968)

Сравнение динамических характеристик связей в кластере "сверстники" обнаруживают значимое ($p<0.001$) повышение интенсивности взаимодействий. Вместе с тем остальные характеристики также не претерпели сколько-нибудь заметных изменений.

Наиболее существенные изменения произошли в кластере "другие взрослые". Как видно из Таблицы 5, изменения здесь коснулись четырех из восьми фиксировавшихся характеристик. Так, значимо возросла интенсив-

Таблица 5.

Средние значения динамических характеристик связей по кластерам "семья", "сверстники" и "другие взрослые" социальной сети подростка по результатам опроса 1991 и 1993-94 гг. (оценки даны по 5-ти балльной шкале).

	семья			сверстники			другие взрослые		
	P<	1991	1994	P<	1991	1994	P<	1991	1994
Продолжительность связи (лет)	.000	15.77	13.24	.976	5.19	5.20	.248	4.35	2.86
Интенсивность связи	.601	3.97	3.85	.001	3.19	3.71	.008	2.28	3.28
Доступность связи	.765	3.63	3.68	.175	3.21	2.99	.000	1.85	3.69
Откровенность связи	.267	4.02	3.88	.106	4.02	3.81	.023	2.64	3.36
Практическая помощь оказываемая подростком	.385	4.02	3.91	.080	3.34	3.10	.701	3.28	3.41
Практическая помощь получаемая подростком	.500	3.45	3.36	.093	3.36	3.14	.500	1.71	1.93
Моральная поддержка оказываемая подростком	.504	3.69	3.78	.019	3.57	3.25	.009	2.00	2.93
Моральная поддержка получаемая подростком	.222	3.54	3.69	.134	3.49	3.29	.272	1.78	2.21

* - значимость различий дана по T-test'у.

ность ($p<0.01$) и откровенность ($p<0.05$) взаимодействия, также возросла доступность ($p<0.001$) значимых для подростка взрослых (не членов семьи). Причем, они оказываются даже более доступны, чем сверстники и члены семьи. Заметно возросла роль моральной поддержки ($p<0.01$), которую они оказывают подростку. Из таблицы видно также, что это самая "молодая" часть социальной сети подростка и, более того, "возраст" ее имеет тенденцию уменьшаться (с 4.35 лет в 1991 году до 2.86 лет в 1993-94).

Таким образом, необходимо отметить то, что единственным кластером социальной сети подростка в котором произошли существенные изменения, является кластер "другие взрослые". Причем отмеченные изменения затронули динамические аспекты социальной сети подростка, но пока никак не отразились на ее структурных характеристиках.

Было проведено исследование двух подвыборок, полученных на основании анализа рангов значимости членов социальной сети. В первую подвыборку вошли подростки, у которых в верхних позициях списка значимости оказались члены семьи, во вторую - те, у которых на первых позициях оказались сверстники и/или другие взрослые (не члены семьи).

Различия между этими группами достигли статистически значимого уровня только по одному показателю - восприятие стабильности социальной ситуации ($t=2.341$, $p<0.05$).

В группе подростков, ориентированных на семью, этот показатель оказался выше, чем в группе, где подростки в качестве самых значимых для себя людей называли сверстников или других взрослых.

Особенности ценностно-нормативной ориентации подростка.

Для анализа ценностно-нормативных ориентаций подростка использовалась, как уже отмечалось выше, модификация Братиславского опросника принятия/непринятия социальных норм. Предлагаемые в опроснике ситуации были сведены, по результатам экспертов оценок, в пять основных групп, а именно: ситуации связанные с:

- 1) делинквентным поведением;
- 2) проведением досуга;
- 3) жизненными планами;
- 4) экономическим поведением;
- 5) общественно-политическим поведением.

По этим группам в дальнейшем и проводился анализ.

Прежде всего необходимо остановиться на показателе частоты встречаемости ситуации. Этот показатель во-многом является ме-

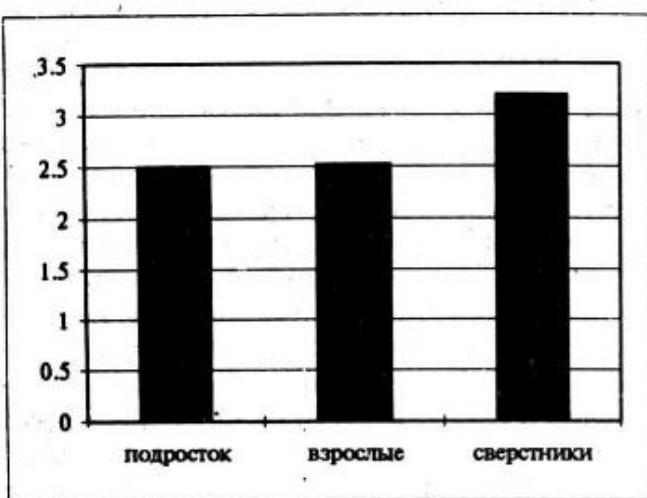

Рис. 2.

рилом адекватности предлагаемых для подростка ситуаций. Среднее значение данного показателя (по пятибалльной шкале) - 2.95 (min 1.98; max 3.95). То есть, с одной стороны они не являются надуманными ситуациями, с которыми в реальной жизни подросток не встречается, с другой же стороны, не являются постоянно встречающимися ситуациями в отношении которых подросток руководствуется уже сложившимися на более ранних этапах социализации нормами, ценностями и стандартами поведения.

Сравнение привлекательности для подростка ситуаций, связанных с делинквентным поведением, с одобрением/неодобрением со стороны взрослых и сверстников (Рис. 2) выявляет существенное расхождение ($t=6.7$, $p<0.001$) со взглядами сверстников и отсутствие различий с предлагаемыми взрослыми нормами поведения. Как видно из графика подростки выражают даже несколько более

жесткое отношение к этим ситуациям, чем взрослые.

Сравнение привлекательности для подростка ситуаций, связанных с проведением досуга, с одобрением/неодобрением со стороны взрослых и сверстников (Рис. 3) выявляет расхождение как со взглядами сверстников ($t=4.8$, $p<0.001$), так и с предлагаемыми взрослыми нормами поведения ($t=3.2$, $p<0.01$). Из графика также видно, что отношение подростков к ситуациям связанным с досугом промежуточное между взрослыми и сверстниками.

Сравнение одобряемого/неодобряемого со стороны взрослых и сверстников поведения, в ситуациях, связанных с жизненными планами, с привлекательностью последнего для подростка (Рис. 4) выявляет существенное расхождение ($t=2.2$, $p<0.05$) отношения к ситуациям подростка, с отношением к ним сверстников. Одновременно с этим, отсутствует значимое расхождение с взрослыми нормами поведения.

Сравнение привлекательности для подростка ситуаций, связанных с экономическим поведением, с одобрением/неодобрением со стороны взрослых и сверстников (Рис.5) опять же выявляет различия ($t=5.8$, $p<0.001$) во взглядах на эти ситуации со сверстниками, и отсутствие таковых со взрослыми.

И, наконец, сравнение привлекательности для подростка ситуаций, связанных с общественно-политическим поведением, с одобрением/неодобрением со стороны взрослых и сверстников (Рис.6) позволяет выявить значимые различия во взглядах на эти ситуации как со сверстниками ($t=5.4$, $p<0.001$), так и со взрослыми ($t=5.9$, $p<0.001$). Причем обращает на себя внимание тот факт, что привлекательность этого рода деятельности для

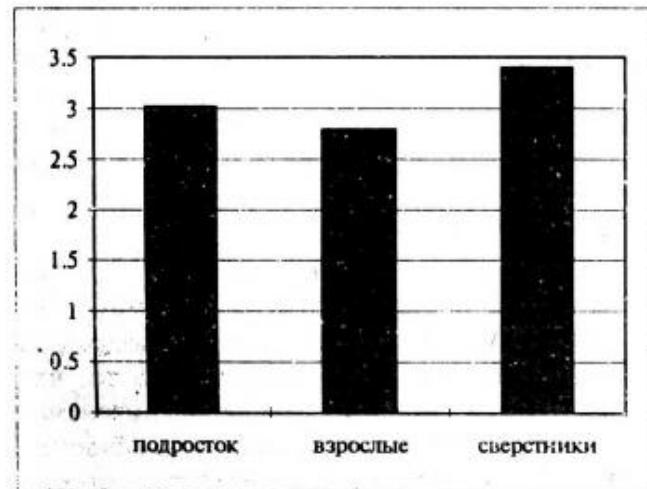

Рис. 3.

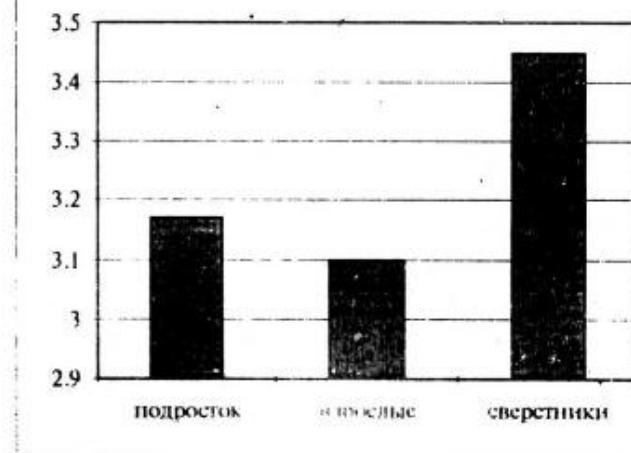

Рис. 4.

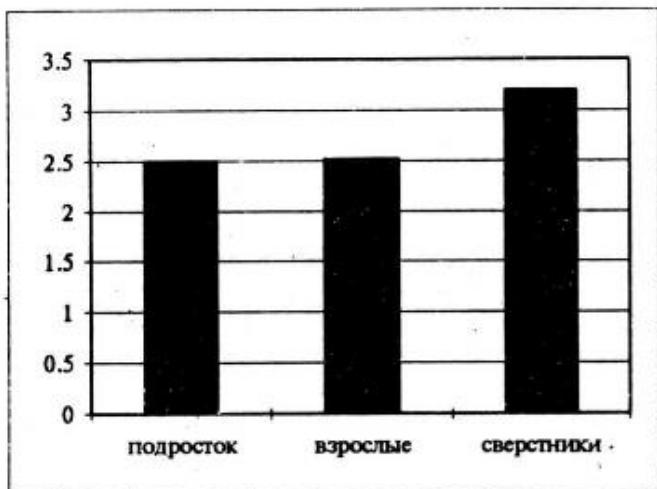

Рис. 5.

подростков много ниже, чем для сверстников и взрослых.

Таким образом, можно констатировать, что во всех пяти группах предложенных ситуаций имеют место значимые различия между отношением к ним подростка и одобрением этих ситуаций сверстниками. И, в то же время, различия во взглядах со взрослыми проявляются только в области досуга и общественно-политической деятельности.

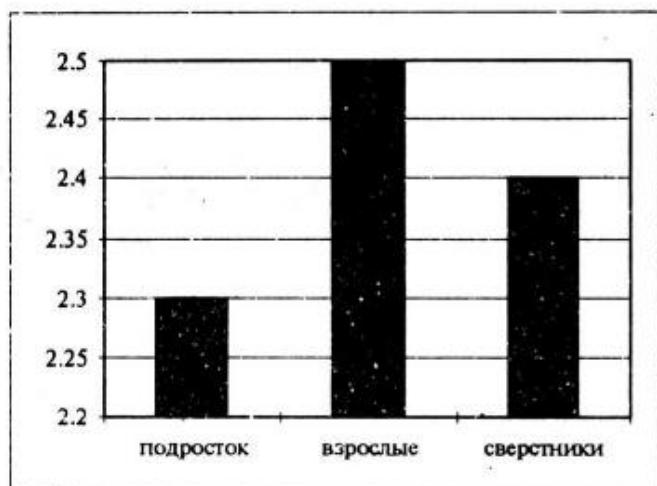

Рис. 6.

В заключении необходимо отметить, что анализ рассогласований в когнитивных и эмоциональных оценках предложенных ситуаций не позволил нам сделать сколько-нибудь определенных выводов в силу того, что эти рассогласования были связаны скорее с содержанием конкретных ситуаций и не были связаны с типологическими особенностями последних.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ.

Прежде, чем приступить к обсуждению полученных результатов, необходимо еще раз подчеркнуть, что в настоящем исследовании в качестве отправной точки для сравнения ценностно-нормативных ориентаций подростка с нормами и ценностями предлагаемыми ему взрослыми и сверстниками, мы использовали не реальные данные опроса взрослых и сверстников, а рефлексивную оценку подростком этих норм. Это связано с тем, что нас, в первую очередь, интересовало то, как *подросток* осознает влияние на него тех или иных социальных групп, и какова *его* готовность следовать их ценностям и нормам поведения.

В проведенном исследовании выявляются сходные структуры социальной сети подростка как наблюдавшиеся в 1991 году, так и имевшие место в 1993-94 году. И хотя обнаруживается некоторое возрастание доли сверстников в социальной сети подростка за счет снижения доли семьи, изменения эти не достигают статистически значимого уровня.

Сходная картина наблюдается и при анализе значимости членов социальной сети для подростка. Здесь картина еще более стабильная - семья составляет для подростка наиболее значимую часть его социальной сети и ранги значимости как отдельных членов семьи подростка, так и других членов его социальной сети практически не изменились за время прошедшее между исследованиями 1991 и 1993-94 годов.

Анализ динамических характеристик связей по кластерам "семья", "сверстники" и "другие взрослые" социальной сети подростка по результатам опроса 1991 и 1993-94 годов позволил выявить существенные различия между указанными кластерами, однако, происходящие социальные изменения практически не оказались на этих показателях. Характеристики связей в рамках наиболее значимых для подростка кластеров социальной сети "семья" и "сверстники" практически не претерпели изменений.

С другой стороны, кластер "другие взрослые", в котором наблюдаются наиболее заметные изменения, является для подростка наименее значимым. И несмотря на то, что статистически значимо возросли интенсивность, доступность и откровенность общение с людьми, входящими в эту группу, возросла

их моральная поддержка, - значимость их для подростка, и, следовательно, влияние на него, остались по прежнему наименее значительными.

Обращает на себя внимание и тот факт, что подростки, которые указывают на членов семьи, как на наиболее значимых людей, в большей степени склонны воспринимать социальную ситуацию как стабильную и устойчивую, чем их сверстники, для которых семья является менее значимой.

Обратимся теперь к особенностям ценностно-нормативных ориентаций подростка. Прежде всего необходимо отметить значимые различия в оценке всех предложенных ситуаций взрослыми и сверстниками (еще раз подчеркнем - с точки зрения подростка). Такое рассогласование норм "детского" и "взрослого" мира, на наш взгляд, является отражением дифференцированности социального восприятия подростком. Что, само по себе, является показателем определенной зрелости.

Во всех пяти группах предложенных ситуаций, были найдены значимые различия, между отношением к данным ситуациям подростка и одобрением этих ситуаций сверстниками. В то время как различия во взглядах со взрослыми отмечались только в области досуга и общественно-политической деятельности, что указывает на выраженную ориентацию подростка на нормы взрослого мира.

Вместе с тем, нельзя пройти мимо такого обычного, для данного типа исследований, источника ошибок, как социальная желательность. Действительно, на отношение к предлагаемым ситуациям, возможно, оказывает влияние и этот фактор. Для учета этого влияния использовалась шкала социальной нормативности. Однако, в результате проведенного анализа не было выявлено значимой корреляционной связи между ориентацией на "взрослые" нормы поведения и социальной желательностью ($R_{xy} = 0.09$).

Кроме того, в силу того, что предметом настоящего исследования является ценностно-нормативная сфера подростка, то сама по себе социальная желательность, проявляющаяся в ответах, отражает знание подростком и ориентацию на принятые в данном социуме ценности и нормы поведения.

Полученные результаты заставляют задуматься над тем, почему несмотря на серьезные социальные изменения, затронувшие сами основы данного общества, не наблюда-

ется сколько-нибудь выраженных изменений на уровне подростка.

На наш взгляд, это может быть связано с рядом моментов.

1. В силу того, что источник происходящих социальных изменений лежит вне данной социовозрастной группы (в отличие от различных "молодежных революций"), то распространяющиеся социальные изменения не затронули пока сколько-нибудь существенно этот уровень. Проверка этого положения лежит в области структурного анализа происходящих социальных изменений.

2. Так как семья по прежнему остается для подростка ядром его социальной сети и наиболее важным звеном опосредующим социальные изменения (через жизненные планы, ценности, нормы поведения и так далее) то, возможно, именно этот социальный институт является тем "демпфером", который позволяет сгладить влияние быстрых социальных изменений. Косвенно на это указывает и факт восприятия ситуации как стабильной, подростками в большей степени ориентированными на семью. Проверка этой интерпретации может быть темой отдельного исследования.

Предложенная работа не дает каких-либо окончательных ответов на вопросы о том, какое влияние оказывают процессы связанные с быстрыми социальными изменениями как на социализацию подростка, так и на сами институты социализации, и во многом является лишь попыткой зафиксировать те реалии, которые окружают нас сейчас.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдуевская Е.П., Особенности ценностно-нормативной социализации в юношеском возрасте в ситуации социальной нестабильности. В кн. "Ценностно-нормативные ориентации старшеклассника", ЦСО РАО, М., 1993.
2. Алешина Ю.Е., Волович А.С. Особенности полоролевой социализации подростков. - Вопросы психологии, N 3, 1990.
3. Баклушинский С.А., Особенности развития Я-концепции подростка. В кн. Руководство по оценке уровня развития социального поведения старшеклассника. ЦСО РАО, М., 1993.
4. Баклушинский С.А. Социальное окружение и Я-концепция в юношеском возрас-

- тель Викн: "Ценностно-нормативные ориентации старшеклассника", ЦСО РАО, М., 1993.
5. Берис Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.
  6. Волович А.С. Особенности процесса социализации выпускников средней школы. Канд.дисс., М., 1990.
  7. Выготский Л.С. История развития высших психических функций. Собр. соч., т.3, М., Педагогика, 1983.
  8. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., Педагогика, 1991.
  9. Выготский Л.С. Педология подростка. Собр.соч., т.4, М., Педагогика, 1983.
  - 10.Гласс Дж., Стэнли Дж., Статистические методы в педагогике и психологии. Изд. Прогресс, М., 1976.
  - 11.Давыдов В.В. Научное обеспечение образования в свете нового педагогического мышления. - Новое педагогическое мышление. Педагогика, М., 1989.
  - 12.Казьмина О.Ю., Социальные сети и развитие социального поведения. В кн. Руководство по оценке уровня развития социального поведения старшеклассника. ЦСО РАО, М., 1993.
  - 13.Кле М. Психология подростка. М., Педагогика, 1991.
  - 14.Колберг Л., Пауэр Ф., Хиггинс Э. Подход Лоуренса Колберга к нравственному воспитанию. - Психологический журнал, т.13, № 3, 1992.
  - 15.Кон И.С. Ребенок и общество. М., Наука, 1988.
  - 16.Леви-Стросс К., Структурная антропология, изд. Наука, М., 1985.
  - 17.Мюссен П. и др., Развитие личности ребенка. Изд. Прогресс, М., 1987.
  - 18.Собкин В.С. и др., Российская школа на рубеже 90-х: социологический анализ. ЦСО РАО, М., 1993.
  - 19.Собкин В.С., Писарский П.С. Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе. М., Министерство образования РФ, 1992.
  - 20.Собкин В.С., Писарский П.С., Ценностные ориентации старшеклассников: кросскультурный анализ. В кн. "Ценностно-нормативные ориентации старшеклассника", ЦСО РАО, М., 1993.
  - 21.Abelson R.P., Social Cluster and Opinion Claster. In Perspectives on Social Network Research. N.Y., Academia Press, 1979.
  - 22.Aboud F., The Development of Ethnic Self-identification and attitudes. In Children's ethnic sociolisation: Pluralism and Development. Ed.Phiney & Rotherman. 1987.
  - 23.Bronfenbreber U., The Ecology of Human Development. Cambridge. Harvard University Press. 1979.
  - 24.Bronfenbreber U., The Process-Person-Context Model in Developmental Research: Principles, Applications and Implications. Unpublished Manuscript, 1992.
  - 25.DeVos G. & Romanucci-Ross L., Ethnic identity: Cultural continues and change. University of Chicago Press, 1982.
  - 26.Ericson E., Identity: Youth and Crisis. Norton. N.Y. 1968.
  - 27.Fisher G.-N. Les processus du social. P., Dunod, 1991.
  - 28.Inkeles A., Social Change and Social Character: the Role of Parental Mediation. Journal of Social Issues, 4, v.39, 1983.
  - 29.Kelley G.A., The Psychology of Personal Constructs. Vals 1 and 2. Norton. N.Y., 1961
  - 30.Mayhew B., Structuralism versus Individualism. I Shadowboxing in the Dark. Social Forces, 59, 1980.
  - 31.Phinney J.S., Ethnic Identity in Adolescent and Adults. Psychological Bulletin, 3, v.108, 1990.
  - 32.Richard A.D., From Small Groups to Social Networks. American Behavior Scientist, 24, 1981.
  - 33.Richardson R.J., Wellman B., Structural Analyses. Canadian Review of Sociology and Anthropology, 22, 1985.
  - 34.Social structures: a network approach. Ed. Wellman B. and Berkowitz S.D. Cambridge University Press, 1988.
  - 35.Tajfel H. & Turner J., An Integrative Theory of Intergroup conflict. In. Social psychology of intergroup relations. Ed. Austin W. & Worcher S. 1979.
  - 36.Tzeng O., Everett A., A Cross-cultural Perspective of Self-related. International Journal of Psychology, n.3, v.20, 1985.
  - 37.Yancey W. et al, Emigrant ethnicity: A review and reformation. American Sociological Review, 41, 1976.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ ДЕТЕЙ

В.М. Слущий

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Сравнительные исследования, ориентированные на межкультурные сравнения, традиционно рассматриваются в социальных науках как важный источник научной информации (Выготский, 1982; Лурия, 1975; Werner, 1978). Так, в русле сравнительной антропологии и этнографии сопоставляются разные аспекты культуры (традиции, мифы, ритуалы, социо-культурные практики, социальные институты и т. д.), что позволяет лучше понять каждую из сравниваемых культур (Whiting & Whiting, 1975). В кросс-культурной психологии, имеющей иной фокус и ориентированной, прежде всего, на анализ психологических переменных, культуры сравниваются для того, чтобы лучше понять их роль в формировании и функционировании психики (Berry, Poortinga, Segall, & Dasen, 1990; Cole & Scribner, 1974; Glick & Clarke-Stuart, 1978; Triandis, 1988; Wagner & Stevenson, 1982). Культура выступает здесь как множество "независимых" переменных, влияющих на "зависимые", психологические переменные. В этом случае сравнение культур и психологических характеристик живущих в них индивидов, позволяет выявить связи между психологическими характеристиками и переменными культуры. Однако, несмотря на ценный познавательный потенциал, межкультурные сравнения в психологии несут в себе опасность неконтролируемого смешения независимых переменных, что делает невозможным однозначно установить причинно-следственные отношения между рассматриваемыми переменными культуры и психологическими характеристиками. Каким именно аспектам культуры, например, можно приписать тот факт, что европейские и африканские дети по-разному решают познавательные задачи? Подобная опасность, однако, относится к большинству экспериментальных планов "ex post facto", где на возможности исследователя контролировать независимые переменные, накладываются жесткие ограничения (Кэмпбелл, 1980).

Все многообразие сравнительных исследований не сводится, однако, только к межкультурным сравнениям. Внутрикультурные

сравнения также открывают перед исследователем большие познавательные возможности. Речь здесь идет не о традиционных экспериментальных и квази-экспериментальных планах (например, сравнение экспериментальной и контрольной групп или сравнения ценностных ориентаций разных групп населения), где культура как переменная не представляет для исследователя отдельного интереса. Мы говорим о таких внутрикультурных сравнениях, при которых переменные культуры выступают как независимые переменные, т. е. предположительно влияющие на те или иные характеристики психологической жизни индивидов. Пример такого внутрикультурного сравнения -- исследование А.Р. Лурии в Средней Азии (Лурия, 1974). К сожалению, по ряду причин, прежде всего методологических, внутрикультурные сравнения редко используются в психологических исследованиях: для того чтобы подобное сравнение оказалось методологически осуществимым, необходимо выполнение ряда условий. Во-первых, культура должна выступать как переменная, а не константа, т. е. быть подвержена изменениям, без которых внутрикультурное сравнение лишено смысла. Во-вторых, происходящие изменения должны быть настолько радикальны, чтобы можно было либо выделить дискретные состояния культуры (или фазы) $S_1, S_2, \dots, S_n$, выступающие как уровни независимой переменной (если внутрикультурные изменения понимаются как дискретные), либо измерить значения независимой переменной $X_1, X_2, \dots, X_n$ (если изменения понимаются как непрерывные). В-третьих, изменения должны происходить достаточно быстро, чтобы было возможно сравнивать между собой тех же самых, или по крайней мере, сопоставимых испытуемых. Последнее требует специального пояснения. Представим себе исследование, проведенное с целью выявить влияние школьной программы на решение детьми познавательных задач, в котором сравниваются семилетние дети в 1917 и в 1987 годах. Позволяет ли подобное сравнение приписать различия в решении задач различиям в школьных программах в 1917 и в 1987 годах? Скорее всего, нет, поскольку за время между двумя сравнениями изменились не только условия среды, но и характеристики

испытуемых. Понятно, что одновременно все требуемые условия выполняются крайне редко, что затрудняет проведение внутрикультурных сравнений.

Вместе с тем, когда в различных социокультурных образованиях возникают обстоятельства, позволяющие проведение внутрикультурных сравнений, исследователи могут получать важную информацию о познавательных и социально-психологических переменных. Подобные обстоятельства, как правило, квалифицируются как "революция", т. е. почти одномоментны переход социо-культурного образования из состояния S_1 в состояние S_2 . Примерами таких переходов могут служить смены политических систем (например, в России в 1917 и в 1991 годах; "бархатные" революции в Восточной Европе; отмена апартеида в Южной Африке), а также распад одних и образование новых социо-культурных образований. Быстрые социальные изменения создают, по крайней мере, два уровня независимой переменной -- (1) "до" и (2) "после", позволяя сравнивать психологические переменные на каждом из этих уровней. Как и все экспериментальные планы "*ex post facto*", внутрикультурные сравнения таят опасность неконтролируемого смешения нескольких независимых переменных (Кэмпбелл, 1980), что создает угрозу валидности выводов. Все это, однако, не должно останавливать исследователей, ибо хорошо продуманный экспериментальный план дает возможность избежать указанных опасностей.

Одним из мест позволяющих проведение внутрикультурных сравнений, оказалась Россия, где, как и в ряде других стран бывшего СССР, происходят фундаментальные макросоциальные изменения. Эти изменения затрагивают политическую систему, принципы управления страной, политические институты, законодательную систему, атрибут государственностии (название страны, ее границы, национальный флаг, гимн, военная присяга), национально-государственную идентичность (история страны, ее герои, союзники и противники, национальные интересы и приоритеты) и экономическую систему. Происходящие макросоциальные изменения столь фундаментальны, что их микросоциальные и психологические последствия кажутся почти очевидными. Вместе с тем, кажущаяся очевидность, не подкрепленная эмпирическими данными, отнюдь не гарантирует достоверности научного вывода. Существуют эмпирические

данные, характеризующие изменения макроуровня в системе среднего образования (Собкин, 1993; Tomiak, 1992). Но что происходит на микроуровне, с семьей, с классом или группой детского сада, с производственным коллективом, со всем тем, что образует непосредственное окружение индивида, и, наконец, с самим индивидом? Ответ на подобный вопрос мог бы помочь не только понять психологические последствия социальных изменений в России, но и получить важную информацию относительно взаимоотношений между социо-культурными и психологическими переменными. Цель предлагаемого исследования -- выяснить, насколько происходящие в России быстрые макросоциальные изменения повлияли на индивидуально-психологические и микро-социальные переменные.

Теоретическое исследование опирается на экологическую модель психологических процессов (Bronfenbrenner, 1979; 1992). Социальная среда понимается в данном подходе как множество входящих друг в друга социальных структур, которые оказывают совместное воздействие на психическое развитие и поведение индивида. Эти структуры включают в себя (1) непосредственные микро-социальные образования и малые группы, в которые входит индивид (например, семья, группа детского сада, школьный класс, производственный коллектив, группа друзей), (2) социальные образования, которые лишь косвенно связаны с индивидом (например, производственный коллектив непосредственно связан с родителем, его самооценкой, эмоциональным состоянием, но лишь косвенно, через родителя, связан с ребенком) и (3) макро-социальные структуры (культура, политическая и экономическая системы). Макро-социальные структуры влияют на индивидов как непосредственно, через социальные регуляторы поведения, законы, социальную политику, ценности, нормы, традиции и когнитивные средства (Выготский, 1982; Bronfenbrenner, 1979), так и опосредован, через влияние на малые группы, в которые входит индивид (Bronfenbrenner, 1979). Согласно данной теоретической модели, радикальные изменения макро-социальных структур оказывают влияние на микро-социальные и психологические переменные. Вместе с тем, представляется, что не все психологические переменные в равной мере связаны с макро-социальными структурами. Так, психологические процессы, при которых субъект вынужден учитывать состояние мак-

росоциальной среды, окажутся скорее подвержены изменениям при изменении этой среды, чем, скажем, когнитивные или личностные переменные. С этой точки зрения, планирование будущего, тесно связанное как с прогнозированием, так и с ценностными ориентациями, согласующимися с требованиями макросоциальной системы, должно быть подвержено изменениям при радикальных изменениях этой системы. Исследования, проведенные в стабильных социо-культурных образованиях, выявили связь между положением индивидов в системе социальной стратификации (макросоциальный показатель) и жизненными планами этих индивидов (Kohn, Naoi, Schoenbach, Schooler, & Slomczynski, 1990; Kohn, Slomczynski, & Schoenbach, 1986). Среди микросоциальных факторов, влияющих на формирование жизненных планов, центральное место занимает семья (Cashmore & Goodnow, 1985; Kohn, Naoi, Schoenbach, Schooler, & Slomczynski, 1990; Kohn, Slomczynski, & Schoenbach, 1986; Marjoribanks, 1989; Smith, 1982; Weinstock & Heflin, 1991). Но что происходит в быстро меняющихся социо-культурных образованиях, где члены семьи, как взрослые, так и дети, постоянно соприкасаются с изменяющимися макросоциальными характеристиками через систему образования, средства массовой информации, участие в трудовом и экономическом процессах? Влияют ли макросоциальные изменения на планирование будущего детьми и представления родителей о том, что они хотели бы для своих детей? Какие именно компоненты жизненных планов будут скорее подвержены изменениям в быстро меняющейся макросоциальной среде? Почти полное отсутствие систематических эмпирических данных не дает возможности определенно ответить на эти вопросы.

Теоретически можно предположить, что наиболее существенным изменениям будут подвержены те аспекты жизненных планов, которые более тесно связаны с участием индивида в макросоциальном процессе. С этой точки зрения, профессиональные или образовательные предпочтения должны быть подвержены большим изменениям, чем предпочтение будущих личностных качеств (см., например, Титма, 1975; Bronfenbrenner, 1979).

Проведенное исследование предлагает, по крайней мере, частичные ответы на поставленные вопросы.

К сожалению, имеется не много данных о жизненных планах детей, полученных в пси-

хологических исследованиях в СССР, которые бы позволяли осуществить систематическое сравнение с жизненными планами сегодняшних детей. Это обстоятельство заставило нас обратиться к косвенным сравнениям жизненных планов "до" и "после". Один из вариантов косвенного сравнения заключается в сравнении испытуемых, которые провели пропорционально разное количество времени в ситуации социальных изменений. Так, если датировать начало политических изменений 1989 годом (первые выборы, Съезд Народных Депутатов СССР), то шестилетние дети жили в ситуации изменений почти всю жизнь, в то время как шестнадцатилетние -- около одной трети. Если к тому же учесть, что один год на начальных этапах жизни играет более существенную роль, чем на более поздних, то понятно, что теоретически следует ожидать различий между родителями и детьми и между более старшими и более младшими детьми. Другая возможность -- сравнить жизненные планы сегодняшних детей с тем, что вспоминают родители о тех жизненных планах, которые были у них в возрасте их детей.

Каждое из этих сравнений несет в себе опасность неконтролируемого смешения переменных, связанного как с планом *ex post facto* в целом, так и с особенностями данного исследования. Так, сравнение групп разных возрастов, так же, как сравнение родителей и детей, смешивает, как минимум, переменные возраста, социального контекста и опыта (почему нужно приписывать различия в жизненных планах социальным изменениям, а не возрасту и опыту?). Сравнение родительских воспоминаний с жизненными планами их детей в дополнение к указанным смещениям предлагает меру сомнительной валидности: откуда известно, что родители вспоминают свои жизненные планы, а не сегодняшние представления о том что они хотели, когда были детьми? Указанные соображения накладывают некоторые ограничения на возможные выводы: межгрупповые различия (если такие найдены) не могут быть приписаны исключительно влиянию социальных изменений. В том случае, если различий не обнаружено, ценность предлагаемых сравнений существенно возрастает. Осознавая возможные ловушки, мы, тем не менее, приступили к исследованию, полагая, что ценность полученной информации перевешивает риск получения артефактов.

Были осуществлены сравнения: (1) жизненных планов детей шести, двенадцати и шестнадцати лет (резюмы сравнения детей); (2) жизненных планов детей с тем, что родители хотят для своих детей (сравнение родителей и детей); (3) воспоминаний родителей о своих жизненных планах с жизненными планами детей (сравнение "родителей-в-возрасте-детей" и детей).

МЕТОД

Испытуемые

Для участия в исследовании, проведенном в Москве, было выбрано три группы испытуемых. При наборе испытуемых была осуществлена последовательная рандомизация, позволяющая повысить внешнюю валидность исследования (Кэмпбелл, 1980; Levy & Lemeshow, 1991). Первая группа состояла из 34 детей в возрасте шести лет и их родителей; вторая группа состояла из 35 детей двенадцати лет и их родителей; третья группа состояла из 36 шестнадцатилетних детей и их родителей. Всего приняло участие в исследовании 105 детей и 210 родителей.

Методика исследования

Все испытуемые интервьюировались в домашних условиях. Матери, отцы и дети интервьюировались раздельно. Структурированные интервью проводились очно, записывались на магнитофон, затем распечатывались и кодировались. Кодировка проводилась в соответствии с заранее разработанным каталогом кодов. Вопросы, задаваемые в ходе интервью, относились к широкому кругу жизненных планов, связанных с будущей профессией, образованием, личностными качествами, к пониманию ребенком того, что хотят его родители, к тому, что родители хотят для своего ребенка и, что они планировали для себя, когда были детьми. В данной работе мы остановимся на трех аспектах жизненных планов: (1) профессиональные предпочтения; (2) причины, по которым предпочитается именно данная профессия; (3) предпочтение будущих личностных качеств. В группе детей анализу подвергались ответы на вопросы: "(а) Какую профессию ты хотел(а) бы иметь, когда вырастешь? (б) Почему эту профессию? (с) Каким человеком ты хотел(а) бы быть, когда вырастешь?" В группе взрослых анализировались ответы на вопросы: "(а) Какую профессию Вы бы хотели,

чтобы имел Ваш ребенок? (б) Почему? (с) Каким человеком Вы бы хотели, чтобы был Ваш ребенок? (д) Какую профессию Вы хотели иметь, когда были в возрасте Вашего ребенка? (е) Почему? (ж) Каким человеком Вы хотели быть, когда были в возрасте Вашего ребенка?"

Категории, использованные при кодировании профессиональных предпочтений, были: (1) Рабочий; (2) Государственный служащий (например, военнослужащий, милиционер, дипломат); (3) Работник сферы обслуживания; (4) Образованный квалифицированный профессионал (квалифицированные профессии, требующие высшего образования); (5) Романтико-героические специальности (например, летчик-истребитель, герой, космонавт); (6) Технические специальности (квалифицированные профессии, требующие средне-специального образования); (7) Бизнес; (8) Управление и менеджмент; (9) Политическая деятельность; (10) Другое (отказ от ответа или ответ не поддающийся категоризации).

Категории, использованные при кодировании причин предпочтений, были: (1) Традиция или пример (ссылка на родственника или знакомого, имевшего данную профессию); (2) Личный опыт (ссылка на имеющийся у испытуемого опыт в данной профессии); (3) Самореализация (ссылка на внутреннюю склонность, способности, интерес к данной профессии, соответствие профессии ценностным ориентациям испытуемого); (4) Прагматизм (ссылка на то, что данная профессия приведет к материальному благополучию или поможет удовлетворить материальные потребности, престижность профессии); (5) Групповые ценности (ссылка на других членов малой группы, которые решили выбрать ту же профессию); (6) Другое (отказ от ответа или ответ, не поддающийся категоризации).

Категории, использованные при кодировании предпочтений будущих личностных качеств, были: (1) Внутренне-идеалистические (внутренние качества, не имеющие прагматической ценности, например: смелый, отважный, добрый, честный); (2) Внешне-идеалистические (внешние качества, не имеющие прагматической ценности, например: быть известным, иметь много друзей); (3) Внутренне-прагматические (внутренние качества, имеющие прагматическую ценность, например, быть хорошо организованным, быть хорошим профессионалом); (4) Внешне-прагматические (внешние качества, имеющие прагмати-

ческую ценность, например: быть обеспеченным, многое достигнуть); (5) Другое (отказ от ответа или ответ, не поддающийся категоризации).

Предложенные категории разработаны в процессе первичной обработки интервью и отражают "разноплановость" эмпирического материала. В связи с тем, что категории не взаимоисключающи, они позволяют скорее систематизировать, упорядочить и проанализировать ответы испытуемых, но не классифицировать их.

Ответы испытуемых кодировались двумя кодировщиками, с последующим вычислением коэффициента Кохена, описывающего надежность кодировки (McCall & Appelbaum, 1983).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Срезовые сравнения детей трех возрастных групп. Сравнение профессиональных предпочтений трех групп детей (см. Рис. 1) выявляет существенное уменьшение предпочтений романтико-героических профессий с 18% среди шестилетних детей до 0% среди шестнадцатилетних ($\chi^2(2) = 9.98$; $P < 0.01$). Предпочтения, связанные с техническими профессиями уменьшаются с 26% среди шести и двенадцатилетних детей до 6% среди шестнадцатилетних ($\chi^2(2) = 7.29$; $P < 0.03$). Одновременно наблюдается существенное увеличение предпочтений ОКП (образованный квалифицированный профессионал) -- высококвалифицированных профессий, связанных с

необходимостью получения высшего образования. Так 26% шестилетних, 49% двенадцатилетних и 58% шестнадцатилетних высказывают предпочтение ОКП ($\chi^2(2) = 7.49$; $P < 0.03$). Внутри групп шестнадцати и двенадцатилетних предпочтения ОКП существенно превосходили предпочтения других профессий ($\chi^2(6) = 73.24$; $P < 0.001$).

Сравнение аргументов в пользу данного предпочтения, отображено на рисунке 2. Существенное количество детей не дает ответа на вопрос "Почему ты предпочитаешь именно эту профессию?" Так 53% шестилетних, 16% двенадцатилетних и 25% шестнадцатилетних не дали ответа на данный вопрос. Среди ответивших доминирующей причиной во всех трех группах была самореализация ($\chi^2(6) = 70.49$; $P < 0.001$). Так, 44% шестилетних детей, 69% двенадцатилетних и 53% шестнадцатилетних, давших ответ на данный вопрос, ссылались на причины, категоризированные как самореализация.

Сравнение предпочтений будущих личностных качеств (см. рис. 3) в трех возрастных группах обнаруживает значимое доминирование внутренне-идеалистических качеств у детей всех групп ($\chi^2(6) = 67.24$; $P < 0.001$). Так 63% шестилетних детей, 75% двенадцатилетних и 74% шестнадцатилетних летних сообщили, что хотели бы иметь личностные качества, относящиеся к этой группе.

Таким образом, во всех трех возрастных группах были обнаружены сходные паттерны в жизненных планах детей: предпочтение ОКП -- квалифицированных профессий, тре-

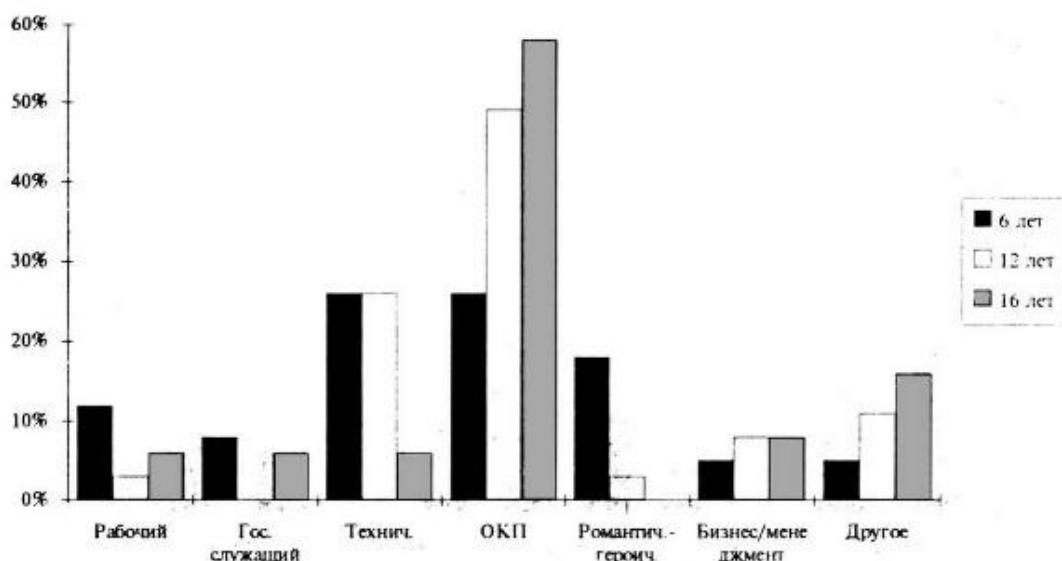

Рис.1. Профессиональные предпочтения в трех группах детей.

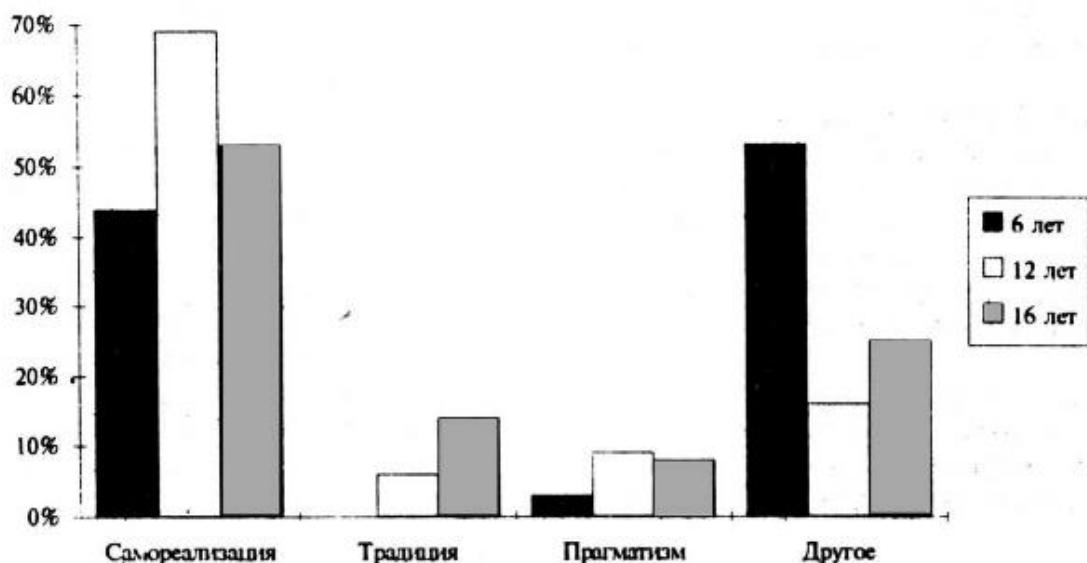

Рис. 2. Причины профессиональных предпочтений у детей.

бующих высшего образования, самореализация как основная причина предпочтения данных профессий и предпочтение внутренне-идеалистических личностных качеств.

Сравнение родителей и детей. Поскольку большое число родителей (65% матерей и 53% отцов шестилетних детей; 43% матерей и 52% отцов -- двенадцатилетних и 33% матерей и 58% отцов шестнадцатилетних детей) так и не смогли назвать конкретную профессию, которую они хотели бы для своих детей, а данных ответов недостаточно для проведения достоверного анализа, нам пришлось отказаться от сравнения профессиональных предпочтений детей и их родителей. Вместе с

тем, большинство родителей не называвших конкретную профессию, формулировали представления о том, что важно для них в профессии ребенка (например: "Я не знаю, кем бы мне конкретно хотелось, чтобы был мой ребенок, но главное, чтобы была интересная работа, где можно было бы полностью раскрыться").

На Рисунке 4 изображены причины предпочтений профессий, высказанные шестилетними детьми и их родителями. Как среди детей (44%), так и среди матерей (56%) и отцов (59%) значимо доминирует самореализация как ведущая причина предпочтения профессии ($\chi^2 (6) = 64.19$; $P < 0.001$).

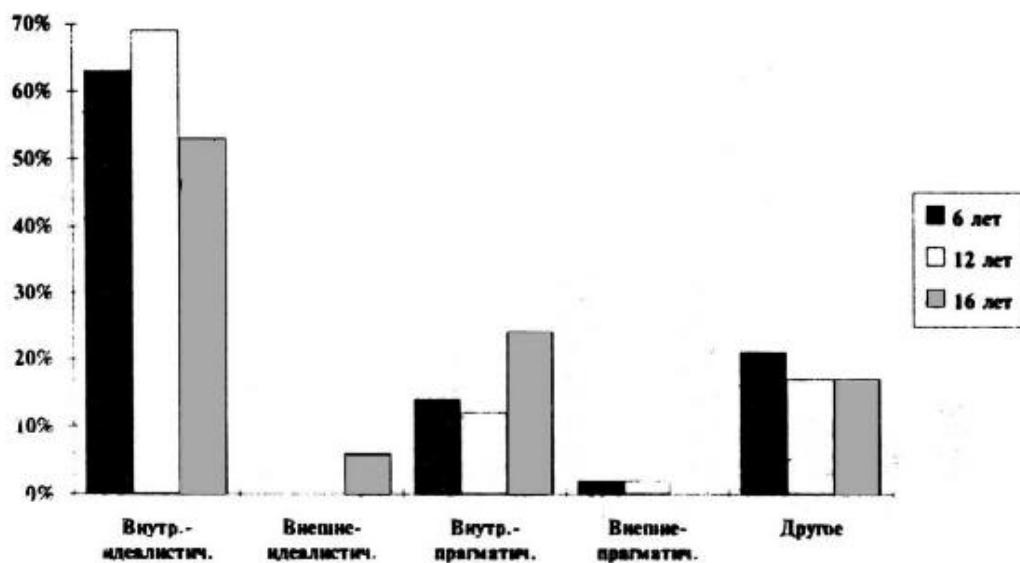

Рис. 3. Предпочтения личностных качеств у детей.

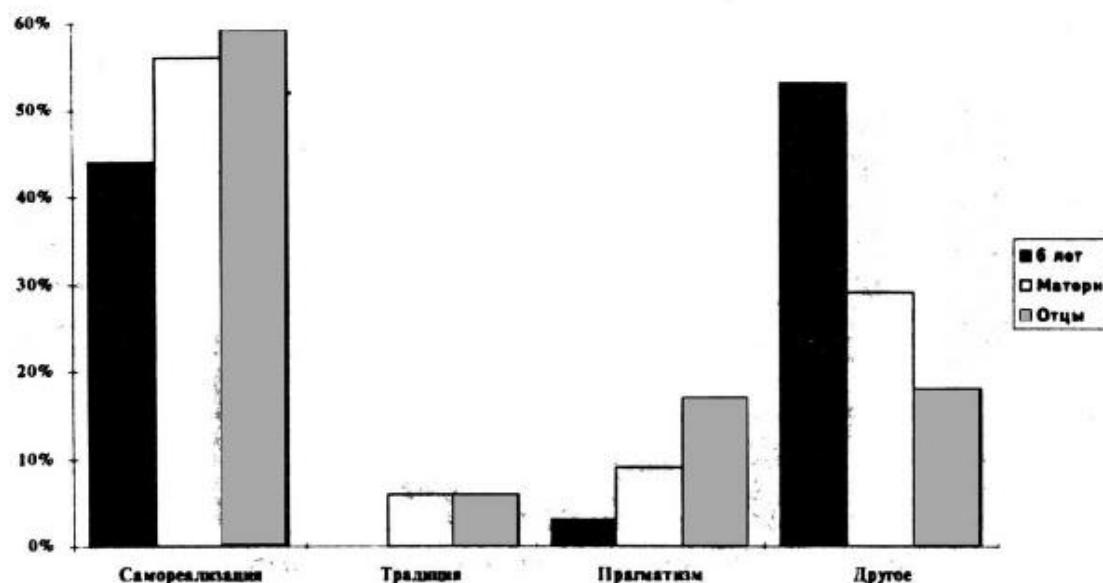

Рис. 4. Причины профессиональных предпочтений 6-ти летних детей и их родителей.

Сходные данные были получены при сравнении двенадцати- и шестнадцатилетних детей и их родителей. Рисунок 5 изображает причины предпочтения профессий двенадцатилетними детьми и их родителями. Как и в предыдущей группе, доминирующая причина --- самореализация ($\chi^2 (6) = 48.44$; $P < 0.001$): 69% детей, 50% матерей и 52% отцов указали на самореализацию как основную причину профессиональных предпочтений.

В группе шестнадцатилетних были получены аналогичные результаты (см. рис. 6). Так 53% детей, 50% матерей и 50% отцов указали самореализацию как причину профессиональных предпочтений ($\chi^2 (6) = 49.73$; $P < 0.001$).

Сравнение предпочитаемых личностных качеств обнаруживает сходные паттерны у ро-

дителей и детей во всех возрастных группах (см. рис 7, 8 и 9). Так, наиболее предпочтительными качествами были отнесенные к группе внутренне-идеалистических. 63% шестилетних детей ($\chi^2 (4) = 52.35$; $P < 0.001$), 75% их матерей ($\chi^2 (4) = 86.71$; $P < 0.001$) и 74% отцов ($\chi^2 (4) = 52.35$; $P < 0.001$) указали на качества, относящиеся к данной группе.

В группах двенадцати- и шестнадцатилетних тенденции были аналогичны. 69% двенадцатилетних детей ($\chi^2 (4) = 68.57$; $P < 0.001$), 68% их матерей ($\chi^2 (4) = 68.57$; $P < 0.001$) и 79% отцов ($\chi^2 (4) = 90.36$; $P < 0.001$) ссылались на внутренне-идеалистические качества.

В группе шестнадцатилетних детей и их родителей 53% детей ($\chi^2 (4) = 38.68$; $P < 0.001$), 67% матерей ($\chi^2 (4) = 72.32$; $P < 0.001$) и 72%

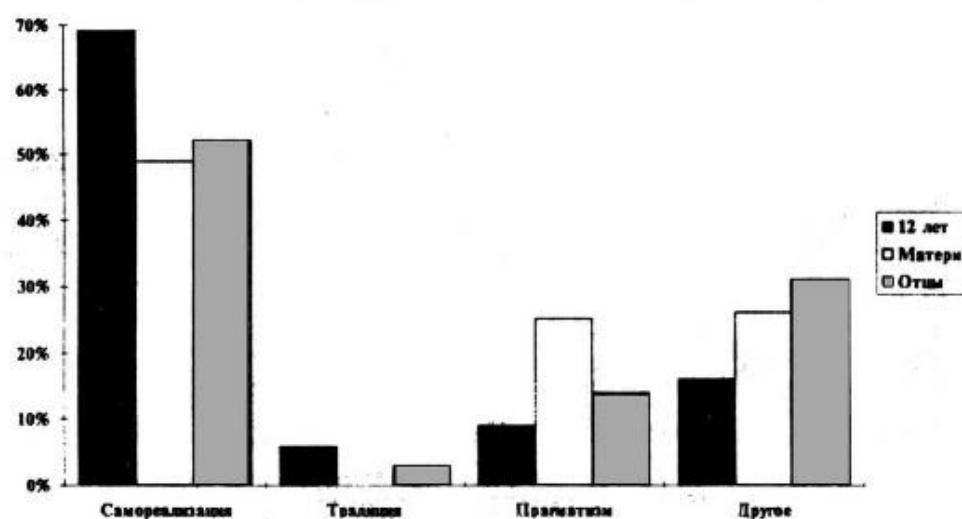

Рис. 5. Причины профессиональных предпочтений 12-ти летних детей и их родителей.

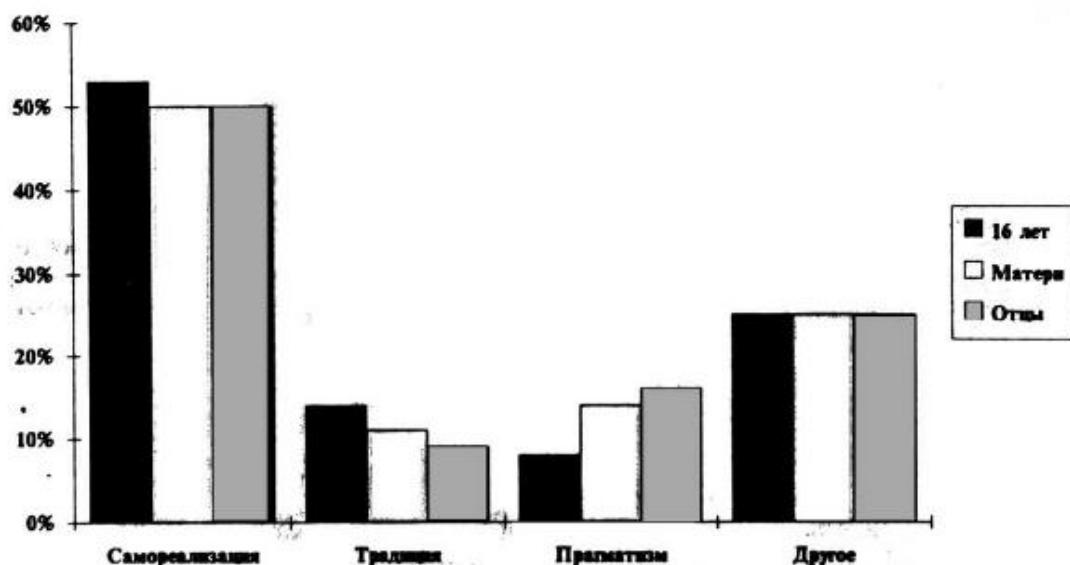

Рис. 6. Причины профессиональных предпочтений 16-ти летних детей и их родителей.

отцов ($\chi^2 (4) = 83.82; P < 0.001$) высказали предпочтение внутренне-идеалистических качеств.

Таким образом, во всех трех группах родители и дети высказывают сходные предпочтения личностных качеств: наиболее предпочтаемыми оказываются внутренне-идеалистические качества.

Сравнение родителей-в-возрасте-детей и детей. Как уже обсуждалось выше, в данной части исследования воспоминания родителей о своих предпочтениях в детстве сравнивались с предпочтениями детей. В связи с тем, что большое количество родителей (71% всех отцов и 66% всех матерей) не могли вспом-

нить, какие личностные качества они предпочитали в возрасте своих детей, мы вынуждены были исключить данную характеристику из последующего анализа.

Анализ воспоминаний родителей о своих предпочтениях профессий в детстве обнаруживает, что 60% матерей, будучи детьми, хотели быть учителем или врачом, в то время как 62% отцов хотели бы быть инженерами, летчиками или военными. Недостаточное количество испытуемых не позволило нам провести отдельный анализ жизненных планов мальчиков и девочек. Изменение исторического контекста, затрудняющее сравнение профессий (например, появлению большого ко-

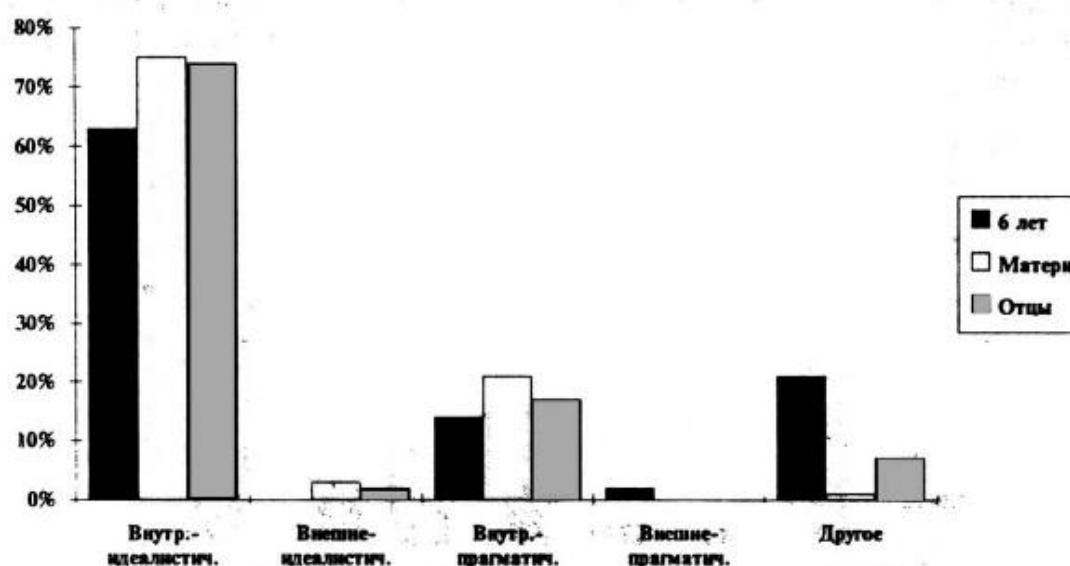

Рис. 7. Предпочтение личностных качеств 6-ти летними детьми и их родителями.

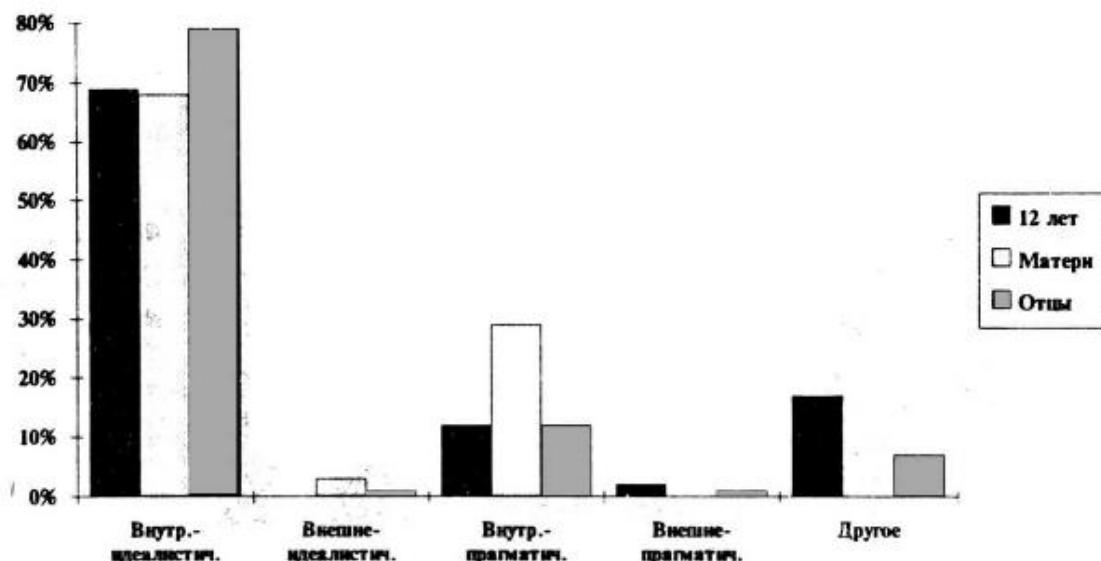

Рис. 8. Предпочтение личностных качеств 12-ти летними детьми и их родителями.

личества новых профессий, изменение престижа имеющихся) заставило нас временно отказаться от сравнения профессиональных предпочтений родителей и детей.

Вместе с тем, имеющихся данных оказалось достаточно для сравнения причин предпочтений профессий родителями и детьми. На рисунке 10 изображены причины предпочтения профессий шестилетними детьми и их родителями, когда они были в возрасте своих детей. Большинство детей, ответивших на этот вопрос (около 50% не смогло ответить) указали на самореализацию как основную причину предпочтения профессии ($\chi^2(3)=41.62$, $P<0.001$). 65% матерей ($\chi^2(3)=49.18$, $P<0.001$) и 53% отцов ($\chi^2(3)=42.57$; $P<0.001$) также

указали на самореализацию как основную причину профессиональных предпочтений.

На рисунке 11 изображены причины профессиональных предпочтений двенадцатилетних детей и их родителей в возрасте своих детей. 69% детей ($\chi^2(3)=48.57$; $P<0.001$), 66% матерей ($\chi^2(3)=46.79$; $P<0.001$) и 46% отцов ($\chi^2(3)=22.06$; $P<0.001$) указали на самореализации как основную причину их профессиональных предпочтений.

Причины профессиональных предпочтений шестнадцатилетних детей и их родителей в возрасте своих детей изображены на рисунке 12. В этой группе выявляются тенденции, сходные с двумя предыдущими группами. Как и в предыдущих группах, большинство

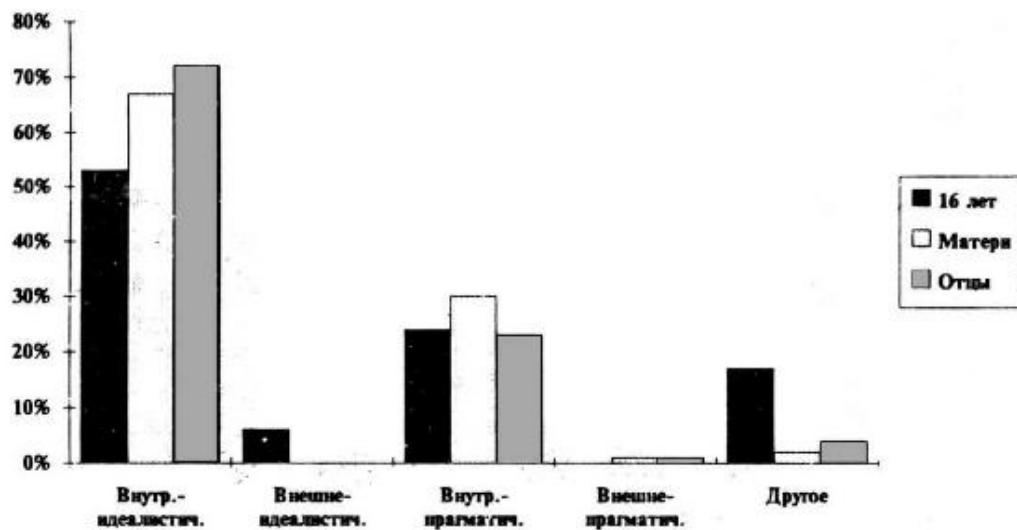

Рис. 9. Предпочтение личностных качеств 16-ти летними детьми и их родителями.

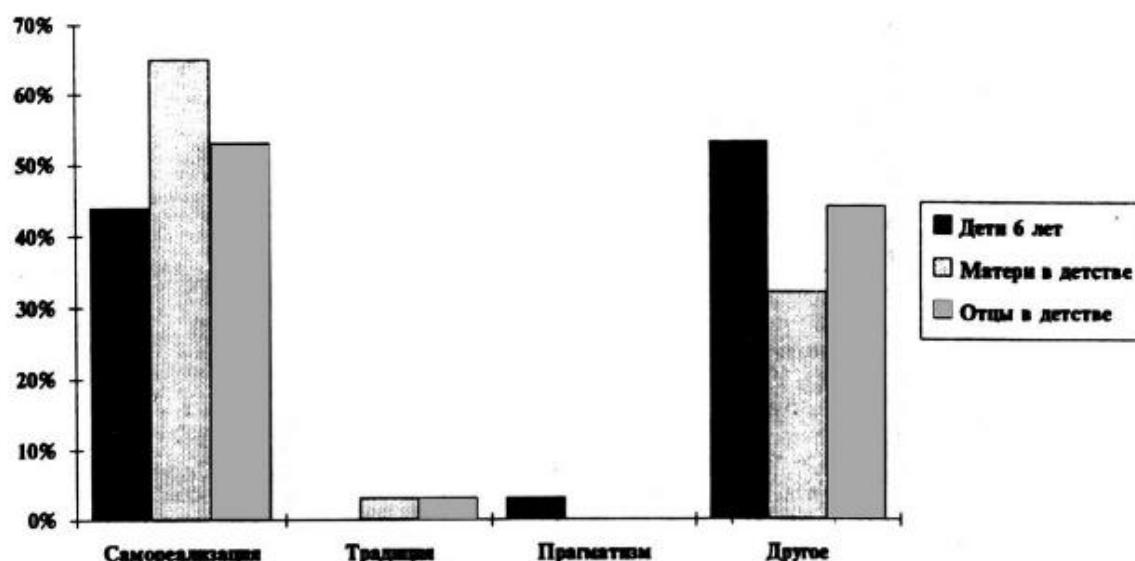

Рис. 10. Причины профессиональных предпочтений 6-ти летних детей и их родителей в детстве.

испытуемых, 53% детей ($\chi^2 (3)=25,52$; $P<0,001$), 56% матерей ($\chi^2 (3)=33,78$; $P<0,001$) и 56% отцов ($\chi^2 (3)=33,7$; $P<0,001$), приводили самореализацию как основную причину их профессиональных предпочтений.

Обсуждение результатов.

Прежде чем перейти к обсуждению результатов, хотелось бы остановиться на важном теоретическом вопросе: что отражают предложенные показатели? Отражают ли они индивидуальные различия в планировании будущего? Если это так, то анализ данных должен был выявить несколько групп предпочтете-

ний, вокруг которых группируются испытуемые. Отражают ли они ценности группы? В этом случае анализ данных должен был выявить выраженные групповые тенденции, различные в разных группах. Или они отражают общие культурные нормы и ценности, проявляющиеся в форме "социальной желательности"? В этом случае анализ данных должен был выявить устойчивые межгрупповые паттерны в жизненных планах испытуемых.

В проведенном исследовании выявляются сходные тенденции в построении жизненных планов детьми трех возрастных групп. Во всех трех группах дети высказывают заметное предпочтение квалифицированным про-

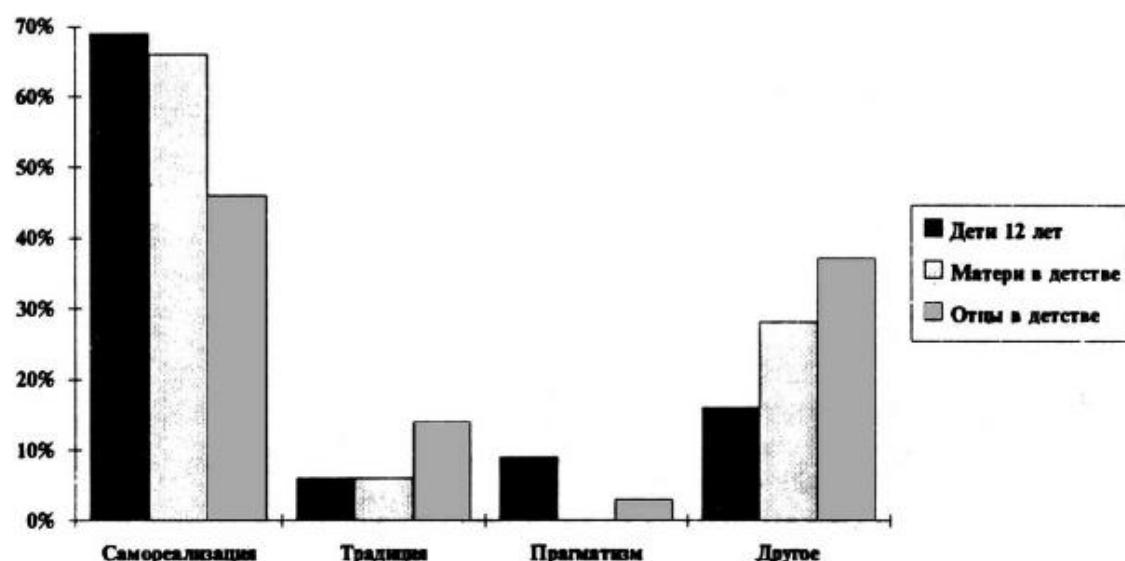

Рис. 11. Причины профессиональных предпочтений 12-ти летних детей и их родителей в детстве.

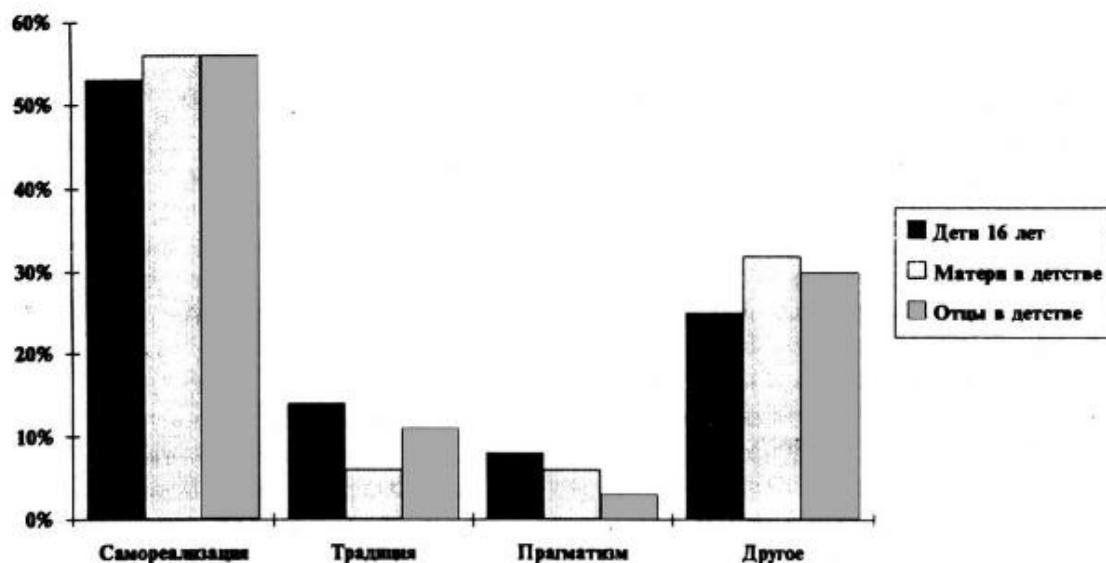

Рис. 12. Причины профессиональных предпочтений 16-ти летних детей и их родителей в детстве.

фессиям, требующим высшего образования. Во всех трех группах дети ссылаются на самореализацию как основной фактор, влияющий на их предпочтения. Во всех трех группах детей выявляется предпочтение внутренне-идеалистических качеств. Выявленные различия касаются лишь большего числа шестилетних детей, по сравнению с другими исследуемыми группами, не указывающими причин профессиональных предпочтений или имеющими предпочтения с сильным романтико-героическим компонентом. Эти различия, однако, едва ли могут быть атрибутированы происходящим социальным изменениям, поскольку переменные изменений смешены с рядом других переменных. Так, ответ на вопрос "Почему..." требует занятия рефлексивной позиции, что затруднительно для шестилетних детей. Что касается сильного романтико-героического компонента, то и он вряд ли может быть отделен от возраста и атрибутирован происходящим социальным изменениям.

Сравнения родителей и детей выявили лишь одно существенное различие: значимо большее число шестилетних детей, чем их родителей, не отвечали на поставленные интервьюером вопросы, что вряд ли может быть объяснено происходящими социальными изменениями. Эти данные скорее объясняются, специфическими характеристиками возраста (Kagan & Snidman, 1990). Во всех трех группах родители и дети указывали на самореализацию как основной фактор, влияющий на профессиональные предпочтения и на внутренне-

идеалистические качества как наиболее предпочтаемые.

Сравнение родителей-в-возрасте-детей и детей также не выявило значимых различий в построении жизненных планов.

Мы предлагаем рассмотреть, по крайней мере, три возможные интерпретации полученных результатов, понимая, что они не исчерпывают всех возможных интерпретаций.

Культурная интерпретация. Данная интерпретация основывается на представлении о культуре как наборе когнитивных средств (например, язык, письменность, арифметические операции, технологии, знаковые системы и т.д.), опосредующих представление индивидом окружающего мира. Поскольку социальные изменения не приводят к мгновенным изменениям когнитивных средств, трудно ожидать быстрых изменений представлений индивидов о ценности и социальной желательности определенных жизненных планов. Если паттерны социальной желательности действительно фиксируются в языке, когнитивных средствах и других социокультурных приспособлениях, то неудивительно, что наши данные созвучны с теми, которые были получены Инкелесом (1968) и Бронfenбrenнером (1970) в Советском Союзе в конце шестидесятых годов. Принимая во внимание, что более 50% названных личностных качеств относилось к характеристикам "добрый", "отзывчивый", "честный", "порядочный", трудно не вспомнить Алешу Карамазо-

ва, наставляющего мальчиков словами о необходимости быть добрыми и честными.

Данная интерпретация наиболее уязвима для спекулятивных обобщений, ибо ее эмпирическая проверка крайне затруднена.

Когнитивная интерпретация. Когнитивная интерпретация основывается на понятии константности восприятия (Rock, 1986) которая была определена как сохранение стабильности образа, несмотря на изменение объективных характеристик стимула. Традиционно это понятие применялось ко всем сенсорным модальностям. В настоящее время оно также применяется к социальной перцепции и самовосприятию (Aboud & Ruble, 1987). Полученные данные могут быть объяснены как стремление индивидов сохранять, сколь возможно долго, стабильный образ социальной среды. Можно себе представить, что ожидало бы людей, если бы образ мира изменился при каждом повороте или наклоне головы или если бы каждое изменение микро-социума приводило бы к существенной перестройке образа себя! При принятии данной интерпретации, остается открытым вопрос о том, насколько существенны должны быть изменения социальной среды, чтобы привести к изменению ее восприятия? Данная интерпретация представляется продуктивной как с точки зрения возможных эмпирических продолжений, так и с точки зрения ее эмпирической проверки. Эмпирическая проверка данной интерпретации может быть сведена к сравнению силы "объективных" (объективные социальные изменения могут быть получены с помощью "экспертов", политологов, живущих вне пределов России) и субъективных социальных изменений. Более высокие оценки "объективных" социальных изменений, чем субъективных могли бы быть свидетельством в пользу когнитивной интерпретации.

Социальная интерпретация. Социальная интерпретация требует введения допущения о том, что макро-социальная среда влияет на индивидов, прежде всего, косвенно, через

малые группы, в которые они входят. Поскольку данные о микросоциальных изменениях в России отсутствуют, можно предположить (пока не доказано обратное), что микросоциальные структуры не претерпели существенных изменений и, соответственно, нет оснований ожидать существенных изменений жизненных планов индивидов. Эта интерпретация согласуется с исследованиями "экологических перемещений" (ecological transitions) (Bronfenbrenner, 1979). При экологических перемещениях изменение индивидуально-психологических характеристик вызвано либо изменением роли индивида в малой группе (например, развод, потеря работы), либо изменением взаимоотношений между малыми группами, в которое входит индивид (например, смена места жительства, работы). Эмпирические данные о наличии или отсутствии изменений микросоциального контекста могли бы быть свидетельством за или против данной интерпретации.

Предложенная работа не претендует на окончательные ответы. Она скорее ставит вопросы, подчеркивающие необходимость дальнейших исследований. Так, полученные данные могут оказаться артефактом, отражающим лишь несовершенство предложенной методологии, ошибки изменения, или ложные теоретические посылки. Каждая из этих возможностей должна быть детально рассмотрена в последующих исследованиях. Так, воспроизведение результатов на иной выборке, могло бы быть сильным аргументом против интерпретации данных как артефакта, связанного с ошибкой измерения. Использование альтернативных категорий и перекодирование данных могли бы помочь выявить возможные методологические ошибки.

Продолжение эмпирических исследований в динамическом социо-культурном контексте могут помочь лучше понять не только данный контекст, но и более общие проблемы взаимоотношения между индивидом и социокультурным контекстом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Выготский Л.С. (1982). Собрание соч.: В 6-ти тт. М.: Педагогика.
2. Достоевский Ф.М. (1919). Братья Карамазовы.
3. Кэмпбелл Д. (1980). Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М.: Прогресс.
4. Лuria A.P. (1974). Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука.
5. Собкин В.С. (1993). Российская школа на рубеже 90-х: Социологический анализ.

6. Aboud, F. & Ruble, D. (1987). Identity constancy in children: Developmental processes and implications. In T. Honess & K. Yardley (Eds.). *Self and identity: Perspectives across the lifespan* (pp. 95-107). Boston: Routledge & Kegan Paul.
7. Appelbaum, M. I., & McCall, R. B. (1983). Design and analysis in developmental psychology. In P. H. Mussen (Ed.). *Handbook of child psychology* (4th ed) (Vol. 1). History, theory, and methods (pp. 415-476). New York: John Wiley & Sons.
8. Baltes, P., Reese, H., & Nesselroade, J. (1977). *Life-span developmental psychology: Introduction to research methods*. Monterey, CA., Brooks/Cole Pub.
9. Berry, J., Poortinga, Y., Segall, M., & Dasen, P. (1990). *Cross-cultural psychology: Research and applications*. New York: Cambridge University Press.
10. Bronfenbrenner, U. (1970). Two worlds of childhood: U.S. and U.S.S.R. New York: Simon & Shuster.
11. Bronfenbrenner, U. (1979). *The ecology of human development*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
12. Cashmore, J. & Goodnow, J. (1985). Agreement between generations. *Child Development*, 56, 493-501.
13. Cole, M. & Scribner, S. (1974). *Culture and thought: A psychological introduction*. New York: Wiley.
14. Flouris, G., Kassotakis, M., & Vamvoukas, M. (1990). The self-concept and career aspirations of Greek students in Greece, France, Germany and Egypt: An exploratory study. *School Psychology International*, 11(4), 261-271.
15. Furstenber, F. F., Jr (1971). The transmission of mobility orientation in the family. *Social Forces*, 49, 595-603.
16. Glick, J. & Clarke-Stewart, A. (Eds.). (1978). *The development of social understanding*. New York: Gardner Press.
17. Goodnow J. (1992). Parents' Ideas, Children's Ideas: Correspondence and divergence. In I. Siegel, A. McGillicuddy-DeLisi, & J. Goodnow (Eds.), *Parental belief systems: The psychological consequences for children*. (2nd ed.) (pp. 293-319). Hillsdale, NJ:
18. Inkeles, A. (1968). *Social Change in Soviet Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Kagan, J. & Snidman, N. (1990). Temperamental contributions to human development: The biological characteristics of infants influence their initial behavior to unfamiliar contexts. *Research and Clinical Center for Child Development*, No 12, 59-70.
20. Kohn, M., Naoi, A., Schoenbach, C., Schooler, C., & Slomczynski, K. (1990). Position in the class structure and psychological functioning in the United States, Japan, and Poland. *American Journal of Sociology*, 95, 964-1008.
21. Kohn, M., Naoi, A., Schoenbach, C., Schooler, C., & Slomczynski, K. (1990). Position in the class structure and psychological functioning in the United States, Japan, and Poland. *American Journal of Sociology*, 95, 964-1008.
22. Kohn, M., Slomczynski, K., & Schoenbach, C. (1986). Social stratification and the transmission of values in the family: A cross-national assessment. *Sociological Forum*, 1, 73-102.
23. Kohn, M., Slomczynski, K., & Schoenbach, C. (1986). Social stratification and the transmission of values in the family: A cross-national assessment. *Sociological Forum*, 1, 73-102.
24. LeVine, R. (1988). Human parental care: Universal goals, cultural strategies, individual behavior. In R.A. LeVine, P. Miller, and M. West (Eds.), *New Directions for Child Development*. (Ms. No. 40), 2-11. San Francisco: Jossey-Bass.
25. Levy, P.S. & Lemeshow, S. (1991). *Sampling of populations: Methods and applications*. New York: John Wiley.
26. Majoribanks, K. (1989). Environments, adolescents' aspirations and young adults' status attainment. *Educational Studies*, 15(2), 155-164.
27. Piaget, J. (1983). Piaget's theory. In P. Mussen (Ed.). *Handbook of child psychology* (4th ed.) (pp. 103-128). New York: John Wiley & Sons.
28. Rock, I. (1986). *Handbook of perception and human performance* (Vol. 2). New York: John Wiley & Sons.
29. Seligman, L., Weinstock, L., & Heflin, E. (1991). The career development of 10 year olds. *Elementary School Guidance and Counseling*, 25(3), 172-181.
30. Silbereisen, R., Petersen, A., Albrecht, H., & Kracke, B. (1989). Maturational timing and the development of problem behavior: Longitudinal studies in adolescence. *Journal of Early Adolescence*, 9(3), 247-268.
31. Sloutsky, V. & Searle-White J. (1993). Psychological responses of Russians to rapid social change in the former USSR. *Political Psychology*, 14(3), 511-527.
32. Smith, T. (1982). The case for parental transmission of educational goals: The importance of accurate offspring perceptions. *Journal of Marriage and Family*, 44, 661-674.

33. Tedin, K. (1974). The influence of parents on the political influence of adolescents. *American Political Science Review*, 68, 1579-1592.
34. Tomiak, J. (1992). Education in the Baltic states, Ukraine, Belarus, and Russia. *Comparative Education*, 28, 33-44.
35. Triandis, H. (1988). Cross-cultural contributions to theory in social psychology. In M. Bond (Ed.). *The cross-cultural challenge to social psychology (Cross-cultural research and methodology series, Vol. 11., pp. 122-140)*. Newbury Park, CA: Sage Publ
36. Trice, A. (1991a). Stability of children's career aspirations. *Journal of Genetic Psychology*, 152(1), 137-139.
37. Trice, A. (1991b). A retrospective study of career development: Relationships among first aspirations, parental occupations, and current occupations. *Psychological Reports*, 68(1), 287-290
38. Титма, М. (1975). Выбор профессии как социальная проблема. М.: Мысль.
39. Wagner, D. & Stevenson, H. (1982) Cultural influences on child development. New York: Freeman.
40. Werner, H. (1978). Developmental processes: Heinz Werner's selected writings (Vol 1). New York: International Universities Press.
41. Whiting, B. B., & Whiting J. W. M (1975). Children of six cultures: A psychocultural analysis. Cambridge: Harvard University Press.
42. Wohlwill, J. F. (1973). The study of behavioral development. New York and London Academic Press.

ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКА

ТРУДЫ ПО СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Том III. Выпуск IV.

Под редакцией В.С.Собкина.

Корректор Н.А.Гузман

**Тираж 450 экз.
Объем 24.5 ал.**

**Формат бумаги 60x80 1/8
Ценна договорная**
